

Российская Академия Наук
Институт философии

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРГУМЕНТАЦИИ**

Москва
2001

УДК 107
ББК 15.13
Т 33

Ответственный редактор

доктор филос. наук *И.А.Герасимова*

Ученый секретарь

Л.В.Кривых

Рецензенты:

доктор филос. наук *В.А.Бочаров*,

доктор филос. наук *А.С.Карпенко*

Т 33   **Теория** и практика аргументации. — М., 2001. — 184 с.

Сборник научных трудов, подготовленный сектором эволюционной эпистемологии, посвящен логическим, риторическим и когнитивным аспектам аргументации, убеждения, общения и понимания. В центре внимания многих авторов — логические приемы обоснования и аргументации, такие, как дедукция, индукция и абдукция. Предлагаются новые методики введения и употребления понятий, вопросно-ответных процедур. С позиций логической герменевтики обсуждается проблема непротиворечивости философских систем. Исследуются предпосылки возникновения искусства аргументации и особенности девиантной рациональности с когнитивной точки зрения.

Сборник научных трудов рекомендуется для специалистов по теории аргументации, методологов науки, логиков, а также для преподавателей и студентов.

Предисловие

Аргументация как особая интеллектуальная деятельность лежит в основании рационального познания и общения. Развитые формы рациональности демонстрирует научное мышление, которое по своей изначальной природе направлено на поиск оснований и логически безукоризненных следствий из них. Прошедшие строгую проверку аргументационные процедуры в методологии науки возводятся в ранг доказательств, реализующих идеалы ясности, точности, строгости, последовательности, непротиворечивости, и главное — логически принудительной необходимости. Высшие критерии определенности и строгости предъявляются к логическим и математическим доказательствам. В других, менее точных, дисциплинах вырабатываются свои специфические требования к отбору аргументов, определенности понятий и надежности выводов.

Научные доказательства составляют лишь часть доказательных рассуждений или аргументаций, если иметь в виду обширное поле общественных речевых баталий, политических полемик, дискуссий, споров, да и просто житейских бесед. Аргументация как интеллектуальная деятельность по поиску оснований и доводов, их анализу и отбору, планомерному рассмотрению альтернативных версий с их проверкой и оценкой логических следствий, с выбором наиболее эффективных решений, а также выявлением наиболее убедительных для адресата средств обоснования, составляет стержень любой информационной работы и пронизывает любые коммуникативные процессы.

Научные разработки проблем аргументации и практических руководств как никогда актуальны сейчас — в период становления особой культуры совместного мышления в условиях наиболее полного раскрытия возможностей индивидуального сознания и мышления. Современное мышление при развитом индивидуализме реализуется в многообразных видах диалога, который становится наиболее эффективной формой речевого и мыслительного взаимодействия при решении проблем. В сфере политики переход от демократии представительства и демократии участия как более высокой организационной системе будет действенным, если участники будут компетентны и логически грамотны в отношении проведения критических дискуссий и разрешения конфликтных вопросов. Интегративные процессы в науке способство-

вали возникновению междисциплинарного диалога; благодаря кооперации ученых появляются новые области знания. С развитием междисциплинарных, межкорпоративных, межконфессиональных дискурсов возникает потребность в новой методологии рациональной аргументации, учитывающей все разнообразие культурных, профессиональных и личностных аспектов коммуникации.

Интерес к аргументации проявляют многие дисциплины: философия, этика, психология, юриспруденция, лингвистика, риторика, логика (формальная и практическая), а также такие научные направления, как речевая коммуникация, критическое мышление, анализ дискурса, прагматика и искусственный интеллект. Междисциплинарные научные исследования координирует Международное общество по изучению аргументации (ISSA).

Настоящий сборник подготовлен специалистами — логиками, методологами и когнитологами из сектора эволюционной эпистемологии Института философии РАН совместно с сотрудниками с ними учеными. Большинство авторов, являясь преподавателями, имеют опыт практической работы по формированию навыков логического мышления и убеждения. В небольшой брошюре невозможно представить все подходы к аргументации в силу обширности и многопрофильности предмета, такая задача и не ставилась. В книге представлены темы либо слабоизученные, либо совсем новые, но все они отвечают насущным запросам современной практики.

В большинстве статей сочетается обсуждение общетеоретических проблем аргументации с прикладными. Сборник открывает исследование, раскрывающее целостную природу аргументации и убеждения (*Котельникова Л.А., Рузавин Г.И.*), изучение которой при научно-системном подходе должно включать, по мнению авторов, следующие аспекты и принципы: дедуктивную (или демонстративную) аргументацию, эвристическую (недемонстративную) аргументацию, интеррогативные стратегии диалога, разумное сочетание веры и вероятности, согласованность логических, психологических и нравственных методов убеждения. В методологии науки часто дедукция рассматривается как логика изложения (демонстрации), индукция как логика подтверждения гипотез. На абдукцию как рассуждение, которое от фактов приводит к объясняющей их гипотезе, впервые в литературе обратил внимание американский философ и логик Ч.Пирс. Стратегии и приемы абдукции (или логики поиска объяснительной гипотезы) широко распространены

как в научном, так и в повседневном мышлении, однако абдукция как осознанный метод известна лишь узкому кругу методологов. В сборник вошло фундаментальное исследование по абдукции, обобщающее все имеющиеся подходы и раскрывающее возможные области применения (*Рузавин Г.И.*).

В коллективном труде проводится четкая линия на развитие междисциплинарных подходов к аргументации; в статьях сочетаются идеи, принципы и методы логики, методологии науки, когнитивной эпистемологии, герменевтики, лингвистики, психологии. Такие традиционные для логики темы как понятие и вопросно-ответная процедура разрабатываются применительно к широкому полю культурных дискурсов. В статье *Герасимовой И.А.* развивается оригинальный подход, связывающий понятие с пониманием, причем акцент делается на методиках введения и рационального использования понятий. В теоретическом мышлении, восходящем до уровня системно-культурных обобщений, автор выделяет четыре основных подхода к логике понятия: историко-культурный, пространственно-культурный, системно-познавательный, культурлингвистический. В работе *Сориной Г.В.* представлены точки зрения классиков и современных философов на значение и особенности вопрошания в процессах исследования и аргументации. Особое внимание уделено так называемым властным вопросам в спекулятивных техниках.

Метод противоречия в аргументации (демонстрация несогласованности частей выступления оратора, высказываемого мнения с общепринятыми положениями и т.п.) используется с архаичных времен возникновения интереса к доказательным рассуждениям и спорам. Проблема непротиворечивости рассуждений продолжает оставаться актуальной и сегодня. В сборник вошло исследование *Шульги Е.Н.* по логической герменевтике, которое знакомит отечественного читателя с неизвестными работами польских логиков по критике философской аргументации. Сам термин "логическая герменевтика" предложен польским ученым Б. Вольневичем, под ней он понимал множество правил и критериев, управляющих логической интерпретацией философских систем. В статье приводятся многочисленные примеры непротиворечивости философских текстов. Проблема непротиворечивости логических и математических теорий обсуждается *Новоселовым М.М.*; особое внимание уделяется ее трактовкам в рамках развиваемого им интервального подхода. Многие рассуждения, приводящие к парадоксам, но в остальном безупречные, по существу только демонстрируют интервальный характер связанных с ними гносеологи-

ческих ситуаций. Таковы, в частности, известные апории Зенона Элейского или так называемый софизм «куча». В работе *Васюкова В.Л.* предлагается типология неклассических аргументаций и рассматривается ее применение на примере так называемой «рогатки» Черча.

Впервые в литературе предлагается и развивается когнитивный подход к аргументации. Для исторических дисциплин представит интерес исследование по возникновению искусства аргументации, связанного с особыми ментальными способностями. Данному вопросу посвящено исследование *Меркулова И.П.* Культурная зависимость форм аргументации и правомерность ее девиантных видов рассматривается в статье *Бесковой И.А.* Работа содержит тонкий когнитивно-символический анализ «логики бессознательного».

Авторы выражают глубокую признательность *Лидии Викторовне Кривых* за помощь при подготовке рукописи к печати.

И.А.Герасимова

Системный подход к процессу убеждения и аргументации

Введение

Аргументация составляет рациональную часть процесса убеждения, которая связана главным образом с логическими и эвристическими способами рассуждений. Но не меньшую роль в убеждении играют психологические, эмоциональные, интенционально-волевые и иные действия, которые принято относить к психологическим и прагматическим факторам. Кроме них заметное влияние на убеждение оказывают нравственные установки личности, ее социальные ориентации, индивидуальные склонности, привычки и т.п.

Однако в нашей литературе нашли отражение лишь логические и отчасти методологические проблемы процесса убеждения, да и здесь нередко в качестве почти единственного средства убеждения выдвигается дедукция, заключения которой являются обязательными для всякого, кто принимает ее посылки. Между тем убеждение представляет собой сложный процесс, в котором взаимодействуют многие факторы и успех которого зависит именно от единого, целостного их учета и потому требуют *системного* их рассмотрения. Однако до настоящего времени мы не имеем даже логической теории аргументации, в которой были бы сформулированы ее исходные понятия и принципы, из которых выведены другие ее понятия, частные принципы, методы и приемы. Под теорией аргументации в существующей литературе по этим вопросам рассматривается обычно разрозненная совокупность различных логических приемов обоснования одних утверждений другими. Да и здесь аргументация иногда отождествляется с доказательством, которое рассматривается в строго дедуктивном смысле

слова. Поэтому, например, тщательно разработанная в течение многих веков юридическая аргументация, опирающаяся на эмпирические установленные суждения и вещественные доказательства, не считается логически обоснованной аргументацией.

Тенденция к математизации дедуктивной логики, завершившаяся построением символической, или математической, логики, способствовала крупным достижениям не только в логике, но и автоматизации процессов вычислений и рассуждений. Однако в результате этого вне поля зрения логики остались такие типично не дедуктивные способы рассуждений, как аналогия, индукция и статистика. Хотя их заключения и не являются достоверными, а лишь вероятными, тем не менее они помогают искать правдоподобные аргументы и тем самым приблизиться к истине. Именно поэтому заслуживает внимания попытка возродить интерес к не дедуктивным и не формальным методам рассуждений, предпринятая в «Новой риторике» Х.Перельмана и некоторых других школах аргументации.

Поскольку аргументация, по нашему мнению, есть составная, а именно логико-методологическая, часть общего процесса убеждения, то и сам этот процесс следует рассматривать как целостный, системный процесс. Во всяком случае, в его основе лежат доводы, соображения и приемы рационального характера, начиная от критически ориентированного здравого смысла и кончая рафинированными логическими аргументами.

В предлагаемой статье сделана первая попытка подойти к процессу убеждения и аргументации именно с единой, целостной, системной точки зрения, что даст, по нашему мнению, возможность правильно оценить место и значение различных его подсистем. Обсуждение проблемы придется начать с установления различия между убеждением и другими приемами и методами воздействия на сознание и поведение людей.

Убеждение и принуждение

Наиболее знакомым способом воздействия на поведение людей, несомненно, служит принуждение. Отличие принуждения от убеждения на интуитивном уровне совершенно очевидно, хотя с юридической, социологической и нравственной точек зрения здесь существует немало «белых пятен» и проблем. Для наших целей достаточно будет отметить, что принуждение всегда осуще-

ствляется против воли и желания субъекта, независимо от того, совершается ли оно физическими или психическими действиями и средствами, в индивидуальной или коллективной форме. Здесь, однако, возникает трудный вопрос: где проходит грань между убеждением и принуждением в психической сфере, когда, например, методы внушения при гипнозе и психотерапии направлены на лечение больного особенно когда речь заходит об алкоголизме и наркомании? Хотя основное внимание при этом уделяется внушению положительных стереотипов поведения, т.е. убеждению, но это не исключает некоторых элементов принуждения, строго оговоренных в законе.

Убеждение же в подавляющем числе случаев предполагает согласие реципиента и его желание изменить состояние своего сознания. Такое изменение сознания может быть осуществлено самыми разными способами, начиная от простого разумного совета и рекомендации и кончая сложной, логически выстроенной аргументацией. Но кроме таких логически обоснованных способов убеждение включает эмоционально-психологические факторы, направленные на активизацию всех форм сознательной деятельности субъекта, а самое главное, чтобы его чувства и эмоции находились в гармонии с разумом, стимулировали поиск истины. Значительную роль в процессе убеждения играют нравственные принципы, сознательное приобщение к которым может коренным образом изменить внутренний мир и поведение человека.

Аргументация как рациональная форма убеждения

Одним из важнейших средств разумного убеждения является аргументация. Она называется так потому, что в ней убеждение основывается на доводах разума и логики, а не на эмоциях, чувствах и тем более не на волевом и ином воздействии или принуждении. Обычно аргументация принимает логический характер, хотя использующий ее человек может и не знать законов логики, подобно тому, как грамотно пишущий человек не может точно назвать правил грамматики. В данном случае законы и правила применяются бессознательно, автоматически, как само собой разумеющиеся нормы, поскольку они приводят к верным результатам. Но когда возникают ошибки в рассуждениях или в письменной речи, тогда именно законы логики или правила грамматики дают возможность не только обнаружить их, но и объяснить при-

чины их появления. Вот почему логика и грамматика играют такую важную роль в процессе убеждения. Поскольку в суждениях логики выражается отношение наших мыслей к действительности и они характеризуются как истинные и ложные, постольку логике принадлежит приоритет в рациональной аргументации. Разумеется, самыми убедительными доводами в аргументации в конечном итоге являются факты, но они должны быть соответствующим образом упорядочены и систематизированы, а этого можно добиться только с помощью логических суждений и умозаключений. В конце концов, разумное убеждение достигается с помощью логически правильных рассуждений, в которых заключения выводятся или подтверждаются с помощью истинных посылок. В случае, когда заключение следует из посылок по правилам логического вывода, рассуждение называют дедуктивным. Если же заключение лишь подтверждается и обосновывается посылками, то рассуждение будет не дедуктивным, например заключением по индукции, аналогии или статистической информации.

Логика и аргументация

Аргументация может осуществляться в различных формах, зависящих от использования тех способов умозаключений, которые при этом применяются для убеждения.

Наиболее убедительными считаются, конечно, *дедуктивные* умозаключения, которые в форме силлогизмов разрабатывал и применял еще основоположник классической логики Аристотель. В самом широком смысле дедуктивными называются рассуждения, заключение которых с логической необходимостью вытекают из посылок. Эти посылки могут быть истинными, правдоподобными или вероятными, или даже ложными, но если вы их приняли, то должны согласиться и с заключением дедукции. Вот почему в современной науке дедукция рассматривается как логический механизм преобразования информации, сохраняющий ее истинностное значение. Следовательно, она *переносит* истинностное значение посылок рассуждения на его заключение. Если эти посылки истинны и достоверны, то таким же будет и заключение. Подобный способ рассуждения в логике называют *доказательством*, и он является типичным для всех рассуждений в математике и точных науках.

Достоинства дедуктивных рассуждений состоят, *во-первых*, в том, что они допускают объективную, или точнее, интерсубъективную, проверку. Это значит, что каждый может проверить их посылки, а если он рассуждает по правилам дедуктивной логики, то и убедиться в достоверности заключения. *Во-вторых*, заключение, или следствие, дедукции имеет завершённый, окончательный характер, и поэтому его можно отделить от посылок и использовать его самостоятельно. Это свойство дедукции называют *автаркией*. Именно так поступают в математике, когда формулируют теоремы, не ссылаясь непосредственно на аксиомы, хотя в принципе через сложную цепь промежуточных дедукций их можно было вывести из аксиом. *В-третьих*, заключения, или следствия, дедукции, как мы уже отметили, имеют логически необходимый, доказательный, а следовательно, обязательный и принудительный характер для любого рассуждающего. На этом основании дедуктивные умозаключения, опирающиеся на истинные посылки, называют доказательными или демонстративными рассуждениями, а соответствующую аргументацию — демонстративной.

Все эти достоинства объясняют, почему именно дедуктивные рассуждения являются наиболее убедительными методами рассуждения, а очень часто в нашей литературе они просто отождествляются с аргументацией. Однако убедительность аргументации, как нетрудно убедиться, зависит прежде всего от характера тех аргументов, или доводов, которые служат посылками рассуждения. Очевидно, что если посылки дедукции будут ложными, то и заключение также будет ложным. Фундаментальный принцип дедукции состоит в том, что из истины нельзя по ее правилам вывести ложное заключение. Если посылки дедукции являются вероятными суждениями, тогда и заключение будет вероятным. Этот принцип относится и к исчислению вероятностей, аксиомы которой устанавливают, как из исходных вероятностей получаются другие вероятности. Все это показывает, таким образом, что дедуктивные умозаключения служат логическим механизмом преобразования информации, который не может превратить истину в ложь, а ложь в истину, а вероятность в невероятность.

Однако логика помогает не только преобразовывать существующую информацию и сохранять ее истинностное значение, но и *искать* новую информацию с помощью особых форм рассуждения, которые в отличие от дедуктивных умозаключений мы назовем *эвристическими*. Термин «эвристика» (от древнегреч. *heurisko*, означающий находю или ищу) адекватно характеризует сущность недедуктивных рассуждений, которые ориентированы именно на

поиск истины. Соответственно этому к эвристическим методам относятся те методы аргументации, которые основываются, во-первых, на *недедуктивных* способах рассуждений, во-вторых, используют определенные *эвристические* принципы для поиска истины. Общая черта, характерная для всех методов эвристической аргументации, — это вероятность их заключений и правдоподобный характер используемых рассуждений. Располагая истинными посылками в правдоподобном рассуждении, мы не можем гарантировать истинность его заключения. Можно поэтому сказать, что их посылки лишь с той или иной степенью вероятности подтверждают заключение. Самым распространенным способом таких рассуждений, известным еще с античной эпохи, является *индукция*, в которой на основании исследования определенного числа элементов определенного множества объектов, делается заключение обо всем множестве или по крайней мере о некоторых неисследованных его подмножествах или элементах. В науке такой процесс переноса известного знания на неизвестные случаи называют *экстраполяцией*, а в статистике — заключением от образца к популяции или, как принято в нашей литературе, — от выборки к генеральной совокупности. В связи с указанными соображениями мы можем рассматривать заключение от выборки к генеральной совокупности как *статистическую* индукцию.

Другим видом эвристических, или вероятностных, рассуждений является *аналогия*, основанная на сходстве некоторых признаков двух или нескольких объектов, причем это сходство используется для экстраполяции определенных признаков одного или нескольких объектов на другой объект. Очевидно, что заключение аналогии в принципе тоже будет всегда лишь вероятным, но не достоверно истинным. То же самое следует сказать о статистических обобщениях.

Различие между дедуктивными, или демонстративными, рассуждениями и рассуждениями эвристическими, или недемонстративными, можно представить наглядно в виде соответствующих схем. Типичными элементарными схемами дедуктивных рассуждений являются, во-первых, заключение от истинности основания к истинности следствия (*modus ponens*), во-вторых, заключение от ложности следствия к ложности основания (*modus tollens*)

$$A \Rightarrow B [(A \Rightarrow B) \& A] \Rightarrow B$$

$$\frac{A}{B}$$

modus ponens

$$A \Rightarrow B [(A \Rightarrow B) \& \neg B] \Rightarrow \neg A$$

$$\frac{\neg B}{\neg A}$$

modus tollens

В отличие от этого все недемонстративные, или эвристические, рассуждения выражаются *гипотетической* формой заключения.

$A \Rightarrow B$ и B — истинно, значит, A вероятно в определенной степени. Это утверждение не является правильным дедуктивным умозаключением, и поэтому не служит правилом вывода.

Демонстративная аргументация

Аргументацию, основанную на доказательных рассуждениях, целесообразно назвать *демонстративной*, поскольку она показывает, по каким логическим правилам происходит процесс доказательства, а тем самым и аргументации. Это значит, что аргументация в этом случае совпадает с доказательством в том узком смысле, в каком оно рассматривается в точных науках. Существует, однако, более широкое понятие доказательства, которое применяется в юридических науках. Общим для них является установление объективной истины, которое достигается путем логического обоснования истинности одних утверждений с помощью других. Но если в точных науках для этого используется дедукция из общих посылок, то в юриспруденции используются данные непосредственного чувственного познания, показания свидетелей, экспертные заключения и даже вещественные доказательства, которые в строгом смысле слова являются единичными утверждениями. Более того, здесь допускается вывод от одного единичного утверждения к другому, который можно с формальной точки зрения оправдать как элементарную импликацию, но юристы придают ему содержательный смысл только тогда, когда между рассматриваемыми утверждениями существует определенная объективная связь. Пожалуй, самое основное отличие юридических доказательств от научных состоит в том, что они всегда рассматриваются в единой, целостной системе, составляя определенный *процесс доказывания*. Специфические особенности юридического доказывания, как и сущности самого доказательства, сформулированы в статьях 68 и 70 действующего уголовно-процессуального кодекса (УПК):

«Доказательствами по уголовному делу, — читаем мы в статье 68, — являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке орган дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела»¹.

В статье 70 процесс доказывания определяется как собирание, проверка и оценка данных, прежде всего на стадии досудебного расследования, хотя окончательное их обоснование и проверка происходит на судебном заседании в ходе состязания обвинения и защиты. Мы сослались на эти формулировки официального документа для того, чтобы показать, во-первых, что в юридической аргументации формальная, логическая сторона доказательства всегда должна учитывать содержательную, правовую сторону вопроса; во-вторых, традиционное понимание доказательства является одним из возможных, но не единственным. В еще большей мере это справедливо относительно аргументации и связанных с ней эвристических способов рассуждения.

Эвристическая аргументация

В отличие от демонстративной аргументации *эвристическая*, или недемонстративная, аргументация не обладает такими точными правилами, ибо она основывается на вероятностных, или правдоподобных рассуждениях. Таким образом, если выводы демонстративной аргументации носят *обязательный*, можно даже сказать принудительный характер, заставляя соглашаться с ними, то заключения эвристической аргументации имеют *разрешительный* характер, и поэтому допускают возможность выбора одной из возможных альтернатив.

От эвристических рассуждений следует отличать специфические эвристические принципы, которые используются в наиболее развитых науках для построения теорий. Таким является, например, принцип соответствия в современной физике, с помощью которого удалось угадать и найти математический формализм квантовой механики по аналогии с величинами и аппаратом классической механики. Но всегда следует помнить, что все указанные эвристические принципы и способы рассуждения являются не методами доказательства, а приемами рационального поиска, приближающими нас к истине, но не гарантирующими ее безусловное достижение. Опираясь на такие принципы, методы и приемы, мы можем вести поиск истины более целенаправленно, систематически и организованно, чем путем простого перебора случаев. В связи с этим нам представляется вряд ли убедительным утверждение Карла Поппера, что научный метод сводится к непрерывной цепи проб и ошибок, а рост знания *«от амебы до Эйнштейна происходит единообразным путем проб и ошибок»*².

В науке каждый новый шаг в исследовании опирается на предыдущие, и поэтому все знания, хорошо проверенные и надежно подтвержденные опытом и практикой, не отбрасываются, а входят составной частью в более обширные системы нового знания. По-видимому, утверждение К.Поппера было связано с критикой верификационизма позитивистов и защитой критерия фальсификации, согласно которому единственно допустимыми в науке являются только те гипотезы и теории, которые в принципе допускают опровержение.

Различие между логическими формами рассуждений во многом определяет разное отношение к демонстративной и недемонстративной, или эвристической, аргументации. У Аристотеля доминировала в основном демонстративная аргументация, основанная на его учении о силлогизмах. *«Доказательство, — пишет он в «Топике», — имеется тогда, когда умозаключение строится из истинных и первых (положений), т.е. из таких, знание которых берет свое начало от тех или иных первых и истинных (положений). Дialeктическое же умозаключение — это то, которое строится из правдоподобных положений»*³. К правдоподобным положениям Аристотель относил индуктивные обобщения. Такие обобщения хотя и встречаются в его «Риторике», но занимают подчиненное место, поскольку приводят не к доказательству, а к установлению определенного мнения.

В дальнейшем традиция, идущая от Аристотеля, отошла на второй план и вместо нее в риторике центральное место заняла не логика, а лингвистика, где основное внимание обращалось на стиль речи, ее образность, риторические обороты и т.п. В дальнейшем аргументация утратила всякие связи с логикой. Такое положение сохранялось вплоть до 40-х годов XX века, когда возникли новые представления и концепции об аргументации, и сама она стала постепенно отходить от лингвистической ориентации. Наиболее яркое выражение новый подход к аргументации получил в трудах Х.Перельмана, который вместе с Ольбрехт-Титекой в течение десяти лет изучали приемы и методы аргументации, которыми пользуются юристы, политики, социологи и другие представители гуманитарных профессий.

«Мы, — пишет Х.Перельман, — получили результаты, которые никто из нас не ожидал. Не зная и не желая этого, мы открыли ту часть аристотелевской логики, которая долгое время была забыта или, по крайней мере, игнорировалась и презиралась. Эта часть имела дело с диалектическими рассуждениями, которые противопо-

ставлялись рассуждениям демонстративным, названным Аристотелем аналитическими, и которые подробно обсуждались в «Риторике», «Топике» и «О софистических рассуждениях». Мы назвали эту новую, или возрожденную, отрасль исследования, посвященную анализу неформальных рассуждений «Новой Риторикой»⁴.

К неформальным рассуждениям Перельман относит рассуждения, которыми пользуются при принятии решений судьи, государственные деятели, политики и другие лица. Все они при этом опираются не столько на достоверные, сколько правдоподобные доводы, и поэтому используют недемонстративную аргументацию, заключения которой не полностью достоверны, а только вероятны в большей или меньшей степени. Демонстративные, или доказательные, рассуждения, широко применяемые в математике и точных науках, значительно абстрагируются от реального процесса рассуждений, используемых, например, в судебном заседании, политическом диспуте или научной дискуссии. Во всех таких случаях происходит обмен мнениями, оценка правдоподобности выдвигаемых мнений и приводимых аргументов и контраргументов и т.п. Короче говоря, реальный процесс убеждения представляет собой скорей диалог, обмен мыслями, чем простой монолог, когда, например, учитель излагает содержание математического доказательства учащимся.

Аргументация и диалог

Возникновение диалога как формы совместного поиска истины было обязано развитию античной диалектики и риторики. Признанным мастером ведения диалога и даже основоположником этой формы аргументации считается Сократ, который не оставил письменных текстов, но о сущности его метода мы можем судить по сочинениям его великого ученика Платона. Большая часть сочинений Платона, как известно, написана в форме диалогов, в которых выразителем идей автора является Сократ. Сам Сократ вел свои диалоги с добровольными слушателями преимущественно на нравственные и политические темы в устной форме вопросов и ответов. Поэтому его метод часто называют методом вопросов и ответов. Но такой метод отнюдь не сводится к простой постановке вопросов и получению на них однозначных ответов. Для иллюстрации обратимся к простейшему примеру. Является ли обман злом? Многие, наверное, ответят на этот вопрос

утвердительно. Стоит, однако, спросить: представляет ли обман на войне противника зло, как сразу же станет очевидной ошибочность такого ответа. Путем постановки соответствующих вопросов и анализа последующих ответов Сократ шаг за шагом выявлял противоречия во мнениях оппонентов и в конечном итоге приводил их к нахождению истины. Подобный процесс поиска истины путем диалога великий грек сравнивал с искусством повивальной бабки и называл *маевтикой*, помогающей рождению новой истины.

Некоторые современные авторы характеризуют сократовский диалог как разновидность гипотетико-дедуктивного метода, но такое утверждение обращает внимание только на чисто формальное сходство между ними. Действительно, мнения или предварительные ответы на вопросы можно рассматривать как предположения или гипотезы, из которых можно вывести определенные следствия. Сопоставляя эти следствия с действительным положением вещей, можно придти к правильному ответу. Однако главное достоинство диалога состоит не столько в сопоставлении разных мнений, сколько в правильной постановке последовательных вопросов, ответы на которые, в конце концов, приводят к поиску истины. В принципе гипотетико-дедуктивный метод может применяться и отдельным лицом, в то время диалог предполагает обмен мыслями и общение с другими людьми или аудиторией. На эту сторону диалога обращает особое внимание Х.Перельман, подчеркивая, что аргументация предполагает *«взаимодействие или «встречу умов»*. *В этом взаимодействии, с одной стороны, выступает воля оратора, который стремится не принудить, а убедить аудиторию, а с другой стороны, готовность последней слушать оратора. Такая добрая взаимная воля должна существовать не только при решении общих, но и частных вопросов»*⁵.

Поскольку аргументация стремится убедить аудиторию, понимаемую, в широком смысле слова, т.е. не только слушателей, но и читателей и зрителей, в истинности или справедливости решения тех или иных проблем общественно-политической, социально-экономической или культурной жизни, постольку самым важным для оценки ее эффективности является получение согласия аудитории с теми доводами, соображениями, мнениями, короче — аргументами, которые приводятся для обоснования предлагаемых решений. Очевидно, что такое согласие во многом зависит от состава и уровня подготовки аудитории. Если для обсуждения и решения непосредственных практических задач достаточно наличия простого жизненного опыта, то рассмотрение

сложных задач государственного управления, перспективной экономической политики, развития культуры и т.п. требуются специальные знания и профессиональная подготовка. Соответственно этому различаются и разные виды и формы диалога.

В области образования и обучения выделяют обычно *дидактический* диалог, который способствует активизации учащихся, развитию у них самостоятельности мышления. Задавая наводящие вопросы, педагог заставляет учащихся строить предположения и гипотезы, оценивать их правдоподобность и обоснованность, а тем самым целенаправленно искать истину. Дидактический диалог в известной степени сходен с сократическим диалогом, хотя аналогия здесь носит внешний характер, так как цель поиска заранее известна педагогу, который добивается, чтобы учащиеся с помощью наводящих вопросов и ранее полученных знаний пришли к новой истине.

Поисковый диалог применяется главным образом в научном исследовании для открытия новых научных истин. В этих целях кроме тщательного анализа данных наблюдения и результатов экспериментов широко используются эвристические способы и принципы исследования, о которых говорилось выше. Очевидно, что указанный диалог применяется главным образом в рамках научно-коллектива, проводящего определенное исследование. Более широкий характер такой диалог приобретает при обсуждении актуальных и перспективных научных проблем на международных и национальных конгрессах, конференциях и симпозиумах. По своей организационной форме диалоги в науке приобретают характер дискуссий и диспутов, которые нередко сопровождаются резкой полемикой защитников разных программ и точек зрения.

Интеррогативная модель диалога

В последние годы были предприняты попытки по усовершенствованию методов и приемов ведения диалога и рационального рассуждения в целом, основанные на использовании некоторых новейших логико-математических теорий. Наиболее интересной представляется в этой связи интеррогативная модель диалога, опирающаяся на современную логику вопросов (английское слово *interrogation* – вопрос). В диалогах Сократа, как мы видели, самым ценным является именно умелая постановка вопросов, анализ ответов на которые дает возможность приблизиться к истине.

Современная логика вопросов может помочь в рационализации постановки вопросов. По мнению известного финского логика Я.Хинтикки и его соавтора Д.Бачмана, анализ аргументации сводится к тому, чтобы представить всю линию рассуждения в форме явно сформулированных вопросов и ответов, с одной стороны, и умозаключений, полученных на их основе, — с другой⁶.

В интеррогативной модели аргументация или рассуждение рассматривается как своеобразная игра с вопросами и ответами, которая использовалась для тренировки в рассуждениях еще в Академии Платона. Современная модель является гораздо более совершенной, ибо опирается на принципы и методы теории игр Джона фон Неймана и специально созданную логику вопросов. В этой модели новая информация вводится в аргументацию только с помощью интеррогативного хода, т.е. постановки вопроса. Дедукция только помогает преобразовать полученную информацию. Рассматриваемая модель заслуживает внимания по двум причинам. Во-первых, она заставляет думать, прежде всего, о вопросах, с помощью которых можно получить недостающую информацию, а тем самым сужать количество возможных альтернатив. Во-вторых, в процессе диалога необязательно стремиться к опровержению ответа партнера, поскольку существуют другие возможности действия, например, ограничению его утверждений, частичному согласию с ними и т.п.

Убеждение, разумная вера и вероятность

В ходе реальной аргументации очень часто приходится обращаться к таким факторам убеждения, которые трудно назвать строго объективными. На примере недемонстративных методов аргументации можно выяснить, что они опираются на такие понятия, как рациональная, или разумная, вера, степень вероятности или правдоподобия, скорректированная персональная или личная вера и даже чисто субъективная вера.

На протяжении всей истории философии высказывались самые различные взгляды по вопросу о соотношении понятий веры, убеждения, уверенности и вероятности, но большинство исследователей аргументации отделяло рациональную, разумную веру от веры неразумной и необоснованной.

Основатель классической логики Аристотель считал рациональной такую веру, которая возникает при объективном исследовании фактов с помощью средств и методов логики. В филосо-

фии Нового времени Дэвид Юм связывает и даже, пожалуй, отождествляет веру с убеждением, придавая им преимущественно субъективный характер. Когда человек убежден в чем-то, то именно вера, по его мнению, придает его суждениям «больше силы и влияния», запечатлевает их в уме, и делает их руководящими принципами всех наших действий⁷. Иммануил Кант впервые попытался разграничить объективное познание от субъективного познания, убеждение от веры. Верность наших суждений, указывал он, *«может покоиться на объективных основаниях, но требует и субъективных причин в душе того, кто так судит. Если это имеет значение для каждого, поскольку он имеет разум, то основания его в объективном отношении вполне достаточны и уверенность тогда называется убеждением. Но если оно имеет свою основу только в особых свойствах субъекта, то его называют уверенностью»*⁸.

В научном познании объективная характеристика убеждения оценивается не только качественно, но и количественно с помощью понятия степени рациональной или разумной веры. Именно это понятие обычно используется для интерпретации вероятности действий разумно действующего или рассуждающего субъекта. Сама категория вероятности при объективной ее интерпретации отображает степень возможности события, действия или решения. Первая модель для количественной оценки вероятностей была построена, как известно, для анализа азартных игр еще в XVII веке. В ее основе лежала идея о симметричности исходов игры или равновозможности шансов для каждого игрока. Если число благоприятствующих случаев, или шансов, будет равно m , а число всех равновозможных — n , тогда вероятность выигрыша составит m/n . На основе такой простой схемы было построено первое исчисление вероятностей, которое впоследствии получило различные другие интерпретации. Поскольку в реальном мире сравнительно редко встречаются симметричные исходы событий, постольку прежняя, классическая интерпретация вероятности была непригодна для количественной оценки вероятности случайных массовых событий. Было давно замечено, что чем чаще происходят такие события, тем выше степень вероятности их появления. Поэтому о вероятности массовых случайных, или повторяющихся, событий можно судить по их относительной частоте m/n , где m обозначает число появления случайного события, а n — число всех наблюдений. Такую интерпретацию вероятности называют *статистической*, поскольку вероятность здесь находится с помо-

шью статистических методов анализа относительных частот. Указанная интерпретация вероятности получила широкое признание в естественных, технических и социально-экономических науках.

Статистическая интерпретация вероятности не подходит, однако, для оценки индивидуальных действий, решений и ожиданий людей. Поэтому в последние годы все чаще стали обращаться к другим интерпретациям вероятности, в которых речь идет о степени веры субъекта. Однако при этом рассматривают не фактическую степень его индивидуальной веры, а веру рационально действующего субъекта, поступающего и рассуждающего во всем разумно, не имеющего предпочтений, не совершающего ошибок, не подверженного предрассудкам и т.п. нерациональным действиям. Такие идеализации часто используются в науке, например в рыночной экономике, говорят о *homo economicus*, как рационально действующем субъекте хозяйства, так как это значительно упрощает все рассуждения.

Аналогично этому поступают тогда, когда рассматривают вероятность как разумную степень веры рационально действующего или рассуждающего субъекта. Но чтобы определить количественную меру веры в логике анализируют отношение между такой верой, сформулированной в виде гипотезы, и теми данными или свидетельствами, которые ее подтверждают. В принципе все недемонстративные рассуждения относятся к логике потому, что они анализируют логические отношения между суждениями. Однако в отличие от дедуктивных рассуждений их заключения не достоверны, а только вероятны, или правдоподобны.

Несмотря на сходство в терминологии, логическую вероятность не следует отождествлять с вероятностью статистической. Если первая имеет дело с *суждениями*, то вторая — с реально существующими случайными массовыми событиями, и поэтому ее характеризуют как вероятность *объективную*. Тем не менее обе эти интерпретации вероятности не следует противопоставлять друг другу, поскольку в процессе аргументации они не исключают, а, наоборот, предполагают и дополняют друг друга. Действительно, часто посылки аргументации основываются на статистической информации и поэтому заключение, полученное из нее путем дедукции, имеет вероятностно-статистический характер.

Особо следует остановиться на спорном вопросе о вероятности отдельного события. В практических делах, а иногда и в науке, нам нередко приходится говорить о возможности какого-либо единичного события, а тем о степени его вероятности. Статисти-

ческая интерпретация отказывается говорить о вероятности такого события, ибо она рассматривает только массовые события, хотя некоторые ученые пытались приписывать индивидуальным событиям фиктивные частоты, но потерпели на этом неудачу. Логическая интерпретация к вероятности отдельного события также не применима. И все же поиски подходящей интерпретации продолжаются. Некоторые авторы пытались связать вероятность отдельного события с субъективной верой индивидуума, которую оценивали с помощью определенных тестов, но вскоре убедились, что на ее основе нельзя построить общезначимую теорию. Поэтому в психологии для оценки степени вероятности субъекта в событие часто обращаются к так называемой *персоналистской* интерпретации, согласно которой степени вероятности лица должны удовлетворять постулатам исчисления вероятностей.

Психологические аспекты убеждения

В существующей литературе психологический анализ процесса убеждения обычно ограничивается обсуждением тех ошибок, которые возникают в ходе спора в результате подмены логических приемов аргументации разнообразными психологическими уловками. Подобные уловки наряду с сознательным нарушением правил логических умозаключений начали использовать еще античные софисты, которые стремились не к поиску истины, к победе в споре любой ценой. Все подобные уловки и основанные на них рассуждения в дальнейшем стали называть *софистическими*. Среди них особо выделяются приемы и доводы аргументации, ориентированные на те или другие психологические качества и особенности людей (тщеславие, невежество, гордость, жалость, несамостоятельность и т.п.). Обычно в логике такие аргументы обозначают термином *argumentum ad hominem*. Иногда их называют также нелояльными аргументами, хотя неясно, в чем заключается их нелояльность⁹.

Несомненно, что психология наряду с логикой играет также большую роль в процессе убеждения. Важно только, чтобы она не подменяла логику. Именно поэтому Аристотель в своей «Риторике» обращает внимание на то, что убеждение достигается также «эмоциональным воздействием <оратора> на слушателей, умением вызывать у них соответствующие обстановке чувства и настроения»¹⁰. Обсуждению воздействия различных эмоций, или, как он

их называет, страстей души, посвящена большая часть второй книги его «Риторики». Чтобы убедить слушателей, оратор, по мнению Платона, должен разбираться в «природе души», подобно тому, как врач знает природу тела. Он должен быть достаточно сведущ, чтобы сказать, какой человек и в зависимости от чего поддается убеждению¹¹.

Психологические факторы убеждения впоследствии стали изучаться в рамках общего процесса коммуникации в социально-гуманитарных науках. Поэтому в современных исследованиях стали более основательно изучаться конкретно те явления, которые воздействуют на мысли и поведение людей с помощью тех внутренних, психологических изменений, которые вызывают у них сообщения, относящиеся к сфере социально-экономической, политической и гуманитарной деятельности¹².

Однако в современной практике аргументации психологические аспекты аргументации нередко рассматриваются как моменты, ослабляющие действие рациональных доводов. Особенно часто это встречается в юридической деятельности адвокатуры, стремящейся таким способом парализовать аргументы обвинения.

В логической литературе и адвокатской практике описаны разные способы отступления от тезиса, начиная от прямого перехода от прежнего тезиса к другому и кончая так называемыми *диверсиями*. Суть последних состоит в том, чтобы переключить внимание слушателей и перевести обсуждение или спор на другую тему. Очевидно, что простой отказ от прежнего тезиса сразу станет замечен слушателями, но если он будет замаскирован апелляцией к чувствам жалости, сострадания и гуманности, то может изменить их мнение. Известно, например, какой убедительностью и «прямо колдовской заразительностью» отличались речи знаменитого русского адвоката Ф.Н.Плевако. О нем рассказывают такой случай: судили старушку, укравшую чайник. Защитником ее выступил Плевако. Прокурор, зная силу его речей, заранее решил парализовать их влияние и согласился, что эту незначительную кражу старушка совершила из-за горькой нужды. Но собственность — священна и подсудимая должна понести наказание, ибо на охране собственности держится наше государство. Вслед за ним поднимается Ф.Н.Плевако и заявляет: *«Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России за ее больше чем тысячелетнее существование. Печенеги терзали, половцы, татары, поляки. Двенадцать языков обрушились на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний.*

Но теперь, теперь... старушка украла старый чайник ценою в тридцать копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно»¹³. Присяжные заседатели оправдали ее.

В другой раз судили священника, вина которого была установлена, и сам он в ней сознался. Защитительная речь Плевако была короткой: *«Господа присяжные заседатели! Дело ясное. Прокурор во всем совершенно прав. Все эти преступления подсудимый совершал, и сам в них сознался. О чем тут спорить? Но я обращаю ваше внимание вот на что. Перед вами сидит человек, который **тридцать лет** отпущал вам на исповеди ваши грехи. И теперь он ждет от вас: отпустите ли вы ему его грех»¹⁴. Присяжные со смехом оправдали его тоже.*

Подлинное назначение психологических доводов состоит не в том, чтобы ослаблять действие аргументов, основанных на фактах и логике, а, напротив, *усиливать* их, добиваясь гармонии между разумом и чувствами, мыслью и эмоциями. В связи с этим нетрудно заметить, что успех Ф.Н.Плевако объясняется не только умением убеждать своих оппонентов не только психологически, но и фактически, когда в первой защитительной речи сослался на бедственное положение обвиняемой.

Нравственные методы убеждения

Основоположники классической риторики Аристотель и Платон в своей критике софизма наряду с логикой опирались также на нравственные принципы убеждения. Достаточно напомнить, какое большое значение этим принципам придавал Платон. В диалоге «Горгий» устами Сократа он заявляет, что подлинная риторика должна основываться не на вере без знания, а на мудрости и благородстве гражданина. Риторике же Горгия и его последователей он рассматривает как сноровку, опирающуюся на поверхностные знания и кажущиеся мнения. В другом месте он сравнивает ее с поварским искусством. Такая риторика, по его мнению, может убедить лишь толпу афинян, осудивших Сократа. Поэтому он считал, что основными источниками убеждения являются: во-первых, знание предмета оратором, во-вторых, философскую обоснованность его рассуждений, в-третьих, умение разбираться в душевных качествах слушателей, в-четвертых, нравственный характер самой личности оратора.

Аристотель в первой книге «Риторики» также подчеркивает, что убеждение достигается характером и поведением оратора. Он даже признавал, что в некоторых случаях характер оратора оказывается наиболее эффективным средством убеждения, которым он обладает¹⁵.

В римской риторике Цицерон и Квинтилиан, развивая идеи Платона, заявляли, что философия и нравственность служат наилучшим средством убеждения, и поэтому они рекомендовали интегрировать их в риторику. Особое значение нравственности оратора придавал Квинтилиан. В своем труде «О воспитании оратора» он писал: *«Я не просто утверждаю, что идеальный оратор должен быть хорошим человеком, но заявляю, что ни один человек не может быть оратором, если он не будет хорошим человеком»*¹⁶.

Еще в античную эпоху было известно, что оратор с твердыми нравственными убеждениями не будет прибегать к софизмам и недопустимым с позиций морали приемам ведения полемики. Именно это обстоятельство не в последнюю очередь заставило великих античных философов Платона и Аристотеля выступить против софистических школ в риторике, которые учили не искать истину и убеждать слушателей, а добиваться победы в споре любой ценой.

Как нельзя актуально звучат эти призывы в наше время, когда некоторые политики и зависимые от них средства массовой информации, не брезгают никакими средствами для достижения своих целей. Мы не говорим уже о недопустимых с нравственной точки зрения методах и средствах ведения не только полемики, но и политической борьбы в целом.

Убеждение и аргументация

В заключение рассмотрим вопрос о соотношении между категориями убеждения и аргументации, который до сих пор вызывает споры. По этому вопросу высказываются три основные точки зрения.

Сторонники *первой* из них считают аргументацию и убеждение равноправными процессами. По их мнению, аргументация отличается от убеждения тем, что она опирается на рационально-логические средства и методы воздействия, т.е. обращается к разуму людей, в то время как убеждение направлено на эмоционально-психологические их переживания и поведение.

Защитники *второй* точки зрения, которую мы разделяем и считающуюся наиболее распространенной, полагают, что аргументация составляет необходимую составную часть общего процесса убеждения, который включает в свой состав также эмоционально-психологические, нравственные, волевые и мировоззренческие аспекты. Правильность такого подхода может быть обоснована тем, что убеждения одновременно влияют как на разум, так и чувства субъекта, взаимно усиливая друг друга.

Сторонники *третьей* точки зрения признают, что аргументация и убеждение являются самостоятельными процессами, но в отличие от сторонников первой точки зрения считают, что они могут частично оказывать влияние друг на друга.

Расхождения между сторонниками разных взглядов существуют и по отдельным вопросам. Например, сторонники демонстративной аргументации, как мы видели, признают убедительными лишь стандартные доказательства из общих посылок. Поэтому даже спор они сводят к доказательству своего тезиса и опровержению тезиса аргумента. Другие, напротив, подчеркивают роль неформальных, эвристических методов рассуждения. Однако такое противопоставление, как мы показали выше, является необоснованным, поскольку оба подхода не исключают, а дополняют друг друга.

Завершая статью, нам бы хотелось подчеркнуть: все приемы, средства и методы аргументации и убеждения в целом направлены на достижение обоснованности нашего чувственного и рационального знания, эффективности принимаемых решений и действий.

В таком сложном и изменчивом мире, который раскрывает современная наука, нельзя полагаться только на удачу и случай. Знания, которые мы приобретаем и обосновываем в процессе аргументации, не являются самоцелью. Они служат нам не только для объяснения настоящего состояния дел, но и ориентировочного предвидения будущего. Поэтому тезис «*знать, чтобы предвидеть*», провозглашенный еще О.Конттом в XIX веке, не потерял своего значения и в XXI веке.

Примечания

- ¹ Сборник кодексов Российской Федерации по состоянию на 1 января 2000 г. М.-СПб., 2000. С. 733.
- ² *Popper K.* Conjectures and Refutation. N.Y., 1965. P. 313.
- ³ *Аристотель.* Топика // *Аристотель.* Соч. в 4 т. Т. 2. М., 1978. 100 в.
- ⁴ *Perelman Ch.* The New Rhetoric and Humanities. Dordrecht, 1979. P. 9.
- ⁵ *Perelman Ch.* Ibidem. P. 11.
- ⁶ *Hintikka J., Bachman J.* What if... Noward excellence in reasoning. Calif., 1991. P. 9.
- ⁷ *Юм Д.* Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1966. С. 197.
- ⁸ *Кант И.* Сочинения в 6 т. Т. 3. М., 1965. С. 298.
- ⁹ *Никифоров А.Л.* Книга по логике. М., 1995. С. 212.
- ¹⁰ *Аристотель.* Риторика // Античные риторики. М., 1978. 1356 а.
- ¹¹ *Платон.* Федр // Полное собрание творений Платона. Пг., 1922. 271 е.
- ¹² *Rieke R., Sillars M.* Argumentation and decision making process. N.Y., 1975. P. 8–9.
- ¹³ Цит. по: *Верещаев В.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. М., 1961. С. 357.
- ¹⁴ Там же. С. 356.
- ¹⁵ *Аристотель.* Риторика. 1356 а.
- ¹⁶ Цит. по: *Arnold C.C., Bower J.W.* Handbook of Rhetorical and Communication. Boston, 1984. P. 16.

Абдукция как метод поиска и обоснования объяснительных гипотез*

1. Абдуктивные рассуждения и их особенности

Методы поиска истин систематически стали разрабатываться с возникновением экспериментального естествознания в XVII веке, хотя первые такие попытки предпринимались уже в античной науке. Однако отвлеченные умозрения античной натурфилософии не опирались на реальные наблюдения, а силлогистическая логика Аристотеля, представлявшая простейшую форму дедуктивной логики, позволяла делать умозаключения только от общих утверждений к частным случаям. Между тем при исследовании природы приходится делать умозаключения как раз от частных суждений к общим. Именно это обстоятельство послужило толчком для разработки индуктивной логики Ф.Бэконом, который считал, что силлогистика Аристотеля совершенно бесполезна для изучения природы. Он настолько переоценивал значение своей индуктивной логики, что считал ее универсальным инструментом для открытия новых истин в естествознании.

Индуктивная модель научного открытия долгое время доминировала в логике и методологии научного познания. В середине XIX века Джон Стюарт Милль систематизировал, исправил и усовершенствовал каноны индукции Бэкона, чтобы использовать их для открытия причинных законов. Однако со временем стало ясным, что с помощью этих канонов можно было устанавливать лишь простейшие причинные законы, которые выражают регулярные, эмпирические наблюдаемые связи между явлениями и их свойствами. Раскрытие же глубоких внутренних связей между

---

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 00–03–00033.

ними требует обращения к теоретическим понятиям и смелым обобщениям и гипотезам. Никакого чисто логического пути перехода от эмпирических фактов к теоретическим законам не существует. Единственный путь для их открытия заключается в выдвижении таких общих по форме и глубоких по содержанию гипотез, следствия которых надежно подкрепляются систематическими наблюдениями, экспериментом и практикой. В связи с этим во второй половине XIX века начинается критика индуктивной модели научного открытия.

В рамках философии науки наметилась тенденция к исследованию тех эвристических приемов и средств, которые делают поиск истины в науке более организованным, целенаправленным и систематическим. В логике специфический способ абдуктивных рассуждений для поиска объяснительных гипотез был разработан выдающимся американским философом и логиком Чарльзом Сандерсом Пирсом (1839–1914).

Еще со времени создания формальной логики различают два типа умозаключений: дедуктивные и индуктивные. Сам Аристотель, разработавший силлогистику как одну из первых форм дедукции, наряду с полной индукцией упоминает также апологическое умозаключение. Ч.Пирс переводит греческий термин «απολογία» как абдукцию или ретродукцию. Если дедукцию он рассматривает традиционным способом как логический вывод, то индукцию он характеризует как метод проверки готовых теорий и гипотез.

«Индукция, — указывает он, — рассматривает теории и измеряет степень их согласия с фактами. Она никогда не может создать какой-либо идеи вообще. Не больше этого может сделать дедукция. Все идеи науки возникают посредством абдукции. Абдукция состоит в исследовании фактов и построении теории, объясняющей их»¹. Таким образом, подчеркивает Пирс, дедукция доказывает, что нечто должно быть, индукция показывает, что нечто действительно существует, а абдукция просто предполагает, что нечто *может быть*².

Раскрывая логическую структуру абдуктивного рассуждения, Ч.Пирс подчеркивает, что гипотеза, к которой оно приводит, обязательно должна объяснить относящиеся к ней факты. В противном случае она не должна рассматриваться даже как пробная догадка. Хотя абдукция, указывает Пирс, недостаточно строго ограничивается логическими правилами, тем не менее она является логическим рассуждением, заключение которого только проблематично, или предположительно. Поэтому она имеет совершенно определенную форму, которую можно представить в следующем виде.

1. Наблюдается некоторое примечательное явление P .
  2. P было бы объяснено, если гипотеза H была истинной.
-

3. Следовательно, имеется основание думать, что гипотеза H истинна.

На первый взгляд кажется, что абдуктивное рассуждение мало чем отличается от гипотетико-дедуктивного заключения, поскольку предполагает гипотезу истинной. Однако ход рассуждения в нем прямо противоположен гипотетико-дедуктивному умозаключению, которое начинается с заранее установленной гипотезы и вывода из нее следствий, в то время как в абдукции рассуждение начинается с анализа и оценки, точно установленных фактов, которые обуславливают выбор гипотезы для их объяснения. Именно так поступают ученые в своих конкретных исследованиях, поскольку в самом начале имеют дело именно с фактами и только потом ищут им объяснения.

Индуктивный подход больше похож на абдукцию, поскольку начинается с накопления частных фактов и совершается в направлении от частного к общему. Здесь следует различать, однако, два типа индукции: во-первых, эnumerативную, т.е. индукцию путем перечисления отдельных случаев, подтверждающих заключение; во-вторых, элиминативную индукцию, которая происходит посредством исключения случаев, противоречащих заключению. Индукцию через перечисление критиковал еще Ф.Бэкон за поверхностный и мало правдоподобный характер ее заключений, так как она ограничивается простым перечислением отдельных сходных случаев, не интересуясь тем, насколько они различаются между собой. Но именно такие случаи существенны для проверки гипотезы. Поэтому сам Бэкон, а за ним систематизатор его индуктивной логики Д.Ст.Милль, обратились к элиминативной индукции, в которой заключение получается путем исключения случаев, отличающихся друг от друга некоторым признаком. При сопоставлении с наблюдениями или экспериментом случаи, обладающие общими признаками, подтверждают гипотезу (метод сходства), а различающиеся некоторыми или отдельным признаком опровергают ее (метод различия). Нетрудно, однако, понять, что при этом неявно допускается предположение, что результат исследования зависит от некоторого существенного признака. Из школьной физики известно, чтобы доказать, что перо и монета падают в безвоздушном пространстве с одинаковым ускорением, надо из стеклянной трубки выкачать воздух. Но прежде чем про-

верить такую гипотезу, необходимо сначала догадаться, что причиной замедления падения пера в обычных условиях является сопротивление воздуха. Этот элементарный пример показывает, что индуктивное установление причины определенного явления само зависит от некоторой предварительной гипотезы. Иногда она кажется вполне очевидной, но во многих других случаях: является предварительной гипотезой, с помощью которой ученый пытается объяснить известные ему факты. Именно так осуществляется исследовательская деятельность в науке. Ученый никогда не начинает с готовых гипотез, чтобы найти им подтверждение на опыте. Поэтому ни метод «проб и ошибок» Поппера, ни гипотетико-дедуктивная модель науки неадекватно описывают его деятельность. Индуктивный метод хотя и начинает с накопления частных случаев, чтобы найти общий закон, которому они подчиняются, тем не менее не обращает основного внимания на предварительный их анализ и объяснение.

Эта особенность нашла наиболее яркое воплощение в современной индуктивной логике, которую чаще называют теперь вероятностной логикой. Она рассматривает отношение между эмпирическими данными и их обобщением в форме гипотезы, как отношение логической вероятности, аналогичное в известном смысле логической дедукции. Аналогия между ними заключается в том, что и дедукция, и индукция являются формами логических умозаключений и поэтому анализируют отношениями между высказываниями, а не самими реальными, эмпирическими явлениями и событиями. Именно поэтому индуктивная, или логическая, вероятность принципиально отличается от статистической, или объективной, вероятности, исследующей закономерности случайных массовых явлений. В то же время при вероятностной интерпретации заключения индукции отличаются от дедукции тем, что они не являются достоверными, а лишь с той или иной степенью правдоподобности подтверждают заключение. Именно поэтому современная индуктивная логика рассматривается как логика подтверждения, а отнюдь не открытия новых истин, какой она считалась при Ф.Бэконе. Такой взгляд на индукцию еще до возникновения вероятностной ее интерпретации защищал Ч.Пирс.

«Индукция, — писал он, — должна пониматься как операция, предлагающая оценку — в простой или количественной форме — утверждению, уже выдвинутому заранее»³.

Таким образом, в отличие от традиционного взгляда, определяющего индукцию как умозаключение от частного к общему, Пирс определяет ее как логическую операцию подтверждения

гипотезы или утверждения, выдвинутого заранее в соответствии с релевантными фактами. Главное, чем отличается абдукция от классической индукции Бэкона-Милля, состоит в том, что она не является безошибочным методом открытия новых истин в науке, своего рода алгоритмом открытия. Ее цель состоит скорей в поиске объяснительных гипотез, которые могут помочь в нахождении таких истин. Соответственно этому Пирс формулирует три методологических требования к объяснительным гипотезам.

1. *Они должны объяснить не только эмпирически наблюдаемые факты, но и факты непосредственно ненаблюдаемые и верифицируемые косвенным путем.*

2. *Гипотезы должны быть сформулированы как интеррогативные утверждения, т. е. содержать определенный вопрос, на который следует ответить в ходе исследования.*

3. *Необходимое требование к любой объяснительной гипотезе — это ее проверяемость, причем последняя не ограничивается подтверждением наблюдаемыми данными. Критерий опровержения, хотя и является логически корректным правилом, тем не менее служит лишь средством элиминации ложных гипотез.*

Абдуктивное рассуждение, как видно уже из приведенной выше схемы, не гарантирует открытие истины, а облегчает ее поиск, поскольку оно опирается на поиск таких объяснительных гипотез, которые подтверждаются и обосновываются все возрастающим числом релевантных фактов. Поэтому обращение к таким рассуждениям нельзя рассматривать как попытку построения новой логики открытия. Сам Пирс неоднократно подчеркивал, что абдукция должна идти рука об руку с интуицией и воображением. Однако некоторые авторы продолжают настаивать на том, что творческое мышление не может контролироваться, а тем более направляться логикой.

Любой процесс рассуждения, направленный на объяснение определенных фактов, указывает Пирс, основывается на выдвижении соответствующих предположений и гипотез. Поэтому сам его метод может быть назван методом поиска объяснительных гипотез, который состоит из двух частей. Первую, наиболее важную, часть поиска Пирс называет *абдукцией*, задача которой заключается в выдвижении, изобретении и генерировании догадок, предположений, гипотез и теорий. Вторую часть он именует *ретродукцией* или проверкой выдвинутых гипотез посредством абдукции. Следуя западной традиции, он не проводит здесь четкого различия между гипотезами и теориями.

«Предположение, или более точно, абдукция, — пишет Пирс, — обеспечивает исследователя теорией проблемного характера, которую верифицирует индукция... Предположение — есть единственный вид рассуждения, который создает новые идеи, и в этом смысле является синтетическим»⁴.

3. Абдуктивные рассуждения в научном познании

Интерес к идеям Ч.Пирса об абдуктивных рассуждениях возник после широкого распространения гипотетико-дедуктивной модели научного познания. Самым смелым критиком этой модели выступил известный английский специалист по методологии науки Норвуд Рассел Хэнсон, который в целом ряде статей и особенно в книге «Схемы открытия» (The Patterns of Discovery) подверг ее резкой критике. На конкретном материале классической физики и теории элементарных частиц он убедительно показал, что гипотетико-дедуктивная модель, как и прежняя индуктивная модель, неадекватно описывают процесс исследования в науке.

Гипотетико-дедуктивный подход, подчеркивал Хэнсон, показывает нам, что случится, когда физику удастся найти верную гипотезу, но этот метод не может аргументировано обосновать, какую роль изобретательность, настойчивость, воображение и концептуальная смелость, характерные для физики, начиная с Галилея, играют в поиске новых гипотез. А такой поиск гораздо важнее дедуктивной разработки готовых гипотез.

«Физики, — писал он, — не начинают с гипотез, они начинают с данных. Со временем, когда закон будет включен в гипотетико-дедуктивную систему (Г–Д), действительно начинается оригинальное физическое мышление. Скучный процесс дедукиции утверждений наблюдения из гипотез начнется только тогда, когда физик увидит, что гипотеза, по крайней мере, будет в состоянии объяснить первоначальные данные. Этот подход полезен только при обсуждении аргументов в пользу законченного исследовательского отчета или для понимания того, как экспериментатор или инженер разрабатывают гипотезу теоретика»⁵.

С другой стороны, индуктивный подход справедливо обращает внимание на то, что умозаключения в опытных науках совершаются от наблюдений к закону, от частного к общему. Этот факт совершенно игнорируется гипотетико-дедуктивным методом. Однако и индукция через перечисление подтверждающих случа-

ев не может привести к открытию закона. Например, бесчисленные наблюдения показывают, что различные тела при нагревании расширяются, но они не объясняют, почему это происходит. Открытие закона связано как раз с процессом перехода от *explicanda* (объясняемого явления) к *explicans* (объясняющей гипотезе).

Если с этой точки зрения взглянуть на важнейшие открытия в истории естествознания, то можно убедиться в том, что выдающиеся ученые в своих исследованиях шли от частного к общему, от явления к гипотезе, способной объяснить явления. Призыв к этому был провозглашен Исааком Ньютоном в предисловии к знаменитому его труду «Математические начала натуральной философии», где он объявляет основным делом натуральной философии — как тогда называлась физика — аргументировать от явлений.

«Как в математике, так и в натуральной философии, — указывал Ньютон, — исследование трудных предметов методом анализа всегда должно предшествовать методу соединения. Такой анализ состоит в производстве опытов и наблюдений, извлечении общих заключений из них посредством индукции и недопущении иных возражений против заключений, кроме полученных из опыта и других достоверных истин»⁶. Однако в отличие от индуктивистов он ясно представляет, что заключения, полученные на основе наблюдений и экспериментов, нельзя считать достоверными. *«И хотя аргументация на основании опытов не является доказательством общих заключений, — продолжает он, — однако это лучший путь аргументации, допускаемый природой вещей, и может считаться тем более сильным, чем вообще индукция. ...Путем такого анализа мы можем переходить от соединений к их ингредиентам, от движений — к силам, их производящим, и вообще от действий — к их причинам, от частных причин — к более общим, пока аргумент не закончится наиболее общей причиной»⁷.*

Поиск таких общих причин и законов требует больших творческих усилий на протяжении длительного периода времени. Известно, например, что Галилею потребовалось свыше 34 лет, чтобы открыть закон свободного падения тел. При этом ему пришлось выступить против авторитета своих предшественников, в частности Аристотеля, который априорно утверждал, что величина пройденного падающим телом пути зависит от скорости, а не ускорения. Подобно всем античным ученым он считал, что совершенным является движение по окружности, по которой двигаются небесные тела, а не прямолинейное инерциальное движение. С не меньшими трудностями пришлось столкнуться также И.Кеплеру

при установлении орбиты движения планеты Марс. Он начал свое исследование, опираясь на тщательные наблюдения движения этой планеты, сделанные Тихо Браге. Последний пытался объяснить свои наблюдения с помощью гипотезы, которая основывалась, во-первых, на геоцентрической системе мира Птолемея, во-вторых, на постулате, что орбитой Марса должна быть окружность. Однако результаты его вычислений значительно расходились с собственными наблюдениями. Кеплер при создании своей гипотезы исходил из гелиоцентрической системы, центром которой служило Солнце, что в корне преобразило схему его поисков. Центральное положение Солнца с его огромной массой не могло не повлиять на форму орбит планет. Поэтому в отличие от Тихо Браге он исследовал множество других замкнутых кривых, которые могли быть орбитой Марса, а именно овал и овоид, пока не остановился на эллипсе. Следствия, полученные из предполагаемой эллиптической орбиты, точно совпали с действительными результатами наблюдений движения Марса, сделанными Тихо Браге на протяжении нескольких лет. Экстраполяция найденного результата на другие планеты не была связана с большими трудностями, поскольку Кеплер руководствовался открытыми им двумя другими законами движения планет.

Тщательно проанализировав процесс открытия Кеплером эллиптической орбиты движения планет, Н.Р.Хэнсон, как и до него Ч.С.Пирс, задают вопрос: представляет ли это открытие умозаключение вообще? Конечно, оно не является дедуктивным умозаключением потому, что оно не идет от общего к частному. С другой стороны, оно не представляет и индуктивного умозаключения, хотя и совершается от частного к общему, как пытался утверждать в своей «Системе логики» Джон Стюарт Милль. Хэнсон считает, что рассуждение от опытных данных к гипотезе или закону представляет собой типичное абдуктивное, или ретродуктивное, умозаключение, ибо укладывается в приведенную несколькими страницами выше схему, а самое главное — оно идет от *explicand'a* к *explicans'у*.

Здесь мы подходим к самому трудному и весьма дискуссионному вопросу, который часто задают сторонникам абдуктивных рассуждений. Поскольку генерирование научных гипотез представляет творческий процесс, требующий интуиции, воображения и большого опыта, то, как можно представить его в виде логического алгоритма, не возвращает ли нас такой подход к дискредитировавшей себя логике открытия в форме индуктивной логики Ф.Бэкона или символического исчисления Г.В.Лейбница?

Сторонники гипотетико-дедуктивного метода заявляют, как мы видели, что процесс генерирования гипотез и открытия новых идей в науке представляет интерес для психологии, это — сфера деятельности гения, творца, но не логики. Хэнсон считает такой взгляд ошибочным или, по меньшей мере, необоснованным.

«Если установление гипотез через их предсказания имеет логику, то тоже следует сказать об обдумывании (conceiving) гипотез. Создать идею ускорения или универсальной гравитации может только гений, ничуть не меньший, чем Галилей или Ньютон. Но это вовсе не означает, что размышления, ведущие к этим идеям, являются неразумными»⁸.

Хотя заключения абдукции не могут считаться достоверными, но степень их правдоподобности может быть увеличена за счет использования различного рода эвристических правил и принципов, которые меняются от одной науки к другой. Таким образом, в процессе научного поиска абдукция играет роль логической схемы, руководствуясь которой можно вести этот поиск более организованно, целенаправленно и эффективно. По своей структуре она представляет собой умозаключение, или рассуждение, отличающееся как от индукции, так и дедукции. В то же время абдукция не является объединением дедукции и индукции, хотя они и используются в ходе такого рассуждения. Действительно, с помощью дедукции делаются все выводы из пробных гипотез, но индукция используется исключительно для проверки и подтверждения этих гипотез.

Главное, что отличает абдукцию от других форм рассуждений, это — тщательный анализ данных, которые требуют объяснения. Именно с них начинается поиск объяснения и, следовательно, все исследование в целом. Предварительные предположения и рабочие гипотезы могут выявить новые данные и постепенно улучшать правдоподобность окончательной гипотезы. Поэтому поиск гипотез осуществляется здесь в тесном взаимодействии с эмпирическими данными, теории с опытом. Очевидно, что для выдвижения правдоподобных гипотез одних эмпирических данных недостаточно, ибо на основе одних и тех же данных можно построить самые различные гипотезы. Исследователь же стремится найти такую гипотезу, которая была бы ближе к истине. Какие приемы и методы он может использовать для этого?

Не говоря уже об интуиции, воображении, догадках и других приемах скорей психологического, чем логического характера, наиболее распространенными методами поиска являются различ-

ные эвристические методы, которые в каждой науке имеют свой специфический характер. Так, например, Ньютон при построении классической механики опирался на способ построения теории, который впоследствии получил название метода принципов. В соответствии с ним при создании классической механики он опирался, прежде всего, на те законы, которые были открыты его предшественниками, а именно закон свободного падения тел Г.Галилея, законы движения планет И.Кеплера и законы колебательных процессов Х.Гюйгенса. Поэтому законы ньютоновской механики выступают как обобщения или принципы, из которых могут быть логико-математическими методами получены вышеперечисленные частные законы. Поэтому сам Ньютон формулирует новый принцип построения теории следующим образом: *«...вывести два или три общих начала движения из явлений и после этого изложить, каким образом свойства всех телесных вещей вытекают из этих явных начал, — было бы очень важным шагом в философии, хотя причины этих начал и не были еще открыты»*⁹.

В частности, он ссылаясь, например, на закон всемирного тяготения, причина которого оставалась нераскрытой. *«Довольно того, что тяготение на самом деле существует и действует согласно изложенным нами законам и вполне достаточно для объяснения всех движений небесных тел и моря»*. Поиск таких общих начал или принципов механики был бы невозможен без творчества, опирающегося на интеллектуальную интуицию и воображение. Поскольку же он контролировался ранее открытыми законами, а не эмпирическими данными, которые в конденсированной форме охватывались этими законами, то найти указанные общие принципы можно было легче.

В современной науке для поиска более глубоких и общих теорий используются специальные эвристические принципы, каким является, например, принцип соответствия, с помощью которого был построен математический аппарат квантовой механики на основе переинтерпретации уравнений классической механики. Впервые попытку *«применения квантовой теории на такой точке зрения, которая дает надежду рассматривать теорию квантов как рациональное расширение наших обычных представлений»*¹⁰, предпринял выдающийся датский физик Нильс Бор. В неявной форме принцип соответствия использовался уже при создании общей теории относительности. Другими видами эвристических методов являются мысленный эксперимент, построение концептуальных и математических моделей и т.п. средства, кото-

рые облегчают поиск и открытие принципов законов науки. Даже такие распространенные эвристические средства, как критерий простоты законов, их симметрии, общности и другие, в ряде случаев оказываются весьма полезными в процессе поиска, особенно в математическом естествознании.

3. О логической структуре абдуктивных рассуждений

В отличие от дедуктивных умозаключений, имеющих точную логическую структуру, все не дедуктивные рассуждения не обладают такой структурой. Так, например, неполная индукция, аналогия, статистические рассуждения описываются обычно словесно или же выражаются в виде определенной общей схемы, которая и рассматривается как некоторая квазиструктура. Не составляет исключения и абдукция, сущность и схему которой определяют по-разному.

Некоторые философы рассматривают абдукцию как умозаключение, ориентированное на наилучшее объяснение (Харман). У.Ликан, характеризуя их аналогичным образом, приводит такую же их схему, какую дает Ч.Пирс, но почему-то заключение абдукции он рассматривает как истинное¹¹. Авторы популярного учебника по искусственному интеллекту Черняк и Макдермотт характеризуют абдукцию по-разному, то как обращенный *modus ponens*, то как умозаключение к причине чего-то, то как генерирование объяснения для всего, что мы видим вокруг нас, и, наконец, как умозаключение к наилучшему объяснению¹². Действительно, чисто формально абдукцию можно рассматривать как обращение дедуктивного правила *modus ponens*, т.е. $A \Rightarrow B$, B — истинно, следовательно, A — вероятно. Точно такую же формальную структуру имеет умозаключение от действия (следствия) к вероятной его причине. Все они могут быть представлены общей схемой:

$$\begin{array}{c} A \Rightarrow B \\ B \\ \hline A - \text{вероятно} \end{array}$$

Сам Пирс, как показано выше, определяет ее как рассуждение, приводящее от данных фактов к гипотезе, которая объясняет эти факты. В настоящее время схему Пирса уточняют следующим образом:

1. D есть совокупность данных (фактов, наблюдений, экспериментов и т.п.).
  2. Гипотеза H объяснит эти данные, если она окажется истинной.
  3. Никакие другие гипотезы не могут объяснить D так же хорошо, как H .
-

Следовательно, гипотеза H вероятна.

Идея о наилучшем объяснении, которая присутствует в пункте 3, уточняет схему Пирса, хотя она неявно предполагалась им. Более того, она фигурировала в философской литературе и до появления абдуктивных рассуждений в виде наилучшего объяснения с помощью гипотез. Поэтому она вошла в современное определение абдукции.

«Абдукция, или заключение к наилучшему объяснению, есть форма умозаключения от данных, описывающих нечто, к гипотезе, которая наилучшим образом объясняет или оценивает эти данные»¹³.

Обратимся теперь к эпистемологическому анализу абдуктивных рассуждений. Прежде всего, постараемся ответить на вопрос: что подразумевается в этом определении под гипотезой H , обеспечивающей «наилучшее объяснение»? Очевидно, что ни одна из известных альтернативных гипотез не объясняет данные так, как это делает гипотеза H . Но при этом множество таких альтернатив может рассматриваться либо слишком узко, когда рассматриваются только непосредственно известные гипотезы, либо слишком широко, когда включаются все гипотезы, которые в принципе могут быть сформулированы. Наилучшей объяснительной гипотезой будет считаться та, которая в рационально выбранном множестве отличается от альтернативных гипотез своим правдоподобием и объяснительной силой. Конечно, истинная гипотеза обладает также наилучшей объяснительной силой, но ее выбор заранее не гарантирован, поскольку результаты абдуктивных умозаключений являются не достоверными, а только вероятными, или правдоподобными.

Правдоподобность гипотезы H , связанной с абдуктивным заключением, в решающей степени зависит, во-первых, от того, насколько она превосходит альтернативные, во-вторых, в какой мере сама она хорошо обоснована, в-третьих, насколько надежны данные, в-четвертых, в какой степени заслуживают доверия полученные объяснения. Ответы на эти вопросы требуют конкретного содержательного концептуального и методологического анализа. Во всяком случае, они не могут быть решены чисто формальными средствами.

Отличительная особенность абдуктивных рассуждений состоит в том, что они представляют собой обобщения, которые *расширяют* наше знание, в результате чего их заключения содержат новую информацию, которая не была известна раньше. В этом смысле абдукция существенно отличается от дедукции, заключения которой не содержат в принципе иной информации, кроме той, которая содержится в ее посылках. Правда, психологически кажется, что ее заключение дает новую информацию, но при более внимательном анализе оказывается, что эта информация в *неявном* виде уже содержалась в посылках дедуктивного рассуждения, а заключение лишь представляет ее в явном виде. В отличие от этого, абдуктивные рассуждения вводят новую информацию. Можно поэтому сказать, что если дедукция сохраняет истину, то абдукция создает ее. Разумеется, что это происходит за счет привлечения новой информации в посылках. Благодаря этому становится возможным расширять и обобщать знание.

Однако именно за счет этого заключения абдукции становятся менее достоверными и приобретают лишь вероятный, или правдоподобный, характер. В принципе любые обобщения, расширяющие наше знание, приводят к вероятным заключениям, но степень вероятности при абдукции, как механизме систематического поиска истины путем анализа ее посылок, может быть увеличена.

Другим немаловажным отличием абдукции от дедукции является возможность включения в ее заключение теоретических терминов, которые не встречаются в посылках. В результате этого становится возможным интерпретировать имеющиеся данные в новом словаре, следовательно, понять их. Так, например, когда вводят термин «гепатит», то это — единственный способ для объяснения тех симптомов заболевания, которые сопровождаются желтухой. Но этот теоретический термин не применялся при описании симптомов заболевания. Он был добавлен к словарю наблюдения. На этом основании Д.Джозефсон считает, что «*абдукция может совершить прыжок от языка наблюдения к языку теории*»¹⁴. Ничего подобного не может происходить в дедуктивном выводе, который полностью переносит истинность посылок на заключение.

С возможностью расширения знания связана также способность абдуктивных умозаключений к формированию большей его определенности. Заключение абдукции, как мы видели, может иметь и заслуживает большей достоверности и определенности, чем любая из его посылок. Именно поэтому мы больше уверены в

выводах теории, чем в надежности отдельных экспериментов, на которых она основывается. Можно сказать поэтому, что абдукция способствует поиску тех схем, с помощью которых из совокупности имеющихся эмпирических данных могут быть найдены возможные пути к новым открытиям. Восприятие схем явлений, указывает Хэнсон, играет центральную роль в объяснении фактов¹⁵. По-видимому, этим соображением он руководствовался, назвав свою книгу «Схемы открытия» (The Patterns of Discovery). Ч.Пирс особое внимание обращает на то, что ретродукция начинается всегда с объединения разнообразных отдельных наблюдаемых фактов¹⁶. Именно системный характер фактов придает соответствующую степень достоверности абдуктивному заключению.

4. Возможности и способы применения абдукции

Абдуктивные рассуждения используются всюду, где происходит поиск нового знания, начиная от обыденного мышления и кончая научным исследованием. Начнем знакомство с их применением в работе детектива и следователя.

Применение абдукции в построении детективных сюжетов. В детективной литературе основные этапы поиска представлены наиболее отчетливо. Однако, несмотря на это, часто деятельность детективов и следователей анализируется с помощью гипотетико-дедуктивного метода, хотя на самом деле этот метод в лучшем случае описывает лишь конечный результат их поиска. Представление о том, что детектив рассуждает дедуктивным способом, получило широкое распространение благодаря Артуру Конан Дойлу (1859–1930), который вкладывает эту мысль в уста главного героя своих детективных романов — сыщика-любителя Шерлока Холмса. В действительности, как показывает анализ его произведений, дедуктивный метод используется им только для проверки своих догадок, предположений и гипотез. Очевидно, чтобы придти к ним, детектив должен провести трудное и длительное исследование по анализу фактов, подтверждающих его предположения и гипотезы. А это значит, что ход его рассуждений совершается по схеме абдуктивных, а не дедуктивных рассуждений. В этом можно убедиться по тем высказываниям автора, которые встречаются, например, в наиболее популярной повести автора «Собака Баскервиллей». Начиная свое расследование, Холмс с самого начала отвергает мысль о существовании мистического рока, тя-

готеющего якобы над родом Баскервиллей. Он справедливо считает, что «при расследовании надо опираться на факты, а не на легенды». Описывая дальнейший ход действий своего героя, автор показывает, что он «взвешивал все мельчайшие подробности, строил одну за другой несколько гипотез, сравнивал между собой и решал, какие сведения существенны и какими можно пренебречь». В тексте повести читатель узнает, какие гипотезы и почему оказались несостоятельными. Именно поэтому при расследовании «взвешиваются все возможности, с тем, чтобы выбрать из них наиболее правдоподобную»¹⁷. На такую гипотезу Шерлока Холмса навел фамильный портрет одного из представителей рода Баскервиллей, в котором он увидел близкое сходство с подозреваемым преступником, отпрыском этого рода, который скрывался под вымышленной фамилией Степлтона.

Если внимательно проанализировать приведенные выше высказывания, а также проследить развертывание сюжета повести Конан Дойла, то нетрудно убедиться в том, что они представляют собой хорошее описание отдельных элементов абдуктивного рассуждения. Такие же рассуждения встречаются и в других детективных произведениях писателя. Интересно отметить, что один из современных исследователей насчитал у него 217 случаев использования абдуктивных рассуждений. Сам писатель устами Шерлока Холмса заявляет, что в его заключениях не существует никакой тайны, потому что факты допускают только одно объяснение. Это утверждение подчеркивает, что во всех своих произведениях он стремился прежде всего искать объяснительные гипотезы, т.е. рассуждал абдуктивно, а дедуктивный метод применял только для проверки предположений и гипотез. По гипотетико-дедуктивной схеме построены те произведения дедуктивного жанра, в которых автор с самого начала раскрывает преступление и его участников, а потом показывает, как оно было совершено. Очевидно, что такие детективы не вызывают особого интереса у многих читателей, поскольку не заставляют их догадываться и думать о том, кто и почему совершил преступление.

Роль abduction в построении и проверке судебных версий. Если в детективных сюжетах заключение и сам путь к нему заранее придуманы и заботливо подготовлены автором, то работа следователя имеет реальный и потому совершенно несравнимый и непредсказуемый характер. Действительно, результат здесь заранее неизвестен, а сами факты могут интерпретироваться по-разному. Однако существует и определенное сходство в методах работы

сочинителя детективов и следователя. Во-первых, оба они начинают с анализа факта преступления и сопровождающих его свидетельств. Во-вторых, на основании придуманных или реальных фактов они ищут гипотезу или версию, которая смогла бы объяснить причину, характер и людей, совершивших или способствовавших преступлению. Поскольку в судебной практике обычно выдвигается сразу же несколько версий, принимаемых в качестве рабочих гипотез, то создается впечатление, что судебное расследование с логической точки зрения совершается по гипотетико-дедуктивному методу. В самом деле, на первый взгляд кажется, что следователь располагает множеством версий и ведет поиск наиболее правдоподобной из них. Из гипотез логически выводятся суждения о реальных свидетельствах и показаниях очевидцев, которые рассматриваются как факты. По степени подтверждения и обоснованности той или иной версии отдельными фактами следователь делает заключение о правдоподобности соответствующей гипотезы. Однако такой гипотетико-дедуктивный подход к анализу деятельности следователя совершенно неадекватно описывает весь процесс юридического расследования. В лучшем случае его можно рассматривать как завершающую стадию расследования, когда проверяется адекватность наиболее правдоподобной гипотезы. На самом же деле любое расследование начинается с анализа имеющихся в данное время и зафиксированных фактов, которые требуют объяснения. Поэтому в расчет принимаются только те версии, или рабочие гипотезы, которые в какой-то мере подкрепляются фактами и, следовательно, объясняют их. В процессе расследования обнаруживаются новые факты, которые либо опровергают некоторые прежние версии или же требуют выдвижения новых версий. Таким способом на основании тщательного и всестороннего анализа фактов происходит отбор среди конкурирующих версий такой версии, которая наилучшим образом объясняет всю систему фактов, вещественных доказательств, показаний экспертов, а также противостоит рациональной критике со стороны лиц, придерживающихся иных точек зрения.

Абдукция в научном исследовании. О роли абдукции нам пришлось уже говорить в связи с сопоставлением ее с гипотетико-дедуктивной моделью научного познания. Как и всякий поиск, исследование научных проблем начинается с анализа фактов, которые не могут быть объяснены с помощью прежних научных законов и теорий. Иногда гипотеза первоначально выступает в виде догадки, которая затем подкрепляется фактами и теорети-

ческими соображениями. В качестве примера сошлемся на догадку Ньютона о всемирном тяготении, которого натолкнуло на нее падение яблока. Нередко этот случай называют легендой, но академик С.И.Вавилов считает его достоверным. В подтверждение своего заявления он приводит признание самого Исаака Ньютона, сделанное своему старому коллеге во время беседы в саду. *«Между прочим, сэр Исаак сказал мне, что точно в такой же обстановке он находился, когда впервые ему пришла в голову мысль о тяготении. Она была вызвана падением яблока, когда он сидел, погружившись в думы. Почему яблоко всегда падает отвесно, подумал он про себя, почему не в сторону, а всегда к центру Земли... Должна, следовательно, существовать сила, подобная той, которую мы называем тяжестью, простирающаяся по всей Вселенной»*¹⁸.

Разумеется, падение яблока с точки зрения схемы Ч.Пирса представляет собой примечательный факт и может рассматриваться как начало абдуктивного рассуждения, но открытие закона всемирного тяготения Ньютона потребовало длительной теоретической и эмпирической разработки, ее подтверждения не только эмпирическими фактами, но и обоснования с помощью ранее открытых законов Галилея и Кеплера. Во всяком случае, это открытие было сделано не с помощью чисто логических умозаключений абдукции или дедукции, хотя оно направлялось и контролировалось ими. В процессе научного открытия теоретических законов используется не только логика и математика, но и такие тонкие приемы и средства нашего интеллекта, как интуиция и воображение, мысленные эксперименты и концептуальные схемы, и многое другое, не поддающееся строгой регламентации и формальному описанию.

В научной практике абдуктивные рассуждения чаще всего используются для открытия эмпирических законов, которые устанавливают необходимые, регулярные связи между наблюдаемыми свойствами и отношениями явлений. Теоретические законы не могут быть открыты таким путем, поскольку они содержат абстрактные понятия, которые нельзя наблюдать на опыте. Поэтому путь к ним идет через гипотезы или системы гипотез, которые проверяются обычно путем логического вывода из них эмпирических законов. Как свидетельствует история науки, именно так фактически происходило открытие теоретических законов и построение целостных теорий и теоретических систем.

Абдукция в историческом познании. Историческое познание существенно отличается от естественнонаучного и социально-экономического познания тем, что оно изучает события и процессы, которые не существуют в настоящее время.

Поэтому оно вынуждено реконструировать и воссоздавать их мысленно с помощью дошедших до нашего времени исторических свидетельств.

*«Историк, — пишет известный английский философ и историк Р.Д.Коллингвуд, — не просто воспроизводит мысли прошлого, он воспроизводит их в контексте собственного знания и потому, воспроизводя их, он их критикует, дает свои оценки их ценности, исправляет все ошибки, которые он может обнаружить в них. Эта критика мысли, историю которой он прослеживает, не является чем-то вторичным по отношению к воспроизведению ее истории. Она — неотъемлемое условие самого исторического знания»*¹⁹. Именно поэтому здесь интеллектуальная интуиция, воображение и построение концептуальных схем, в которые входят как факты известные, так и предполагаемые, играют такую важную роль в абдуктивных рассуждениях. Таким образом, поиск объяснительных гипотез ведется в истории уже для проверки самих исторических фактов, не говоря уже об объяснении важнейших событий и процессов прошлого.

Применение абдукции при постановке медицинских диагнозов.

В последние десятилетия значительный интерес к абдуктивным рассуждениям проявляют специалисты по медицинской диагностике. Обычно диагноз ставится на основании изучения симптомов заболевания, которые рассматриваются как известные факты, а диагноз — как гипотеза, которая объясняет эти факты. Поскольку при каждом заболевании обнаруживается множество симптомов, то для их объяснения выдвигается несколько конкурирующих гипотез. В процессе конкретного обследования больного часто обнаруживается, что одни гипотезы могут объяснить наличие некоторых симптомов заболевания, другие — иных, отличных от них симптомов, третьи — симптомов, которые не объясняются ни первой, ни второй гипотезой и т.д.

Задача врача будет заключаться в том, чтобы, во-первых, ясно сформулировать множество возможных объяснительных гипотез, во-вторых, оценить правдоподобность каждой гипотезы с точки зрения ее подтверждения выявленными симптомами, и, в-третьих, выбрать среди проверенных гипотез ту, которая окажется наиболее правдоподобной по степени подтверждения и объяснительной силе. Эта гипотеза и будет предполагаемым диагнозом, потому что как абдуктивное заключение она представляет не достоверное, а только правдоподобное заключение. В настоящее время для увеличения степени достоверности диагнозов разрабатываются более совершенные методики исследования, связанные с использованием компьютеров и другой информационной техники.

Использование абдукции в исследованиях по искусственному интеллекту. Главные усилия разработчиков теории и техники искусственного интеллекта направлены на то, чтобы создать методы эвристического поиска решения проблем, в какой-то мере приближающиеся к проблемам, которые решает человек. Очевидно, что простой перебор различных комбинаций возможностей для поиска решения проблем оказывается не только явно неэффективным, но и практически неосуществимым. Именно поэтому создание эвристических программ, которые значительно сокращают простой перебор возможностей с помощью особой стратегии поиска, в настоящее время считается основным направлением в исследованиях по искусственному интеллекту. Отсюда понятен интерес к абдуктивным рассуждениям со стороны разработчиков теории искусственного интеллекта. Ведь именно эти рассуждения ориентируются на поиск и рациональный отбор возможных гипотез на основании тщательного анализа существующих фактов.

5. Заключение

Несмотря на то, что абдуктивные рассуждения широко используются не только в повседневном мышлении, но и в научном познании и других сферах деятельности, связанной с поиском, их теория разработана совершенно недостаточно. Объясняется это главным образом двумя причинами. Во-первых, любой творческий поиск невозможно алгоритмизировать, и поэтому всякие попытки понять его с рациональной, логической точки зрения воспринимаются как возврат к дискредитировавшей себя логике открытия. Во-вторых, традиционное представление о научном или ином открытии как одномоментном событии типа «эврики» Архимеда, возникающем спонтанно и вдруг, не учитывает длительной предварительной работы мысли. Эта работа, несомненно, имеет рациональный характер, направляется и контролируется логикой. Ведь любой выбор в процессе поиска явно, а зачастую неявно, обосновывается соответствующими фактами, а их оценка и объяснение осуществляются по схеме абдуктивных рассуждений.

Недостаток малочисленных современных исследований по абдукции заключается в том, что в них не обращается достаточно внимания на анализ тех эвристических методов, с помощью которых осуществляется поиск объяснительных гипотез. На наш взгляд, абдукция тем и отличается от других форм рассуждений,

что она не может эффективно применяться без использования специфических средств поиска. А это требует знания той области познания, где она применяется. Очень часто это связано также с обращением к психологическим факторам. Не подлежит сомнению, что психологический анализ процессов открытия весьма важен и интересен, но не менее важно исследовать их не только с субъективной, но и intersубъективной и общезначимой позиции философии, методологии и логики.

Примечания

- ¹ *Pierce Ch.* Collected Papers. Vol. V. § 146.
- ² *Ibid.* § 171.
- ³ *Peirce Ch.S.* Essay in The Philosophy of Science. N.Y., 1957. P. 237.
- ⁴ *Peirce Ch.S.* Collected Papers. Cambridge (Mass.), 1958. P. 776–777.
- ⁵ *Hanson N.R.* The Patterns of Discovery. Cambridge, 1958. P. 70–71.
- ⁶ *Ньютон И.* Оптика или трактат об отражениях, преломлениях и изгибаниях света. М., 1927. С. 306.
- ⁷ *Ibidem.*
- ⁸ *Ibidem.* P. 71–72.
- ⁹ Цит. по: *Вавилов С.И.* Соч. Т. 3. М., 1956. С. 209.
- ¹⁰ *Бор Н.* Избранные научные труды. Т. 1. М., 1970. С. 334.
- ¹¹ *Lican W.* Epistemic Value // *Synthese*. 65 (1985). P. 138.
- ¹² *Abductive Inference.* Cambridge, 1994. P. 5.
- ¹³ *Ibidem.* P. 5.
- ¹⁴ *Adductive Inference.* P. 13.
- ¹⁵ *Hanson N.R.* The Patterns of Discovery. P. 87.
- ¹⁶ *Peirce Ch.* Op. cit. § 581.
- ¹⁷ *Дойл Конан.* Собрание сочинений в 8 т. Т. 3. М., 1966. С. 27, 35, 131.
- ¹⁸ *Вавилов С.И.* Исаак Ньютон. М.-Л., С. 109, 110.
- ¹⁹ *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 205.

Понятие, понимание и культура*

1. Понятие как средство понимания

Понятие и мышление. Что такое понятие? Без знакомства со строгими формулировками, опираясь на интуитивное чувство и «слышанье» языка, можно заметить, что слово «понятие» этимологически близко слову «понимание» («понять что-либо — значит осмыслить и выразить в понятиях»). В этом смысле *понятие есть исходное, элементарное средство понимания, формирования и выражения мысли*¹. Элементарное потому, что из понятий складываются рассуждения: пояснения, уяснения, сомнения, возражения, обоснования, доказательства и вообще любые иные способы «разворачивания» содержания мысли в речевом общении и аргументации. В отличие от рассуждений в понятиях достигается концентрация мысли, содержание мысли «сворачивается» и выражается лаконично в одном слове или едином словосочетании («специалист», «специалист по акустике», «специалист по ультразвуку», «специалист по применению ультразвука в медицине»)².

В приведенном выше размышлении имелось в виду вербальное (или словесное) мышление, или точнее, если речь шла о рассуждении, рационально-логическое словесное мышление. Но словесное мышление может быть не только логическим, но и образным (литература, поэзия, живое общение). В когнитивной эпистемологии различают целостно-образное и знаково-символическое мышление. Логико-вербальное мышление рассматривается как один из видов знаково-символического мышления (наглядные образы-символы, звуко-образы также могут выполнять

---

* Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект 9903–19641.

информационную роль знаков). При таком широком толковании мышления следует, что единый смысл может быть выражен разными способами: ученый предложит концептуальную модель, философ даст обобщающее истолкование, поэт провозгласит идею в стихотворных ритмах, а композитор доведет ее до глубин души в гармонии звуков. Поясняя различие между смыслом и способами его существования (оформления, выражения), Бертран Рассел в свое время определил *смысл как то общее, что есть, остается при переводе с одного языка на другой*. Иногда к понятиям как формам понимания относят и невербальные символы. Цель данной работы состоит в исследовании роли понятий в рациональной аргументации и общении, отсюда термин «понятие» будет применяться в значениях, связанных с вербальным мышлением (как логическим, так и образным). Связывая понятие с пониманием и имея в виду то обстоятельство, что смысл можно выражать в разных формах и с разными степенями определенности, в дальнейшем будем различать *понятия-определения, понятия-образы и понятия-символы*.

В вербальном мышлении логический аспект неразрывно связан с лингвистическим. *Понятие есть мысль, оформленная в слове*. Не вдаваясь в детали, можно выделить следующую триаду взаимосвязанных аспектов мысли: понятие — слово — вещь. Понятие представляет содержание мысли, слово — ее выражение, а вещь (объект) рассматривается как предмет мысли. Каждый аспект триады образует свой особый мир: мир понятий (смыслов), мир слов (языка) и мир вещей, которые, кроме взаимосвязей между собой, имеют и свои собственные законы порождения и существования³. Различая внешний и внутренний миры объектов (вещей, дел, действий, представлений), говорят о физической или психической реальности. Если имеют в виду предметы научных дисциплин, то употребляют такие термины, как «квантово-механическая реальность», «социальная реальность» и т.п. Миры понятий образуют концептуальные и образно-символические реальности («теория социальной организации», «мифологические реальности»). Эмпирические или теоретические миры языков образуют свои особые реалии. (Иногда говорят: «язык проходит через человека».)

Сколь многообразны реальности, столь и разнообразно их понимание в понятийном мышлении. Обратим внимание на то, что в отличие от общезначимого доказательства как формы научного мышления, в аргументации на первый план выходит обращение к собеседнику, к его уровню сознания и особенностям мышления. Отсюда особенно важным для исследования прояв-

лений понятийного мышления в живом общении в самых различных областях становится понятие *интерпретации*. Интерпретация проявляется в конкретно-индивидуализированном понятийном понимании, которое специфически соединяет межличностно-общие смыслы и индивидуализированно-частные смыслы. Чтобы понять самому иной строй мыслей, донести свою мысль до понимания другого и в конечном счете достигнуть взаимопонимания, я бы сказала, требуются особые таланты: нужно не просто уметь мыслить, но и *уметь мыслить совместно*⁴.

Степень систематизации знания, афористика и понятие. Богатство форм речевого и мыслительного общения и творчества делает жизнь понятий в культуре насыщенной и многообразной. Понятия в систематизированном знании (логика, математика, естествознание, юриспруденция) должны быть как можно точно определены, введение нового понятия зависит от определения предшествующих понятий. Вольнодумие в толковании понятий систематизированного знания не допускается, однозначность и определенность систем понятий призвана гарантировать доказательность в рассуждениях.

Менее систематизированное знание, повседневные формы общения допускают недоопределенность, недосказанность, намеки, уловки, неосознаваемые противоречия, нерелексивные (некритические) суждения и даже эмоциональные приговоры. Кому незнакомы эти, часто совсем неприглядные, нелюбимые выпады в житейских ситуациях общения (даже и среди профессионалов)? В живой непосредственной коммуникации понятия могут использоваться вне процесса связанного рассуждения, зачастую с усилением эмоциональных коннотаций (созначений как спутников основного информационного содержания). Смысл понятий в несистематизированном знании чаще всего задается и распознается через контекст.

Особую роль в познании и общении играют афоризмы — предельно краткие, образные и насыщенные по смыслу изречения⁵. Афоризмы не только украшают речь оратора, их можно рассматривать как особые приемы активизации мышления и памяти: создать ситуацию неожиданности, вызвать удивление и интерес к теме разговора можно с помощью яркой концентрированной мысли. В афоризмах, как письменных, так и устных изречениях, в сжатой, удобной для запоминания форме, как правило, выражено обобщение жизненного опыта и духовного миропонимания, дается наставление в образе действий⁶.

Если призадуматься над вопросом, в каких областях знания требуется «полная разверстка» мысленных построений, когда пунктуально, шаг за шагом из одного высказывания вытекает другое (такой процесс в логике именуют непосредственным выводом), то окажется, что только в предельно формализованных дисциплинах, таких как логика и математика. Если пропустить хотя бы один шаг в доказательстве, то оно просто не состоится. В большинстве же ситуаций, даже и с элементами обоснования, всегда найдется недосказанное, подразумеваемое, неразъясняемое. В положительном аспекте афористичность речи реализует преимущества когнитивной экономии, а в отрицательном создает ситуации неприятия и непонимания. Принципиальная афористичность непосредственного общения влечет за собой *осмысливание* речи собеседника и, следовательно, возможность возражений. В ситуации открытости текста или речи, и, стало быть, домысливания, возражения принципиальны и по логическим основаниям: один видит предмет разговора в одном аспекте, а другой — в другом.

Очевидно, что мышление понятиями в доказательных рассуждениях и в афористичных изречениях будет иметь разные проявления. В непосредственной коммуникации успех беседы во многом зависит от умения «схватить» суть разговора в целом, от умения уточнить детали путем анализа и выявления подробностей, от умения предвидеть возможные интерпретации и толкования понятий. В конфликтных ситуациях часто жертвуют определенностью и последовательностью изложения, допуская нечеткость и обтекаемость выражения мысли с целью достижения согласия.

Понятия-определения. Степень определенности понятий. Уровень и формы понимания посредством понятий зависят от сфер и типов знания. Имея в виду систематизированное знание, будем говорить о понятиях-определениях. Цель использования понятий-определений согласуется с канонами научного мышления: требуется по возможности точно задать смысл термина; четко, ясно и детально дать информацию об обобщаемых в понятии предметах. В данном случае для самого термина «понятие» логики предлагают следующее определение: *«Понятие есть мысль, которая посредством указания на некоторый признак выделяет из универсума и собирает в класс (обобщает) предметы, обладающие этим признаком»*⁷. Заметим, что в данном определении признаком может выступать и сама совокупность свойств, которая как уникальное их сочетание будет определять предмет.

Традиционно в логике различают объем и содержание понятия. Под объемом (количественная характеристика) понимают класс предметов, обобщаемых в понятии, под содержанием (качественная характеристика) — информацию о предмете, которая раскрывается через указание признаков. Описание признаков понятий осуществляется в *операции определения* понятия. В строго систематизированном знании (логика, математика) удастся достичь значительной степени определенности вводимых понятий. В менее систематизированном знании, или его изложении, понятия могут быть как неопределенными, так и преднамеренно недоопределенными. Например, школьные учебники по физике часто «страдают» недоопределенностью многих понятий из-за «нехватки» математических знаний у учащихся из-за отсутствия в программе ряда разделов⁸.

Понятия-образы. В особую группу можно выделить понятия-образы, повсеместно встречающиеся в неформализованном знании — в гуманитарных и общественно-политических курсах. В понятиях-образах содержание мысли необязательно ясно выражать, достаточно лишь *указать* (а не определить!) на смысл (через контекст или путем сравнения, метафоры). В использовании понятий-образов в познании и общении акцент делается на иной когнитивной функции — создании целостного представления, сопровождающегося активизацией чувственной и эмоциональной сфер. Осмысление содержания при усилении слуховых, зрительных, осязательных, обонятельных и кинестетических средств формирования понятия-образа приводит к эффекту полноты понимания. В жизненных ситуациях прямого контакта с собеседником умелые риторы часто сочетают научные приемы введения новых понятий с художественными приемами создания образа⁹. Приведем пример любопытного текста из занимательной книги по химии:

«Август-Вильгельм Гофман (1818–1892) — немецкий химик-органик, президент Лондонского и Немецкого химических обществ — каждый раз на лекции о бензоле говорил одно и то же: «Бензол обладает специфическим запахом. Одна моя знакомая дама как-то сказала, что он пахнет стиранными перчатками».

На очередной лекции один из студентов, знавший эту шутку профессора, выкрикнул слова «стиранными перчатками» еще до того, как Гофман успел их произнести. Профессор удивленно взглянул на студента и спросил: «Вы тоже знакомы с этой дамой?»

Бензол — бесцветная жидкость, легко горючая, с характерным запахом, отвечающая формуле C_6H_6 , содержит в структуре так называемое ароматическое ядро, или бензольное кольцо»¹⁰.

Понятия-символы. Проникнутые высоко значимым (возвышенным) содержанием, понятия-символы близки по психологическому воздействию к понятиям-образам, но зачастую трудно определимы или же вообще неопределимы. В понятиях-символах выражается духовный опыт, порой уникальный и недоступный для большинства людей. Понятия-символы скорее *указывают* на смысл, но *не определяют* его; как утверждают поэты, подлинный смысл следует искать за словами. Понятия-символы соединяют в себе множественность смыслов, одни из которых как бы видны на поверхности и доступны рациональному пониманию и толкованию, а другие скрыты, но при особой культуре чувств они доступны созерцательному постижению¹¹. Понятия мистических прозрений, поэтических пророчеств, интеллектуальных интуиций, общественно-политических лозунгов могут служить примером неопределенных, полуопределенных понятий. Например, понятие нирваны было введено Буддой для указания на Высшую Реальность, которую нельзя ни помыслить, ни почувствовать обычным сознанием. Понятие нирваны в психологии буддизма считается условным, временным, пустым наименованием, своего рода подсказкой на пути к поиску; считается, что, когда человек сам приходит к переживанию соответствующего опыта, он становится способным видеть временность названий¹².

В многомерных пространствах культуры можно обнаружить смешанные виды понятий. Американский математик и философ Фр. Меррелл-Вольф выделяет три области разума: Определимое (физическая реальность), Неопределимое (метафизическая реальность) и Определимое-Неопределимое (пограничная реальность). Каждая область осмысляется в соответствующих понятиях. Промежуточная область мыслится Вольфом как переход от конечного к бесконечному: *«Будучи определяемым, она может использоваться разумом для передачи мыслей, но в своих неопределимых глубинах смыкается с бесконечностью. Эти глубины невозможно передать обычными словами. Для того, чтобы они стали хоть в малой мере понятными, необходимо прибегнуть к чему-то такому, что относится к интуиции»*¹³. В качестве примера автор приводит понятие «кватратуры круга». В геометрическом смысле задача кватратуры круга ясна: требуется построить квадрат, площадь которого в точности равна площади заданного круга. В то же время понятие «кватратуры круга» может быть использовано для прояснения метафизических смыслов. Поясняя свою мысль, Вольф отмечает, что в символическом видении круг олицетворяет бесконечное,

божественное, а квадрат — конечное, человеческое. Квадрат круга может означать попытку перенести нечто относящееся к трансцендентному в рамки относительного субъект-объектного сознания человека.

Суммируя сказанное, обратим внимание на то, что определенность понятий и соответственно уровень и формы понимания зависят, с одной стороны, от характера предмета познания и типа реальности (объективные факторы), а с другой стороны, от способов познания и постижения, способностей и уровней познаний субъекта (субъективные факторы). Смысл может быть выражен по-разному, воспринят и понят в понятиях-определениях, понятиях-образах, понятиях-символах. Сильно упрощая, можно сказать, что выделенным видам понятий соответствуют такие области мысли, как наука, искусство, философия и религия. В реальном общении научный, художественный и философский стили понятийного мышления, как правило, смешиваются. Разумность коммуникации должна основываться на чувстве меры: министру аналитическую записку в стихах не пошлешь, и вряд ли стоит мучить друга в застольной беседе мудреными профессиональными рассуждениями.

Логическая классификация понятий по степени определенности объема и содержания. В многочисленных житейских ситуациях люди пользуются неспециализированным знанием. Что за растение одуванчик, знают все. Любой может точно указать объект, подпадающий под имя «одуванчик», но каждый ли сможет описать словами это популярное растение? Вряд ли. А вот биологи разработали специальную терминологию описания ботанических объектов: *«Одуванчик — многолетнее травянистое растение, высотой 5—50 см. Корневая система стержневого типа. Главный корень толстый, обычно вертикальный, маловетвистый; корневая шейка шерстистая, реже голая. Все листья розеточные, длиной 10—25 см и шириной 1,5—5 см. Цветочных стрелок несколько. Они безлистные, гладкие, полые. Все цветки язычковые, обоополье, желтые»*¹⁴. Если можно точно указать объект, подпадающий под понятие, но имеются затруднения в определении понятия, то в таком случае можно говорить о понятии с точным объемом и «размытым», неопределенным содержанием. Авторы учебного пособия «Логика. Логические основы общения» по степени определенности объема и содержания выделяют несколько типов имен (понятий): *«1) с четким содержанием и резким объемом («европейское государство», «человек», «молекула»); 2) с трудно выразимым в словах чувственным*

содержанием и резким объемом (интуитивные имена), например, «красный», «буревестник»; 3) с расплывчатым содержанием и нерезким объемом (размытые имена), например, «интересная книга», «строгое наказание», «морально устойчив»¹⁵.

Культурное многоязычие как фактор времени. Каждый конкретный разговор не просто речевое взаимодействие, а встреча двух чувствующих и мыслящих индивидуальных сознаний. В диалоге для того, чтобы понять предмет разговора, часто приходится понимать и собеседника. Возникают многочисленные вопросы: почему он так сказал, как он сказал, чьи интересы он представляет, что задумал, что сам понимает под сказанным и что можно понимать еще и т.п. Если понаблюдать за мыслительной работой каждого конкретного человека, то поневоле придешь к мнению, что сколько людей, столько и языков: люди произносят одни слова, но сплошь и рядом понимают под ними разное. Даже профессионалы в одной области порой не могут друг с другом договориться, не осознавая семантических различий употребляемых терминов. В любом виде систематизированного знания (будь то религиозная система, отрасль философии, область науки, практический дискурс) вырабатывается своя система понятий (и соответственно свой язык).

Жажда нового коренится в самой потребности человека к познанию, и почему-то это новое становится таковым в глазах людей, если при этом изобретается и новый язык, вводятся неожиданные, нетипичные для привычного восприятия термины и образы. Идея универсального языка все более и более становится иллюзорной: как нельзя всех одеть в одни одежды, так нельзя и заставить говорить на одном языке. Даже в отдельно взятых научных дисциплинах (стремящихся к строгости) идея единого языка оказывается беспочвенным мифом: развитый эгоистичный индивидуализм не терпит никаких униформ, в том числе и языковых. Современный мир — это мир культурного многоязычия (а также и профессионального многоязычия, и персонального многоязычия). Для того чтобы восстановить условия нормального общения, на мой взгляд, человеку необходимо освоить понимание более высокого уровня — перейти с языков выражения на *язык смыслов*, и, воспринимая смысл, быть лояльным к его выражению, уметь обучаться языку другого, говорить на нем, переводить с одного языка на другой. Речь здесь, по-видимому, идет о высших способностях на данный исторический момент: от развития навыков совместного мышления при развитой индивидуальности, как мне представляется, во многом зависит будущее цивилизации.

Изменения в ментальности, связанные с культурным многоязычием, предъявляют новые требования к аргументации и теории понятий. Разумное ведение любого типа диалога, даже и диалога мировоззрений, вынуждает искать и вводить в норму новые логические критерии правильных интеррефлексивных рассуждений, а также употреблений понятий в семантически многомерных культурных контекстах. Я считаю, что логические нормы рационального ведения диалога в условиях культурного многоязычия следует расценивать и как этические: рациональные нормы мысленного поведения (управления мыслью) призваны регулировать ход совместного мышления в направлении достижения взаимопонимания и совместного решения проблем.

2. Понимание на уровне человека культуры. Методики анализа и введения понятий

Возражение в общении — весьма распространенное явление, не успев досказать свою мысль, а тебе, не выслушав, тут же возражают. Происходит это по разным причинам. Некоторые люди в силу своих внутренних склонностей имеют стойкую привычку возражать по любому поводу. Кроме причин психологических есть и рационально-логическая почва для противодействия в беседе. Ее порождает сама природа интеллекта, склонного проникать в сущность явлений путем моделирования и абстрактного исследования — различения, отделения, отвлечения, а затем конструктивного соединения выделенного, другими словами, путем анализа и синтеза. Сообщая что-либо собеседнику, говорящий, как правило, видит предмет беседы в определенном (одном или нескольких) аспекте, а собеседник может усматривать совсем иной аспект. Поменять аспект видения не трудно, достаточно лишь добавить новое неучтенное условие, и мыслимая ситуация изменится. В устном речевом общении, ограниченном рамками времени, изложить сразу (одновременно) все соображения затруднительно. В письменной речи можно дать более развернутый, многоаспектный анализ, но и это не всегда спасает от возражений. Возражения искоренить из свободного творческого общения трудно, но можно научиться предвидеть возможные мыслимые шаги оппонента. Данная способность воспитывается развитием навыков всестороннего анализа.

Рекомендации «подвергнуть предмет всестороннему анализу» с легкостью делаются во многих статьях и пособиях по методологии научного исследования, однако «всесторонность» понимается по-разному. Современный специалист как мыслитель должен уметь мыслить на уровне человека культуры, — утверждает В.В.Налимов, полагая, что наша западная культура находится в критической ситуации¹⁶. Вдумаемся в эти слова. Культура в целом охватывает и науку, и народный опыт, зафиксированный в традициях, и духовный опыт подвижников и мыслителей, запечатленный в философских и религиозных учениях. Если действительно «всесторонне» мыслить, то придется «отправить мысль в путешествие по всем координатам культурного пространства-времени», другими словами, «вместить» в своем мышлении знания и представления всех народов и времен. Тенденции к обобщающим кросс-культурным и междисциплинарным исследованиям имеются, но глобально — на уровне целей и знаний всего человечества, если и мыслят, то немногие. Требование «всесторонности рассмотрения» можно рассматривать как идеал, к которому следует стремиться и который достижим в определенной мере. В этом смысле «ограниченная всесторонность» будет реализовываться во всестороннем анализе в выделенной области исследования, при заданных методах исследования, при принятых исходных предположениях.

Рассмотрим ряд общеметодологических подходов к анализу понятий, которые, на мой взгляд, могли бы способствовать пониманию на «уровне человека культуры». Некоторые из них уже оправдали себя в исследовательской работе, другие же находятся в стадии становления. В дальнейшем речь пойдет о четырех методах, которые условно назовем:

- историко-культурный подход;
- пространственно-культурный подход;
- системно-познавательный подход;
- культурлингвистический подход.

Историко-культурный подход предполагает изучение становления, развития и трансформации понятий с течением времени в одной или нескольких культурных традициях, а также при их смене в историческом процессе. Для иллюстрации приведем два примера.

Обратим внимание на интересную монографию М.В.Ильина, в которой автор анализирует историческое изменение смыслов важнейших политических понятий (словопонятий) в античной и западноевропейской традициях и сравнивает их с отечественным политическим дискурсом¹⁷. Проведенное культуристорическое

исследование политических словопонятий, как справедливо отмечает автор, должно способствовать становлению нормативного, рационально обоснованного, политического дискурса. Например, рассматривая фундаментальное общественно-политическое понятие «свободы», Ильин относит его к *сущностно оспариваемым*¹⁸. В современном дискурсе данное понятие многозначно и даже внутри себя содержит противоположности. Автор предлагает отличать «свободу вне и от» и «свободу в и для». Свобода в первом смысле (liberty) выделяет граждан как вольноотпущенников, исторически связана с осознанием разделения на «свои» и «чужие»; свобода во втором смысле (freedom) «влечет к друг другу, заставляет соединяться в гражданских инициативах», ее исторические корни уходят к первобытным смыслам свободы-любви, миро-приязни и миро-общности в нерасчленном родо-племенном сознании. Необходимо просматривать все логические возможности, связанные с понятием свободы, в том числе и такие, как «жить вне общества» и «быть свободным в обществе». *«Догматический прогрессизм мешает уяснить, а тем самым и освоить способы и средства свободной интеграции личности в обществе не на архаичных, а на вполне современных началах, чтобы тем самым добиться эмансипации как человека, так и человеческого рода, явившихся в новых отличиях и с новыми смыслами»*¹⁹.

Второй пример. Композитор и искусствовед В.И.Мартынов книгу, посвященную русскому молитвенному богослужению, начинает с обсуждения толкований понятия «древнерусское богослужбное пение»: можно ли считать, что оно является частью музыкального искусства, или же «пение это есть нечто совершенно иное, не имеющее никакого отношения ни к музыке, ни к искусству вообще?»²⁰. Как отмечает автор, еще в 60-х годах XVII века в трактате «О пении божественном» дьякон Иоаким Коренев писал: «...Я же всякое пение называю музыкой», и по крайней мере с тех пор концепция единства богослужбного пения и музыки стала доминирующей, и до сих пор ею пользуются без оговорок современные ученые-медиевисты. Как доказывает Мартынов, в древнерусском традиционном мышлении за словами «пение» и «играние» стояла оппозиция сакрального и профанного. *«Слова «петь» или «пение» обозначали пение в церкви и относились только к богослужбным песнопениям. Слова «играть» или «играние» обозначали пение вне церкви, в мире и употреблялись даже в случаях вокального исполнения песен. Вот почему применительно к мирским песням никогда не говорилось «спеть песнь», но употреблялось выражение «сыграть песнь». Примерно к XVII веку слова игра» и «играние» за-*

меняются словами «музыка» или «мусикия». С игрой или мусикией связывают не просто мирские, а со значением демоничности действия: «Мусикия — в ней же пишутся бесовские песни и кощунства»²¹.

Играющее сознание и молящееся сознание в древнерусской традиции противопоставляются как два противоположных состояния сознания. Молитва обращена вовнутрь, к Богу, а не вовне, к миру; овладение процессом молитвенного пения рассматривалось как навык аскетического очищения сознания на пути к просветлению. Мартынов совершенно справедливо утверждает, что при современной интерпретации богослужебного пения как музыки без учета вышеуказанных обстоятельств невозможно и близко подступиться к выяснению сущности молитвенного пения. В историко-культурных исследованиях подобные подмены понятий нередки, и причины тому могут быть разные — как недобросовестность исследователей, так и неосознаваемая разница в ментальности, отсутствие опыта и соответствующих способностей к нему.

Пространственно-культурный подход реализует идею анализа понятий, так как они понимаются в этнических и национально-культурных традициях. Стратегии сравнительного анализа культур принято называть *компаративистикой*. Как правило, исследователь выделяет определенный временной период и прослеживает схожие и различающиеся тенденции в культурах разных географических регионов. Несмотря на разницу языков и менталитета, порой удается выделить общие инварианты смыслов, зафиксированных в различающихся понятиях и, наоборот, усмотреть существенное различие в интерпретациях, казалось бы, одного и того же слова-понятия. Приведем примеры обоих вариантов.

Исследователями архаичного мышления отмечается повсеместно распространенное в древнейших цивилизациях представление о числе как сущностях-мироустроителях: числа и их соотношения организуют как невидимый, так и видимый Космос. Учение о числах-мироустроителях называют нумерологией (герметизм египтян, Каббала иудеев, И-Цзинь китайцев, индуистский символизм, пифагореизм, ТАРО в западной традиции, символизм майя). Исследования нумерологии наводят на мысль о том, что общефилософские и специально-математические смыслы числа составляли содержание единого, объемного понятия-символа. Проводя детальный сравнительный анализ текстов, логик-востоковед Крушинский усматривает единую мыслительную стратегию в образовании фундаментальных понятий «Дэ» китайской философии и «дюнамис» древнегреческой: «...давно обнару-

женная замечательная близость между, казалось бы, предельно далекими по своим культурным ореолам словами [Дэ] и δ *power*, отраженная в издавна практикуемом переводе китайского иероглифа посредством слов «power», «потенция», «сила», прообразом которых выступает вышеозначенный греческий термин, распространяется и на специально математические коннотации этих двух, приравняемых друг другу терминов, что весьма нетривиально. Смысловой переход от общефилософского к специально терминологическому значению (или наоборот?), на наш взгляд, прозрачен: применительно к числам идея усиления конкретизируется в их усугублении, т.е. удвоении, так что, например, четыре — это усугубленное два, а девять или шесть суть не что иное, как сугубое три...»²².

Без компаративистики современному аналитику-политологу в условиях культурного многоязычия просто не обойтись! При политических, деловых переговорах чрезвычайно важно иметь в виду, что невыраженное в словах, подразумеваемое кроется за формулировками документов. Профессор Института стран Азии и Африки Виля Гельбрас, размышляя над теми реальными проблемами, которые остаются за скобками формулы о стратегическом партнерстве между Россией и Китаем, обращает внимание на разницу в понимании понятия партнерства: «...если говорить о сути российско-китайских отношений, то боюсь, здесь мы не достигли никакого прорыва и полагаемся больше на формулы и слова, которые для нас и для китайцев имеют разное значение. Ведь что такое формула о стратегическом партнерстве для китайцев? О партнерстве, даже стратегическом, китайцы договорились с США, конфликтовать с которыми не намерены, и уж тем более не будут делать этого ради России. О партнерстве Китай договорился также с Францией, Великобританией, Японией. В России же формулу «стратегический партнер» воспринимают как нечто однозначное и принципиально достигнутое... Это опасная иллюзия, которая нам в отличие от китайцев не позволяет маневрировать и иметь в отличие от нашего «стратегического партнера» двойные стандарты»²³.

Системно-познавательный подход позволяет открыть новые области исследований путем изучения, сравнения и синтеза разных сфер знания, а также многих аспектов рассмотрения. Среди наиболее значимых сфер знания выделим следующие:

- обыденное знание (опыт конкретных людей или социальных групп),
- традиционное знание (трансперсональные знания и умения, зафиксированные в традиции);

— научное знание (специализированное знание: парадигмы, теории, модели);

— метасистемное знание (философия, религия, мифология).

Хотя порой и бывает трудно договориться людям с разной жизненной позицией, все-таки *сомыслие* и соединение ранее, казалось бы, несоединимого *возможно*, на что указывают наблюдаемые тенденции в современном культурном дискурсе. Более того, постепенно утверждается точка зрения, согласно которой синтез знаний (и сомыслие) *необходимы* ради будущего человечества.

Широкую политическую поддержку получила концепция «Устойчивого развития», согласно которой «право на Развитие должно осуществляться таким образом, чтобы справедливо удовлетворить потребности развития и сохранения окружающей среды нынешнего поколения людей» (Декларация Конференции ООН по Окружающей Среде и Развитию. Рио-де-Жанейро. Июль 1992). Критики концепции обратили внимание на то, что в ней шекотливо избегается вопрос о необходимости ограничить потребление, ведущее к росту промышленного производства. Была выдвинута альтернативная концепция «Устойчивого потребления», учитывающая этот коренной для современности вопрос. Один из ее приверженцев, Индийский министр по развитию человеческих ресурсов, науки и техники и освоению океана, доктор Мурали Манохара Джоши считает, что «Устойчивое потребление» должно стать всемирным движением под девизом «Думай глобально, действуй локально». При этом создание общества, основанного на ценностях устойчивости, по мнению д-ра Джоши, требует изменения характера научного знания и знания производственных систем: *«Четыре типа знаний, которые в настоящее время рассматриваются в отдельности, должны быть слиты воедино: научное знание в его общепризнанном смысле; ремесленные знания, связанные с какими-либо операциями или практической деятельностью; древнее духовное знание и традиционное или народное знание»*²⁴.

Любые попытки синтеза, тем более глобального характера, всегда сопряжены с трудностями для узкоориентированного сознания, находящегося под порабощающим гипнозом стереотипов мышления (и профессионального языка!): приходится отказываться от прежних смыслов понятий, учиться усматривать единые смыслы, представленные в, казалось бы, несравнимых системах знания. Все же, несмотря на препятствия, синтезирующие тенденции в науке и практике набирают силу. Открываются новые области знания, в частности, благодаря переосмыслению поня-

тия целого. Примером может служить такая новейшая область исследований, как география культуры. Помыслив биосферу и ноосферу как два аспекта целостности планеты, придется, наряду с веществом и энергией, признать информацию (как активную составляющую ноосферы) фундаментальным понятием для познания мироздания. Понятие географического пространства при этих предпосылках меняет свое содержание — в него включается информационная составляющая. *«Изучение географического пространства через представления о нем различных социальных групп весьма популярно в зарубежной географии (K.Lynch, D.Lowenthal, T.Saarinen и др.). Широко применяется и создание так называемых «ментальных карт», отражающих индивидуальные представления о географическом пространстве или статистическую интерпретацию результатов опроса изучаемой группы. В географии культуры достаточно разработан метод изучения «смысла места» с помощью описаний, взятых из художественной литературы (U.-F.Tuan, D.Lowenthal и др.). В данном случае художественная литература применяется географами для иллюстрации трудноуловимой индивидуальности исследуемых географических единиц»²⁵.*

Примером интеграции науки и древнего символического знания может служить внимательное изучение научной медицинской опыта и учений традиционной медицины. При этом при переводах оригинальных текстов для специалистов возникает серьезная проблема представимости древних (символических) смыслов в языке науки. Дело осложняется тем, что традиционная медицина немислима без духовных практик и их метафизического осмысления, ее терминология сочетает специальные медицинские смыслы с общефилософскими²⁶.

Приведем пример. В тибетской астрологии используется пять индоевропейских элементов: Земля, Вода, Огонь, Воздух, Пространство (акаша, эфир)²⁷. При практическом применении теории элементов в тибетской медицине осуществляется сведение четырех к трем: слизи (Земля+Вода), ветру (Воздух) и желчи (Огонь). Возможна интерпретация тибетских понятий-символов в научных терминах (понятиях-определениях). В книге по тибетской медицине, предназначенной для врачей, читаем: *«При обсуждении последующих вопросов мы будем использовать тибетские названия трех систем регуляции: ветер, желчь, слизь, имея в виду, что система регуляции ветер представляет собой нервный способ регуляции, система желчи — гуморально-эндокринный и система слизи — местно-тканевой уровни регуляции состояния организма»²⁸.*

Разумеется, найденные корреляции терминов будут способствовать пониманию специалистов, однако не следует забывать, что любая редукция смыслов оборачивается упрощением, утратой существенных смыслов, с переходом на специализированное аналитическое понимание целостное понимание объекта ускользает.

Синтезирующее мышление, объединяющее разные системы знаний, можно отнести к более общему роду — многоаспектному мышлению (стереомышлению, стремящемуся к цельности видения предмета). При многоаспектном исследовании предмет рассматривается сразу в нескольких направлениях, которые образуют единое мыслимое концептуальное пространство. Многоаспектные системные стратегии мышления, вводя многие вектора (координаты) рассмотрения, формируют многомерное исследовательское пространство и соответственно семантически многомерный текст. При системном многоаспектном подходе можно сочетать разные типы знаний, разные теории, разные методологии, но при этом есть опасность «впасть в эклектику», механическое соединение разнородного. При корректном синтезе многого выделяют логические основания синтеза, постулируют некую органическую целостность предмета, в которой аспекты целого будут иметь определенно заданное назначение.

В поисках смысла. Этимология и контекст. Культурлингвистический подход. До сих пор речь шла о понятийном понимании через текст, т.е. письменные источники фиксации мысли. Текст есть всегда мысль, выраженная другим, даже если она и близка читающему. А как быть со свободным творчеством — мышлением, не привязанным к тексту, к знакомой теории, к мыслям других людей, со способностью самому понимать и создавать понятия и тексты, руководствуясь изнутри идущей интуицией? На начальных этапах развития способности к свободному теоретическому мышлению очень полезно обратиться к языковой интуиции и умению усматривать смыслы «незнакомых» понятий через контексты и свободные ассоциации родного языка.

Г.В.Гриненко считает, что вопрос об информационном содержании имени [можно применить и к понятиям — *И.Г.*] должен рассматриваться «в связи с:

1. *Культурной парадигмой, в которой имя используется;*
2. *Знаниями и представлениями отдельных субъектов, которые используют имя;*
3. *Языковой структурой, к которой принадлежит данное имя.*

Последнее особенно важно в тех случаях, когда субъект «считывает» оперделенную информацию из этимологии слова и из его внутренней структуры, из значений слов, принадлежащих к тому же семантическому гнезду, и т.п.»²⁹.

Даже не зная учений и теорий, можно многое осмыслить, исходя из понимания языка, как иностранного, так и своего родного. На языковую интуицию понимания этимологии слова, семантических гнезд, контекстов употребления опираются лингвисты в своей профессиональной деятельности, но те же способности могут быть использованы и любым человеком, стремящимся к самостоятельному мыслетворчеству. Рассмотрим, к примеру, всем хорошо знакомое слово «руководитель». Слово «руководитель» состоит из двух слов «рука + водитель». Спрашивается: почему данный человек (обремененный полномочиями) «водит рукой», или же «ведет» кого-либо, и тогда почему? Задумываясь над этими вопросами, можно предложить множество решений: «человек водит рукой, потому что пишет (т.е. грамотный)», «в древнейшие времена (когда не было сотовых телефонов) человек (лидер) махнул рукой и повел за собой всех остальных. Язык жестов в эволюции мог предшествовать языку слов». Те, кто знаком с духовной литературой, мог встречать выражение «Рука Водящая», т.е. невидимый, духовный помощник, ведущий по жизненному пути. Иногда на иконах в верхнем углу изображают руку как символ духовной силы, ведущей героя. По ассоциации можно слово «водить» соединить с «ведать», а может быть, припомнить и индоевропейскую основу корней «вод» и «вед» — ведет, потому что ведает, т.е. знает. После подобных размышлений вдруг открывается, что смысл слова известен, только человек не осознавал этого, потому что не задумывался. Активизация языковой интуиции помогает проявиться знанию-припоминанию и, подключая токи поиска и творческого воображения, блокировать беспомощную растерянность и бездействие.

Обращение к этимологии, контекстам употребления словопонятия (1) в научном исследовании дает возможность выявить определенную информацию о предмете; (2) обнаружить новые, нетривиальные смыслы; (3) в речевом общении (публичной лекции, популярной статье) вызвать удивление и стимулировать интерес за счет яркого неожиданного этимологического «поворота» в повествовании. Лингвистические методы приобретают популярность и среди научных исследователей, и среди журналистов. В погоне за социальным признанием часто верх берет стремление выдавать желаемое за действительное, отсюда в «этимологических аргументах» всегда кроется опасность профанации и подтасовок. За примерами далеко ходить не надо — возникло целое направление в прессе под именем «приколы от Фоменко».

— *«Печенеги — это русские, поскольку Русь — это действительно страна печей»;*

— *«Варяги — это вороги, враги. Восточные враги — русские»;*

— *«Татары — от греческого тартар, ад. Татарское иго — просто адское иго».*

Пародисты и логики в культуре — это братья-антиподы. То, что в логике запрещается, в жанре пародии используется как специальный художественный прием. Удивление и смех всегда вызывает то, что противостоит здравому смыслу, привычному ходу рассуждений; нарушение табу, запрета, серьезной нормы — истонный источник юмора. В пародийной литературе лингвистические аргументы оправданы, но есть работы, претендующие на научность, где подобные приемы выдаются за доказательства. В последнее время вышла львиная доля книг, в которых подвергается ревизии вся мировая и отечественная история. Активный инициатор движения — академик РАН, математик А. Фоменко³⁰.

Для теории аргументации вопрос о лингвистических аргументах немаловажен: считать ли их за доказательства или нет? Я бы предложила следующее решение. Любые аргументы, относящиеся к существу дела (*ad rem*), должны приниматься как достойные внимания обоснования, аргументы к человеку (*ad hominen*) в теории аргументации считаются спекулятивными приемами. Лингвистические аргументы (*ad linguam*) могут иметь статус *ad rem* в отдельных конкретных случаях, в общем же случае их следует расценивать как средства выдвижения гипотезы, которая требует дальнейшего исследования и подтверждения. Некритическое употребление аргументов к языку (*ad linguam*), подобно приведенным примерам, свидетельствует о явных спекуляциях.

Предложенные в данном разделе подходы к исследованию понятий в каждой конкретной исследовательской работе могут совмещаться, также не исключено вовлечение в рассмотрение новых координат анализа.

Примечания

- ¹ Можно поставить вопрос и о смыслах термина «понимание». Наиболее тщательно этот вопрос исследовался герменевтикой, где чаще всего указывают на такой смысловой оттенок, как «усвоить смысл», «постигнуть содержание». Для методологии науки представляет интерес семантическая концепция понимания, предложенная А.Л.Никифоровым. Согласно ей слово «понять» имеет оттенок «осмыслить», «интерпретировать», «придать смысл». См.: *Никифоров А.Л. Философия науки: история и методология (учебное пособие)*. М., 1998. Глава V. В нашей работе предпринята попытка просмотреть разные тенденции культуры, отсюда термин «понимание» будет в зависимости от контекста приобретать различные оттенки смысла, основные из них: «воспринять смысл», «усвоить смысл» (пассивный аспект), «проявить смысл» (нейтральный аспект), «придать смысл» (активный аспект). Указанные аспекты можно также уточнить как «проявить-воспроизвести» («транслировать»), «проявить-пояснить»; «усвоить-воспроизвести», «усвоить-ассимилировать»; «придать-смысл как интерпретировать», «придать смысл как указать на смысл».
- ² Логико-эпистемологический подход к анализу понятий, представленный в данной работе, вполне согласуется с когнитивным. С точки зрения когнитивной эпистемологии, одной из важнейших функций понятий является *когнитивная экономия*. И.П.Меркулов раскрывает эту мысль следующим образом: *«Благодаря понятиям мы избавлены от необходимости использовать чрезмерно обширный лексикон и именовать в отдельности каждую индивидуальную ментальную сущность ... Разделяя объекты на классы, мы, однако, не просто «экономим» слова, мы тем самым увеличиваем количество когнитивной информации, которую мы должны извлекать, изучать и анализировать, помнить и передавать другим и на основе которой мы можем строить наши рассуждения»*. См.: *Меркулов И.П. Когнитивная эволюция*. М., 1999. С. 81.
- ³ В лингвистике выделяют акт номинации (именования) и акт сигнификации (означивание, подразумевание). Первый делает слово именем различных феноменов, а второй — выражением понятия. Лингвистические исследования в аспекте номинации называют ономасиологией (греч. *onomasia* — называние), а в аспекте изучения словесного выражения понятий — семасиологией (греч. *semasia* — смысл). Для того, чтобы подчеркнуть, что исследование направлено именно на изучение смыслов понятий, в тех или иных контекстах в семасиологии употребляются такие термины, как словопонятие или лексиконцепт. Признание того, что слова могут стать ключом к пониманию и даже творению вещей (реальных, концептуальных, перцептуальных), вызвало к жизни многие лингвистические и лингво-философские направления культуристорических и кросскультурных исследований языка (Р.Мерингер, Дж.Остин, Р.Браун, Э.Геллнер, У.Куайн, М.Фуко). В качестве примера можно привести книги, выпущенные центром по логическому анализу языка под руководством чл-корр. Аругюновой Н.Д. (Институт языкознания РАН). Сама идея влияния словопонятий на реалии жизни и вытекающей отсюда необходимости рационализации понятий явно перекликается с древнекитайской философской мыслью: для того, чтобы навести порядок в

государстве, следует сначала навести порядок в именах. Междисциплинарный подход к исследованию понятий, предпринятый в данной статье, опирается прежде всего на логико-методологический аспект изучения понятия, но принимает во внимание в качестве дополнительных лингвистический и когнитивный аспекты.

4 Мир вещей, мир понятий и мир слов можно представить как реальную, ментальную и языковую координаты (аспекты) исследования мышления. Если во внимание принять жизненный мир индивида, то к перечисленным добавится и перцептуальная координата.

5 Греческое слово *arhōtismos* буквально значит «ограничение», «определение».

6 На большое значение афористики в культурной жизни указывает А.Я.Сыркин: «Достаточно сказать о степени воздействия афоризма на человеческое поведение, о фетишизации отдельных изречений и заповедей, приобретающих при определенных обстоятельствах поистине «магическую» силу. Можно было бы написать целую историю таких, например, фраз, как «Люби ближнего своего, как самого себя» или «Кто не работает, тот не ест» в их передаче от поколения к поколению, в их связях с общественными движениями, с интеллектуальной жизнью разных стран и времен». См.: Древнеиндийские афоризмы. Составление, перевод и предисловие А.Я.Сыркина. М., 1999. С. 6. В дальнейшем примеры древнеиндийских афоризмов будут взяты из этой книги без дополнительных ссылок.

7 Бочаров В.А., Маркин В.Л. Основы логики. М., 1994. С. 170.

8 Понятие неопределенности в историческом познании исследуется Анисовым. См.: Анисов А.М. Темпоральный универсум и его познание. М.: ИФ РАН, 2000.

9 Московский логик Е.А.Сидоренко как-то пошутил по этому поводу: «Если нельзя доказать, то приходится аргументировать».

10 Степин Б.Д., Аликбекова Л.Ю. Книга по химии для домашнего чтения. М., 1994. С. 233.

11 Понятия-символы тесно связаны с явлениями *энантиосемии*, которая представляет собой разновидность антонимии или разносмысленности, когда противоположные смыслы выражаются одним и тем же словом (греч. *enantios* — противоположный, *sema* — знак). Так лат. *altus* означает «высокий», но также и «глубокий», персидск. *pachter* — восток, но также и запад, русск. наверное — точно, несомненно, но также и вероятно, сомнительно. Категорию энантиосемии ввел в научный обиход чех В.И.Шерцль в середине XIX века, который справедливо считал, что такая поразительная неопределенность унаследована от древнейших эпох языка. Добавим, что, на наш взгляд, энантиосемия возникла в ходе когнитивной эволюции как результат трансформаций невербального символично-образного мышления в вербальное. В современном мышлении энантиосемия вновь активизируется, но уже в связи с синтезирующими тенденциями в культуре, попытками объединить в одном понятии ранее разнородные смыслы.

12 В приведенном рассуждении содержится предпосылка — кроме лингвистического сознания имеются и другие виды сознания. Проекция смыслов на лингвистическое сознание порождает ситуации многозначности. Современника Гаутамы Будды и основателя джайнизма Махавиру можно считать протечей многозначной логики. Все возможные альтернативы в ситуациях определенности-неопределенности видятся им в семизначной логике: на воп-

- рос: «Существует ли Бог?», возможны следующие ответы: (1). Да, Бог существует. (2). Нет, Бог не существует. (3). И да, и нет: Бог существует и Бога не существует. (4). Возможно, Бога нет. (5). Возможно, Бог существует и не может быть определен. (6). Возможно, Бог не существует и также не может быть определен. (7). Возможно, ничего не может быть сказано, только то, что это не может быть определено.
- ¹³ См.: *Франклин Меррелл-Вольф*. Математика, философия и йога. Киев, 1999. С. 81.
- ¹⁴ Природа исцеляющая // Авт.-сост. *Г.В.Семенова*. Мн., 1998. С. 244–245.
- ¹⁵ Логика. Логические основы общения. Учебное пособие для высших учебных заведений // *В.Ф.Берков, Ф.С.Яскевич, В.И.Бартон* и др. М., 1994. С. 88.
- ¹⁶ *Налимов В.В.* В поисках иных смыслов. М., 1993.
- ¹⁷ *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.
- ¹⁸ По признаку точности и однозначности определения понятия лингвисты выделяют два вида понятий: *сущностно оспариваемые* и *конвенциональные*. В конвенциональных понятиях значения строго заданы и имеется согласие относительно пределов их толкования. Примером может служить такая область, как юриспруденция. Сущностно оспариваемые понятия употребляются в тех областях, где задействованы человеческие интересы. В таких понятиях доля неопределенности достаточно велика, они не допускают терминологизации, т.е. установления жестко ограниченного значения, и конвенционализации — согласия о пределах значения слов. В сфере политики, особенно, если стоит задача достичь договоренности между конфликтующими сторонами, использование понятий с не жестко-фиксированными значениями бывает предпочтительней прямых, детализированных описаний, а также оценок и суждений. Оспаривание рассматривают как проявление метафоризации в процессе коммуникации, когда каждый из участников общения настаивает на своем смысле, но при этом понимание и контакт (желание продолжения переговоров) не разрушаются, поскольку смыслы оказываются сопряжены.
- ¹⁹ *Ильин М.В.* Цит. соч. С. 79.
- ²⁰ *Мартьянов В.И.* Пение, игра и молитва в русском богослужбенопевческой системе. М., 1997. С. 5.
- ²¹ Там же. С. 6.
- ²² *Крушинский А.А.* Логика «И Цзина»: Дедукция в древнем Китае. М., 1999. С. 19.
- ²³ Цит. по: *Айрапетова Н.* Надо ли России опасаться Китая? Что остается за скобками формулы о стратегическом партнерстве // Независимая газета. 03.03.2000.
- ²⁴ *Д-р Мурали Манохара Джоши.* Устойчивое потребление — видение будущего. Обращение // Выступление в МГУ им.М.В.Ломоносова. Москва, 5 июля 2000 г.
- ²⁵ *Лавренова О.А.* Географическое пространство в русской поэзии XVIII — начала XX вв. (геокультурный аспект). М., Институт Наследия. 1998. С. 6. Понятие географического пространства, включающее физический, экономический и информационный аспекты смыслов, становится «объемным», другими словами, явно подпадает под явление энантиосемии. Еще более ярким примером энантиосемии служит понятие пространства в ореоле своих физических и ментальных смыслов в культуре: физическое, психофизическое, культурное, экономическое, политическое, социальное, личностное и др. пространства.

- ²⁶ Усматривают этимологическую общность слов «медицина» и «медитация» (созерцание).
- ²⁷ Их предлагается толковать как космофизические.
- ²⁸ *Хунданов Л.Л., Батомункуева Т.В., Хунданова Л.Л.* Тибетская медицина. М., 1993. С. 36.
- ²⁹ *Гриненко Г.В.* Сакральные тексты и сакральная коммуникация. М., 2000. С. 120.
- ³⁰ См., например: *Носовский Г., Фоменко А.* Новая Хронология Руси. М., 1998. На «Русском радио» работает шоумен Н.Фоменко. Приведенные в статье примеры взяты из письма читателя «Литературной газеты», который предложил отличить «пародию на шарлатанов» (Н.Фоменко) от «научных доказательств» (А.Фоменко).

Вопросно-ответная процедура в аргументационной деятельности*

Современный контекст понимания места вопросно-ответной процедуры (ВОП) в аргументационной деятельности, как это мне представляется, формируется на пересечении ряда внешне самостоятельных тем:

- ВОП как объект теоретического анализа;
- историко-философский анализ процесса формирования аргументационной практики, место ВОП в этом процессе;
- современная трактовка вопросно-ответных процедур в контексте теории коммуникации;
- другие проблемы.

Небольшой объем статьи не позволяет мне подробно рассмотреть каждую из намеченных тем. В связи с этим я предполагаю поступить следующим образом. В том случае, если уже есть опубликованные материалы по выделенным рубрикам, я намечу лишь основные линии их анализа, сделав ссылки на соответствующие публикации. В том же случае, когда таких материалов либо нет, либо в них не рассматривается заданный мною общий контекст анализа, я остановлюсь на отмеченных темах более подробно, приведу примеры, иллюстрирующие мою позицию. Наконец, хотела бы подчеркнуть следующую важную линию, которая проводится в данной статье. На мой взгляд, в современных условиях анализ места ВОП в коммуникативной деятельности неотделим от исследования особенностей функционирования вопросно-ответных процедур в аргументационных процессах и наоборот.

---

* Исследование ведется при финансовой поддержке РГНФ, грант № 00–03–00377.

Разделяя позиции ряда авторов, в частности А.П.Алексеева, А.А.Ивина, я буду понимать аргументацию как определенную человеческую деятельность, протекающую внутри конкретного социального контекста. С этой точки зрения оказывается, что аргументация направлена на *«убеждение в приемлемости каких-то положений. В числе последних могут быть не только описания реальности, но и оценки, нормы, советы, предостережения, декларации, обещания и т.п.»*¹. Вместе с тем мне представляется, что аргументационный процесс, в первую очередь, через систему вопросно-ответных процедур может быть направлен и на получение знания как такового. В совокупности таких характеристик аргументации, думаю, важно осознавать, что аргументация «вписывается» в контекст коммуникативных действий, что, в свою очередь, очень четко прослеживается Ю.Хабермасом. С точки зрения Хабермаса, *«в процессе аргументации ориентированная на достижение успеха установка соревнующихся сторон во всяком случае принимает коммуникативную форму, в которой иными средствами продолжается действие, ориентированное на достижение взаимопонимания (выделено мною — Г.С.)»*².

При этом под коммуникативными действиями я, вслед за Хабермасом, понимаю действия, имеющие интерактивный характер. Более точно мысль Хабермаса выглядит следующим образом: *«Коммуникативными я называю такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется intersубъективным признанием притязаний на значимость»*³.

Трактовка соотношения между коммуникативными действиями и вопросно-ответными процедурами включает в себя, на мой взгляд, определенный круг в отношениях. Коммуникативные действия в своей существенной части опираются на ВОП(ы), реальные или виртуальные, в свою очередь, наличие ВОП в дискурсе — свидетельствует о коммуникативном характере самого дискурса. Каждый новый аргумент либо является ответом на заданный вопрос, либо вырастает из стремления снять возможные вопросы у участников коммуникативного процесса. Мне представляется, что идея М.М.Бахтина об «ответности» не только любого высказывания, но и каждого отдельного слова является совершенно адекватной реальному положению дел. Каждый новый дискурс формируется в контексте с учетом какого-то или каких-то предшествующих дискурсов. Каждая новая фраза, каждое последующее слово могут быть интерпретированы как ответ на вопрос, реальный или реконструируемый, из предшествующего дискурса.

В свою очередь, любой вопрос, с одной стороны, возникает как результат уже проведенной аналитической работы. С другой стороны, поиск ответов на сформулированные вопросы является важнейшим элементом любой коммуникативной практики, включая научную, обыденную, другие. При этом мне представляется очень важным подчеркнуть, что аргументация как таковая зачастую просто рассматривается как явление коммуникации⁴.

Вопросно-ответные процедуры, на мой взгляд, представляют собой особый тип и способ рассуждения, который включает в себя в свернутой форме различные классические формы рассуждений. Ярчайшей иллюстрацией этой точки зрения в истории европейской культуры являются диалоги Сократа, сохранные Платоном и Ксенофонтом. Вместе с тем в рамках ВОП возможные выводы из строящихся рассуждений еще не имеют жестко однозначного характера. Вопросно-ответные процедуры намечают пути расширения уже имеющихся результатов, предлагают различные, а не строго однозначные выводы из уже имеющихся посылок. Думаю, что еще одной иллюстрацией этой точки зрения может стать классическая деятельность детектива, например Шерлока Холмса.

Коммуникативные возможности ВОП связаны, в первую очередь, с тем, что в вопросе, представленном спрашивающим, с одной стороны, содержится указание на некоторую неопределенность знания и, с другой стороны, потребность в ее устранении. Реализация подобной потребности как раз и происходит в процессе коммуникативных действий, реальных или виртуальных. С другой стороны, ВОП(ы) фактически присутствуют в явной или неявной форме на любом этапе аргументационной деятельности, ибо, например, аргументатор постоянно формулирует себе мысленные вопросы о том, какой аргументационный путь окажется более эффективным, каким образом можно достичь необходимых результатов и так далее. Множество вопросов аргументатора, реальных или виртуальных, формулируется в зависимости, по крайней мере, от его исходной целевой установки и различных контекстуально зависимых возможностей реципиента.

При этом, например, для понимания особенностей функционирования социальной коммуникации в современном обществе очень важно, на мой взгляд, уметь анализировать вопросно-ответные процедуры, соединяя между собой различные уровни анализа, включая формально-структурный и интерпретационно-смысловой. Особенности аргументационной деятельности проявляются, в первую очередь, в том, что в процессе аргументации

оппоненты и пропоненты решают свои проблемы с помощью аргументов, «принуждение» оформляется в процессе совместной интеллектуальной деятельности, оно не принимает форму физического воздействия. При помощи аргументации «принуждение» передается изнутри, то есть при помощи *«рационально мотивированных изменений собственной установки»*⁵, а не путем внешнего насилия.

Мне представляется, что коммуникативные особенности ВОП вполне встраиваются как в общую схему анализа коммуникативного действия, развитую, например, Ю.Хабермасом, так и в аргументационный схематизм, разработанный, например, С.Тулминым⁶. Каждый этап убеждения кого-то в чем-то эксплицитно или имплицитно предполагает серию вопросов о правильности выбранного пути, достоверности аргументов и так далее.

В свою очередь, коммуникативный способ употребления языка связан с тем, что мы говорим *«что-нибудь кому-нибудь другому»*, так что последний *понимает то, что говорится»*⁷. Вне этих элементов коммуникативного употребления языка никакая аргументация невозможна. Если язык употребляется с целью достижения взаимопонимания с другим человеком, то в таком случае возможны, по Хабермасу, три вида отношений: *«...выражая свое мнение, говорящий налаживает коммуникацию с другим членом той же языковой общности и говорит ему о чем-то, имеющим место в мире»*⁸. На базе таких коммуникативных процессов как раз и формируются условия убеждения кого-то в чем-то. При всем при том в процессах коммуникации участники коммуникации, говоря или понимая что-либо, осуществляют целый ряд речевых действий, ибо коммуникаторы *передают* мнение, *произносят* утверждения, *дают* обещания, *отдают* приказ, *выражают* намерения, желания, чувства или настроения⁹. При этом, на мой взгляд, в этом списке Хабермаса отсутствует одно из важнейших речевых действий, каковым является вопрос и связанная с ним вопросно-ответная процедура.

Однако вопросу, вопросительным формам рассуждения, условно говоря, не очень везет не только в рамках теории коммуникации или теории аргументации. В течение продолжительного времени вопросно-ответные процедуры не рассматривались в качестве объекта теоретического анализа ни в рамках логики, ни в рамках лингвистики, ни в контексте каких-либо иных наук. Между тем, например, логика в качестве теоретического знания в процессе своего формирования как бы включила в себя в снятом виде практику античного вопрошания в целом, сократовского — в частности. Затем уже в XX веке вопрос, вопросительные формы

рассуждения стали основанием для реформы логики, предложенной Коллингвудом, а потом и Хайдеггером¹⁰. Тем не менее в течение долгого времени практика вопрошания была жестко отделена от теории.

Основания для исключения вопросов из сферы теоретического анализа складывались из ряда позиций, среди которых можно выделить следующие. Вопрос является одной из форм мысли наряду с понятием, суждением, умозаключением. В этом смысле совершенно очевидно, что в качестве формы мысли он должен был бы рассматриваться в рамках логики. Однако, во-первых, сама традиция оформления логики в теоретическую дисциплину¹¹ была связана с анализом, в первую очередь и преимущественно, утвердительных, декларативных, а не вопросительных форм мысли. Основное свойство утвердительных форм мысли, с точки зрения классической логики, заключается в том, что они могут быть истинными или ложными. В свою очередь, вопросы в рамках классической логической традиции рассматривались в качестве такой формы мысли, которая не может характеризоваться с позиций истины и лжи как центральных логических понятий. Во-вторых, как правило, вопросы рассматривались как такие образования, которые непосредственно связаны с психологическим состоянием субъекта, как-то: его верой, желаниями, убеждениями, что он сможет получить ответ на заданный вопрос. В силу этого теоретическая наука периода классического антипсихологизма и неопозитивизма¹² избегала рассмотрения проблем вопроса как сугубо психологистических проблем.

Исключение вопросов из области рассмотрения логики приобрело характер парадигмы, зафиксированной в школьных учебниках. Можно в качестве типичной привести фразу из учебника начала XX века И.Д.Городецкого. *«Логика, — писал Городецкий, — не рассматривает вопросительных (где вы были?) предложений и предложений повелительных (дайте мне перо), так как мысли, высказанные этими предложениями, не могут считаться суждениями и не могут считаться знанием (выделено мною. — Г.С.), которое всегда состоит только из утверждений или отрицаний чего-нибудь, а не из вопросов, повелений или чего-нибудь неопределенного в этом роде»*¹³.

Изменение отношения к вопросам как объекту теоретического анализа формировалось постепенно. Например, в отечественной логико-методологической литературе конца 40-х годов появляется позиция, в соответствии с которой вопросы должны

быть предметом анализа формальной логики. Так С.А.Яновская в предисловии к русскому переводу А.Тарского «Введение в логику и методологию дедуктивных наук» писала, что *«искусство исследователя в значительной степени состоит в том, чтобы, учитывая конкретные условия обстановки, места и времени, ставить вопросы таким образом, чтобы к ним были применимы законы формальной логики и чтобы ответы на них освещали самые существенные стороны исследуемого предмета»*¹⁴.

Однако реальная теоретическая база для исследований в области вопросно-ответных процедур начала формироваться лишь в середине XX века, когда проблемами ВОП занялись одновременно крупнейшие западные логики, лингвисты, методологи. В их числе такие авторы, как Х.Хиж, Я.Хинтикка, Л.Аквист, С.Гейл, Н.Белнап, С.Бромбергер, М.Кресвелл, другие исследователи. Проблемы ВОП анализировались ими, в первую очередь, в контекстах логико-методологического характера и проблем Computer science. В этот же период начал развиваться структурный взгляд на взаимоотношение между вопросами и ответами. Однако исследования велись все в тех же контекстах, в частности в рамках построения новой, интеррогативной методологии¹⁵.

Вместе с тем сами междисциплинарные логико-лингвистические и логико-методологические исследования ВОП во многом опирались на тот факт, что все-таки существовала историко-философская и историко-логическая традиция анализа вопросов, правда, не перешедшая на самостоятельный теоретический уровень исследований. Так еще Аристотель выделял вопрос как, фактически, особую форму теоретизирования. Бэконовская методология включала в себя умение ставить вопросы и получать на них ответы. Идеи логики ВОП разрабатывались Декартом и Зигвартом, психологами последователями Зигварта — Вундтом, Эрмманом, Липпсом, другими логиками и философами. Особое место вопросам в процессе познания отводил И.Кант. Все это как раз и создало, на мой взгляд, перспективы для анализа места и роли ВОП как в процессах коммуникации, так и в аргументационной деятельности.

Остановлюсь более подробно на позиции Канта. Среди методов развития человеческих способностей Кант выделял искусство задавать вопросы и находить на них правильные ответы. *«Умение ставить разумные вопросы есть уже важный и необходимый признак ума или проницательности, — писал Кант. — Если вопрос сам по себе бессмыслен и требует бесполезных ответов, то кроме стыда*

для вопрошающего он имеет иногда еще тот недостаток, что побуждает неосмотрительного слушателя к нелепым ответам и создает смешное зрелище: один (по выражению древних) доит козла, а другой держит под ним решето»¹⁶.

Кантовские идеи о месте вопроса и ответа в структуре образования представляют собой особый интерес не только как идеи великого мыслителя, но и как обобщение практики работы педагога, который в течение семи лет работал домашним учителем, а затем сорок один год преподавал в университете. Количество лекционных курсов и предметов, прочитанных Кантом, не может не поражать любого современного педагога. За годы работы в университете Кант прочитал 268 лекционных курсов по 13 предметам¹⁷. Педагогическая практика как раз и включает в себя, наряду с прочим, две взаимосвязанные сферы деятельности: аргументационную и коммуникативную. Вместе с тем Канта-педагога невозможно отделить от Канта-мыслителя: педагогическая практика постоянно, на мой взгляд, проявлялась в теоретической деятельности, и наоборот.

В работах Канта, как я полагаю, можно выделить два типа вопросов: глобальные, метафизические и учебные, образовательные. Это разделение существенно, и отношение Канта к этим двум типам вопросов разное. Первые из них должны быть строго ограничены и регламентированы, вторые, базируясь на первых, уже не имеют ограничений и определяются уровнем педагога, его задачами и возможностями ученика. Ограничение бесконечных метафизических вопросов, по Канту, должно подготовить почву *для формирования культуры разума*. А уже на этой подготовленной базе возможно, как считал Кант, заниматься воспитанием разума по-сократовски. На мой взгляд, здесь Кант фактически говорит о формировании аргументационных способностей человека, которые, в свою очередь, как это представляется мне, «прививают вкус» к демократической культуре. Ведь диалогический способ обучения не только развивает аргументационные способности обеих сторон образовательного процесса, но и в полной мере демонстрирует смелость и демократичность преподавателя, не боящегося провала, риска поражения, который присущ любой аргументационной деятельности¹⁸.

С точки зрения Канта, сократовским методом можно как доказывать незнание собеседника-оппонента, так и отклонять его возражения. Кант считал, что именно этим методом он построил свою «Критику чистого разума»¹⁹. Этот же метод, с его точки зрения

ния, лежит в основе творческой системы образования. Если последовательно проследить мысль Канта, сравнив ее с движением историко-философского процесса, то окажется, что становление философии, например, в лице кантовской философии и становление личности происходит на базе одних и тех же методов ВОП. Непосредственно кантовское отношение к месту ВОП в образовательном процессе можно проследить на примере анализа его «Метафизики нравов в двух частях». Именно в этой работе Кант подчеркивает значение диалогического, сократовского способа получения образования и становления мыслителя²⁰.

Система образования является наиболее ярким и общезначимым примером, демонстрирующим коммуникативные функции ВОП. При этом, говоря о системе образования, я имею в виду не только традиционные значения понятия «система образования» как одного из важнейших общественных и государственных институтов, но и те значения понятия «система образования», которые включают в себя смыслы, связанные с обыденным уровнем, уровнем передачи знаний в областях, условно говоря, самых простых форм труда и так далее. На каждом из этих уровней может проявиться творческое мышление, которое, в частности, фиксируется в системах ВОП.

Сократовско-кантовская линия в отношении к проблемам воспитания разума сохраняется в текстах М.Хайдеггера, Х.Г.Гадамера, Э.Фромма. Тексты этих мыслителей посвящены анализу различных проблем, однако в контексте ВОП ими предлагаются аналогичные варианты решения проблем понимания и объяснения, творчества и образования. В конечном счете для всех них ВОП оказывается структурой, имеющей как онтологический, бытийный, так и гносеологический характер. Наконец, для всех них ВОП является необходимой структурой подлинно интеллектуальной деятельности, которая, в частности, предполагает различные формы аргументационного процесса.

Так вся хайдеггеровская система аргументации определенным образом встраивается в процедуру вопрошания²¹. В его философии целостная теория ВОП фактически может быть представлена следующим образом. *«Всякий вопрос по делу, — как пишет Хайдеггер, — уже мостик к ответу. Ответ по существу — всегда просто последний шаг спрашивания (выделено мною. — Г.С.). А он остается неисполнимым без длинного ряда первых и последующих шагов. Ответ по существу черпает свою подъемную силу из настойчивости спрашивания. Ответ по существу есть лишь начало ответ-*

ственности. В ней просыпается более изначальное спрашивание. По этому подлинный вопрос найденным ответом и не снимается»²². Для Хайдеггера вся «логика» «расплывается в водовороте более изначального вопрошания»²³. Как раз эта «изначальность вопрошания» и диктует, по Хайдеггеру, свои законы во всех сферах интеллектуальной деятельности.

С точки зрения Гадамера, система ВОП важна не только для понимания истории формирования философии, но и для понимания нового поворота в истории философской мысли, который связан с герменевтической философией. Сама же герменевтическая философия, на мой взгляд, по сути своей коммуникативна, именно поэтому она во многом ориентирована на систему ВОП. Гадамер подчеркивает, что «структура вопроса предполагается всяким опытом», что «активность вопрошания» всегда позволяет охарактеризовать то, как происходит дело, что «логическая форма вопроса» как бы присутствует в форме любого опыта. К числу величайших открытий сократического диалога Платона Гадамер относит тот факт, что эти диалоги показали, что «вопрос труднее ответа»²⁴. Доказать это становится возможным, по Гадамеру, в результате анализа платоновских текстов, из которых следует, что противники Сократа, стремясь перехватить у него инициативу, оказывались неспособны формулировать вопросы. «За этим комедийным мотивом Платоновских текстов, — отмечает Гадамер, — стоит критическое различие (подчеркнуто мною — Г.С.) между подлинными и неподлинными речами»²⁵. То есть подлинная речь как таковая не может, по Гадамеру, существовать без умения формулировать вопросы, которые должны представлять основные позиции текста речи.

Еще одну позицию, характеризующую отношение к ВОП фактически с учетом ее коммуникативных особенностей, можно найти у Фромма. Так, по Фромму, существует два типа студентов. Одни ориентированы на обладание. Они стремятся усвоить схему лекции, записать фразы лектора, получить ответы, которые можно выучить. Усвоение чужих ответов приводит, как считал Фромм, к тому, что такие студенты не стремятся к поиску чего-то нового, «ибо все новое ставит под сомнение ту фиксированную сумму знаний, которой они обладают», между такими студентами «и содержанием лекций так и не устанавливается никакой связи, они остаются чуждыми друг другу»²⁶. Такие студенты, добавлю, фактически выводят себя за рамки коммуникативных отношений и вопросно-ответных процедур. Для других студентов, в концепции

Фромма, *главным в их взаимоотношениях с миром является бытие*. Такие студенты ведут себя совершенно по-иному, в частности в образовательном процессе. Они не являются вместилищами для чужих ответов, на лекциях они ведут себя активно и продуктивно. Получаемая информация не становится для них пассивным балластом и лишь «фоновым знанием». *«У них рождаются новые вопросы, возникают новые идеи и перспективы. Для таких студентов слушание лекции представляет собой живой процесс»*²⁷. Творческое отношение к лекции, поиск собственных вопросов приводит к изменению самого человека, задающего вопросы. Такой человек вступает в коммуникативные отношения с текстом, формирует в себе аргументационные навыки.

Коммуникативные возможности ВОП непосредственно связаны со структурой вопроса и вопросно-ответной процедуры. В каждом вопросе представлена систематизация достигнутого уровня знания вне зависимости от того, о каком виде знания идет речь — научном, обыденном или каком-нибудь еще. Именно в вопросах реализуются особые коммуникативные цели участников дискурса. Так собственно информационная цель выглядит следующим образом: спрашивающий хочет внести изменения в свою базу знаний, получив от партнера по коммуникации недостающую информацию.

Вместе с тем порядок вопросов, особенно системно представленных, детерминирует ответы. В свою очередь, ответы представляют собой варианты завершенных высказываний. Но в любом случае ответ всегда порождается вопросом и при этом зависит от: целевых, прагматических, коммуникативных, других установок спрашивающего и отвечающего.

Взаимоотношения между вопросом и ответом внутри ВОП оказываются несимметричными по разным основаниям. Вопрос всегда задается для того, чтобы соотнести его с ответом. Это происходит даже в случае с риторическими вопросами, ответ в таком случае явным образом может не артикулироваться. Иногда же артикуляция ответа, в случае риторического вопроса, является просто необходимой, как, например, в конкретных ситуациях переговорного процесса²⁸. В том же случае, когда речь идет не о риторических вопросах, полученные ответы всегда позволяют реконструировать исходные вопросы.

Внутри системы ВОП, реальной или виртуальной, вопрос всегда связан не с ответом, а с некоторым множеством возможных вариантов ответов. Такая несимметричность вопросов и ответов по-разному формировалась и проявлялась в истории культуры.

При этом *вопрос внутри системы ВОП* всегда выполнял лидирующие функции. Например, в истории философской мысли один и тот же космогонический вопрос соотносился с разными вариантами ответов у Фалеса, Гераклита, Анаксимена, Анаксимандра и так далее. Философская мысль по своей внутренней природе аргументативна и в этом смысле демократична.

Вместе с тем в мифах, сказках в различных формах магических традиций вопросы соотносились не с возможными вариантами ответов, а с одним-единственным ответом по схеме вопрос-ответ, ставка — жизнь²⁹. В таком контексте оказывается, что вопросы в мифах и сказках демонстрируют недемократичность тех обществ, в контексте которых они возникали. Задающий вопрос, загадку был наделен властными полномочиями, либо выполняя управленческие функции внутри сообщества, например, в качестве вождя племени, главы государства (царь, король и так далее), либо являясь носителем какого-то эзотерического знания (шаман, колдун, знахарь и так далее). Более того, эти две властные позиции могли просто совпадать, что, в частности, проявляется в понятии «гех», в котором в определенном смысле соединяются позиции и царя, и жреца³⁰. Более того, вопросы мифов и сказок носили фатальный характер.

Соответственно *ответ в системе ВОП*, опять-таки исторически, носил подчиненный, зависимый характер. В тех же сказках и мифах, например, ответ рассматривался как *«некое разрешение, внезапное освобождение от оков, которые налагает на вас вопрошающий. Отсюда как результат то, что правильный ответ тотчас же лишает спрашивающего силы»*³¹. Линия такого соотношения между вопросом и ответом на «сказочном материале» четко прослеживается по работам В.Я.Проппа, который фактически, наряду с другими проблемами, исследует место ВОП в сказках.

В «Морфологии сказки» Пропп анализирует эту проблему в разделе под рубрикой «Герою предлагается трудная задача». Здесь он рассматривает общую схему анализа различных вариантов трудных задач, в число которых входят и непосредственно вопросно-ответные процедуры³². В свою очередь, в работе «Исторические корни волшебной сказки», которая вырастает на базе первой работы, Пропп разворачивает содержательный анализ задач, выделенного типа, в разделе под рубрикой «Трудные задачи».

При этом мне представляется важным подчеркнуть, что у Проппа речь идет о сказке как таковой вне зависимости от ее территориально-географической принадлежности. Об этом писал сам

Пропп, оценивая свою работу как «работу по сравнительно-историческому фольклору на основе русского материала как исходного», а не как работу исключительно по анализу русской волшебной сказки³³. Сказка, как это очень точно замечает Пропп, позволяет оценивать социальные институты прошлого. Среди социальных институтов прошлого мне бы хотелось выделить институт власти. В этом контексте, на мой взгляд, вопросно-ответные процедуры оказываются лишь частным примером, показывающим особенности функционирования системы властных отношений.

В сказках при формулировке «трудных задач», как это представляется мне, происходит формулирование возможных условий смены существующих властных отношений, точнее изменение субъектов властных отношений. Как уже фактически отмечалось, тот, кто задает «трудные задачи», является носителем (субъектом) власти. Тот же, кто решает «трудные задачи», претендует на власть в соответствии с действующими в тот период социальными нормами, в частности через брак с царствующей особой.

Носитель власти (настоящий или будущий, например царская дочь) во все времена не хотел и не хочет ни расставаться с властью, ни делиться ею. (Такое положение дел, на мой взгляд, не зависит ни от уровня, ни от объема уже имеющейся власти). В силу этого испытания нового претендента на власть, например жениха, проходят по выделенной выше схеме: вопрос-ответ — ставка жизнь. Желающих стать новым субъектом власти множество. Но все они, кроме одного самого достойного, в соответствии со сказочным сюжетом, не выдерживают испытаний. При этом, думаю, очень важно подчеркнуть, что испытывается «не физическая сила» претендента, но какая-то иная его сила. Пропп характеризует ее как магическую. На мой же взгляд, магия здесь является только инструментом решения комплекса интеллектуальных и «производственных задач» (построить дворец, мост и так далее).

Мне представляется, что и те, и другие задачи, для решения которых в этот период не было соответствующего инструментария, превращаются в магические задачи. Но в любом случае решение этих задач связано, как я думаю, с решением проблем власти. Именно в силу этого данные задачи включают в себя, на мой взгляд, момент угрозы: *«Если не сделает, срубить за провинность голову»*. Эта угроза выдает еще другую мотивировку. В задачах и угрозах сквозит не только желание иметь для царевны наилучшего жениха, но и тайная, скрытая надежда, что такого жениха вообще не будет. Слова *«пожалуй, я согласна, только выполни напе-*

*ред три задачи (Аф. 240) полны коварства. Жениха посылают на гибель»*³⁴. На мой взгляд, это происходит потому, что нахождение ответа на коварный вопрос, то есть вопрос, на который, в соответствии с исходной установкой, не может знать ответа никто, кроме носителя власти, означает фактическую смену власти или, по крайней мере, частичное делегирование власти кому-то другому и в этом смысле — ослабление существующей абсолютной власти. Таким образом, вопросно-ответная процедура как таковая исторически была «вплетена» в систему властных отношений. Властный характер вопросов проявлялся и во все последующие периоды истории. Так, например, в средневековом этикете — право задавать вопросы имели только царствующие особы и так далее.

Властные функции вопросов совершенно четко проявляются и в наше время. Приведу ряд примеров:

1) в армии как специфическом организме система ВОП функционирует таким образом, что прерогативой задавать вопросы пользуется вышестоящий начальник или командир. Это не исключает вместе с тем того, что в определенных условиях подчиненные пользуются правами, зафиксированными в уставах, задавать вопросы;

2) в правовых процедурах следователь, прокурор, адвокат, судья обладают преимущественным правом задавать вопросы подсудимому или подсудимому;

3) в социологическом опросе — социолог, интервьюер задает вопросы респонденту;

4) в СМИ — журналист реализует, условно говоря, права 4-й формы власти именно через систему соответствующих вопросов;

5) в обыденных дискурсах, например, в рамках конфликтных ситуаций преимущественно задает вопросы нападающая, атакующая сторона.

Загадки, задаваемые вопросы всегда были **важнейшими факторами социального общения**, начиная с детского возраста, условно говоря, как индивида, так и общества. Основные функции вопросов, сформировавшиеся еще на заре человеческой цивилизации, сохраняются, как я полагаю, и в современных условиях.

В таком контексте совершенно особым образом выглядит любая предвыборная кампания. Лица, претендующие на высокие посты в рамках конкретных социальных структур, включая высшие посты в государстве, на период предвыборной кампании вынуждены «подчиняться» вопросам избирателей, то есть давать ответы на соответствующие вопросы. В такой ситуации претендент,

на мой взгляд, как бы делится будущей властью с задающим вопросы. Но спрашивающий в рамках предвыборной кампании, в большинстве случаев, как бы не персонифицирован, ибо кандидат на соответствующую должность вынужден отвечать, условно говоря, электорату, а не личности. Тем не менее именно предвыборная кампания все же задает сам контекст демократических выборов, в рамках которого претендент на власть «испытывается» на прочность вопросами электората. Лишь один раз в течение нескольких последующих лет (в зависимости от закона соответствующей страны) будущее властное, должностное лицо, в соответствии, условно говоря, с правилами игры в демократические выборы, не обладает властной функцией по отношению к электорату. С точностью до наоборот — право задавать вопросы принадлежит электорату, претендент же вынужден отвечать на заданные вопросы. Выразителем этих вопросов становятся конкретные люди, например журналисты. Но электорат как таковой после окончания выборов фактически «замолкает» вплоть до следующих выборов, а у конкретных личностей практически не остается реальных шансов задать вопросы высшему должностному лицу. Конечно, есть разные формы отчетов избранных должностных лиц перед теми людьми, которые их избрали. Но только новая предвыборная кампания задает такие условия состязания за власть, когда электорат может выражать свои «властные функции» вначале через систему «трудных вопросов», а затем — путем непосредственного голосования.

В этом смысле президентская предвыборная кампания в России в марте 2000 года, когда главный претендент на должность президента России, исполняя обязанности президента, непосредственно не отвечал на вопросы электората, то есть «не делился» уже имеющейся у него в тот период властью, задает какую-то иную, по сравнению с классическими демократическими выборами, рамку выборов. С точки зрения коммуникативных особенностей демократических выборов, на уровне функционирования ВОП, оказывается, что в России прошли выборы, в которых фактически исчезли традиционные характеристики классической демократической предвыборной кампании. То есть из предвыборной кампании были исключены вопросы, претендент не «испытывался» электоратом при помощи системы вопросно-ответных процедур, электорат в определенном смысле исходно был лишен тех властных полномочий, которые ему дает классическая процедура демократических выборов.

Таким образом, оказывается, что сама система ВОП и способы ее функционирования в обществе являются показателем уровня демократичности развития общества. Такая оценка не случайна, ибо каждый исторический период развития культуры и знания может быть охарактеризован определенным набором вопросов³⁵ и, добавлю, способом их функционирования в обществе.

Подобный статус вопросно-ответных процедур в культуре, на мой взгляд, объясняется тем, что это те интеллектуальные процедуры, которые являются одним из элементов, конституирующих социальную коммуникацию как таковую. Любая форма социальной коммуникации: обыденная, политическая, идеологическая, экономическая, коммуникация в области искусства, науки и так далее в обязательном порядке включает в себя ВОП. В силу такой конституирующей роли ВОП в системах коммуникаций вопросно-ответные процедуры часто используют в различных манипулятивных техниках, которые по сути направлены на то, чтобы заменить аргументацию на манипуляцию. Поясню свою позицию следующим образом.

Одна из важнейших особенностей функционирования социальной коммуникации в нынешнем обществе связана с проблемами манипулирования общественным сознанием. Манипуляционные техники применяются, в частности, в разных формах политической борьбы, где, например, в качестве инструмента манипуляции могут использоваться социологические исследования. Встречающаяся в литературе по проблемам манипуляции иллюстрация фактов манипуляции общественным сознанием на примерах социологических опросов, на мой взгляд, не случайна. Она связана с тем, что в процессе опросов через систему вопросов можно, с одной стороны, передать необходимую информацию, с другой стороны — задать область предпочтений в выбираемых ответах. В силу несимметричности отношений между вопросами и ответами в процессе социологических исследований более существенное влияние на общественное мнение оказывают не ответы, а вопросы. Именно вопросы ведут к активизации семантических полей респондентов, делают неустойчивыми исходные установки субъектов, их предпочтения и убеждения — тем самым создают условия для манипулятивных действий и, повторяю, для выбора необходимых заказчику ответов. Вопрос всегда явным образом детерминирует ответ. Возникает, в свою очередь, вполне законная проблема. Чем определяется эта лидирующая роль вопросов, а не ответов в ВОП?

Думаю, что ответ на этот вопрос как раз и кроется, во-первых, в структурном анализе как самого вопроса, так и вопросно-ответной процедуры в целом, во-вторых — в их историко-смысловом осмыслении. То есть формы проявления взаимоотношений между вопросом и ответом в социальной коммуникации являются лишь частным случаем общих формально-структурных закономерностей, каждый раз проявляющихся в конкретных прагматических контекстах. В самой общей форме схема подобного двойного анализа может быть представлена следующим образом:

— несущей конструкцией *в структуре* любого вопроса является его явная предпосылка, благодаря которой, опять-таки, любой вопрос является своеобразной формой утверждения. Явная предпосылка вопроса представляет собой ту исходную базовую информацию, которую спрашивающий закладывает в вопрос. Например, спрашивая, почему экология является междисциплинарной областью исследования, мы одновременно утверждаем: «Экология является *(почему-то)* междисциплинарной областью исследования». При этом спрашивающему просто не хватает некоторой дополнительной информации, чтобы сделать утверждение полным. Кроме того, структурные особенности вопроса связаны с психологическими особенностями его функционирования: внешняя независимость утверждения, представленного в форме вопроса, способствует созданию различных видов коммуникативных иллюзий. Например, иллюзии равноправного обсуждения проблемы в форме различных видов вопросно-ответных процедур. Первичный общий вывод из всего сказанного может быть представлен следующим образом: вопрос всегда стремится к утверждению, а во всяком утверждении «просвечивает» исходный вопрос;

— эта же структурная особенность вопроса детерминирует и область поиска возможных вариантов ответов. При этом хотела бы заметить, что фактически структура вопроса, оказывая явное влияние на возможные варианты ответов, очерчивает семантическое поле поиска возможных вариантов ответов;

— в свою очередь, историко-смысловой анализ позволяет показать, что как в истории формирования культуры, так и на современном этапе развития цивилизации вопросы выполняли и продолжают выполнять следующие важнейшие функции: информационную, коммуникативную и властную. Именно эти функции вопросов могут быть использованы для манипулирования общественным мнением как в социологических опросах, так и в различных иных видах социальной практики.

Список функций вопросов может быть расширен. Соответственно может быть расширено описание особенностей ВОП в коммуникативной и аргументационной практике. Однако эта часть работы будет представлена уже в следующей статье.

Примечания

- 1 *Ивин А.А.* Теория аргументации. М., 2000. С. 11.
- 2 *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 241–242.
- 3 *Хабермас Ю.* Цит. соч. С. 91.
- 4 См. подробнее: *Алексеев А.П.* Аргументация. Познание. Общение. М., 1991.
- 5 См.: *Хабермас.* Цит. соч. С. 242.
- 6 См.: *Toulmin St.* The Uses of Argument. Cambridge, 1958.
- 7 См.: *Хабермас.* Цит. соч. С. 39.
- 8 Там же.
- 9 См.: Там же. С. 42.
- 10 См., подробнее: *Грифцова И.Н.* Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. М., 1998; *Сорина Г.В.* «Имей мужество пользоваться собственным умом». Диалог, вопросно-ответные процедуры в процессе обучения. М., 1992.
- 11 См. подробнее: *Сорина Г.В., Меськов В.С.* Логика в системе // Вопросы философии. 1996. № 2. С. 93–103.
- 12 *Сорина Г.В.* Логико-культурная доминанта. Очерки теории и истории психологизма и антипсихологизма в культуре. М., 1993.
- 13 *Городецкий И.Д.* Логика. Учебник для гимназии и самообразования. Энергия, 1916. С. 16.
- 14 *Яновская С.А.* Предисловие к русскому переводу // *Тарский А.* Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., 1948. С. 7.
- 15 См. подробнее: *Сорина Г.В.* Методологический статус интеррогативных теорий научного исследования // Взаимосвязь методологии и методов специальных наук. Москва-Обнинск, 1985. С. 152–153.
- 16 *Кант И.* Соч. в 6-ти т. Т. 3. М., 1964. С. 159.
- 17 См.: *Гульга А.В.* Кант. М., 1977. С. 247.
- 18 См. подробнее: *Алексеев А.П.* Аргументация. Познание. Общение. М., 1991. С. 21–22.
- 19 *Кант И.* Цит. соч. Т. 3. С. 96.
- 20 См. подробнее: *Сорина Г.В.* «Имей мужество пользоваться собственным умом». Диалог, вопросно-ответные процедуры в процессе обучения. М., 1992.
- 21 *Грифцова И.Н.* Цит. соч. С. 86–97.
- 22 См.: *Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 37.
- 23 Там же. С. 23.
- 24 *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М., 1988. С. 426–427.
- 25 Там же.
- 26 *Фромм Э.* Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990. С. 36.
- 27 Там же.
- 28 *Фишер Р., Юри У.* Путь к согласию или переговоры без поражения. М., 1990. С. 129–139.
- 29 *Хейзинга Й.* Homo Ludens. М., 1992. С. 124–138.
- 30 См.: *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 249.
- 31 *Хейзинга.* Цит. соч. С. 130.

³² См.: *Пропп В.Я.* Морфология сказки. Л., 1928. С. 68–69.

³³ См.: *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 35.

³⁴ Там же. С. 305.

³⁵ См. подробнее: *Coyen T.* What is question? // *The Monist.* 1954. Vol. 39. № 3. P. 350–364. *Langer S.K.* Philosophy in a new key: a study in the symbolism of reason, rite and art. Cambridge (Mass.), 1951.

Логическая герменевтика и философская аргументация*

Какую роль играет аргументация в философии?

Существует ли круг проблем, непосредственно связанных с аргументацией в философии?

Философская аргументация — можно ли очертить ее специфическую область, выяснить сферу ее интересов?

Такая постановка проблемы, ввиду широты выделенных аспектов, видимо, предполагает выдвижение определенных уточнений, непосредственно связанных с тем, как следует понимать специфику собственно философии. Идет ли здесь речь о философии как науке, со всеми вытекающими отсюда требованиями теоретической полноты и строгости аргументации в выводимых ею законов и положений; будет ли идти речь о философии как искусстве (философствования); наконец, можно ли в принципе предположить возможность рассматривать философию как искусство аргументации и соответственно этому обсуждать и сопоставлять различные философские системы. Пытаясь хоть как-то приблизиться к решению сформулированного круга вопросов, уточним нашу задачу, конкретизируя ее следующим образом:

Каково значение искусства аргументации для философских систем?

Прямой ответ на этот вопрос мог бы быть весьма однозначным, но бессмысленным. Между тем взгляд на него как на философско-методологическую проблему предполагает обсуждение особенностей способов аргументации, принятых в той или иной философской системе или же наиболее характерных для той или

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 09-03-00370а).

иной философской школы. Более того, мы склонны предположить, что особенности аргументации, наряду с другими объективными составляющими, позволяют отличить одну философскую систему (или школу) от другой.

Конечно, могут возразить, что искусство аргументации — это только форма мыслительной деятельности, нацеленная на обоснование утверждений, предположений, различных точек зрения и (или) гипотез. Ее логико-эпистемологический и психологический аппарат достаточно универсален, а вся довольно длительная история развития философской мысли выработала такие принципы и способы аргументации, совокупность которых позволяет строить и рассуждать о *теории аргументации*, в особенности, когда речь заходит о европейской традиции философствования в русле так называемого *европейского рационализма*.

Европейский рационализм — это современное состояние развития европейской мысли. Европейский рационализм отличается своеобразными методологическими тенденциями, принимаемыми современным научным сообществом все более сознательно. Три основных составляющих характеризуют особенность европейского рационализма — это, во-первых, *логическая упорядоченность сфер мышления, согласования понятий, упорядоченность в использовании теорем и аргументов*. Во-вторых, он ориентирован на *эмпирическое подтверждение знания*. Наконец, для него важен анализ, нацеленный на *проникновение в сущность вещей*, на поиск ценностного, интеллектуально значимого.

Рациональность созданного всей европейской культурой и историей ментального образа еще только начинает исследоваться, причем исследоваться именно как феномен европейской цивилизации. Однако главную особенность европейского менталитета можно обозначить уже сегодня — это все более уточненное восприятие человеком интеллектуальных ценностей, которые суммируют опыт групп, поколений, школ и направлений. Как следствие — тенденция к установлению «ненасильственных межличностных отношений», а также *свобода творчества*, которая, по меткому замечанию А.Гжегорчика, — «ограничивается самодисциплиной, направляемой ощущением интеллектуальных ценностей».

Перефразируя Гжегорчика и развивая его мысль дальше, можно сказать, что между свободой и творчеством лежит самодисциплина ума, а интеллектуальные ценности, организующие и направляющие интеллектуальную деятельность ученого (мыслителя, философа), формируют внутреннюю культуру мышления (включая стиль мышления, стиль поведения и даже образ жизни).

Внутренняя мыслительная деятельность, вызванная познавательными потребностями человека, может быть как созерцательной, так и конструктивной. Именно в этой, конструктивной части активного мыслительного процесса можно выделить последовательный подбор самых разных средств, совокупность которых я называю творческой конструкцией метода понимания. Конечно, творчество — это чаще всего глубоко скрытый внутренний интеллектуальный процесс, побуждаемый самыми разными факторами, и наблюдение за процессом творчества выходит за рамки всяческих осознаваемых алгоритмов действия. Однако реконструировать ход мыслей отдельного человека или ученого-исследователя или философа, а также понять доводы, которые используются ими в процессе передачи мысли или в их доказательстве, помогает целая система уже известных нам правил и условий. Первое (главное) условие понимания состоит в том, чтобы тексты (речь, язык) приобретали значение носителей некоторой информации. Поэтому уже такая единица мышления (или единица речи), как предложение (лингвистическая конструкция) — должна быть непротиворечива и наделена смыслом.

В повседневной жизни мы всегда пытаемся приписать в точности определенный атрибут какому-нибудь объекту. Наше мышление поэтому носит преимущественно дискурсивный характер; оно протекает в языке, в определенной лингвистической и концептуальной системе. Это обеспечивает понимание. Понимание становится возможным также в силу того, что используется целая система недвусмысленных понятий, соотношения между которыми хорошо зафиксированы между собой определенными условиями, например, правилами языка, грамматики. Кроме того, от понятий требуется их четкое содержательное формулирование, и *лишь те понятия, которые несут эксплицитный когнитивный характер, являются хорошим средством рациональной аргументации.*

На это важное открытие в области аргументации обратили внимание греки еще в шестом веке до н.э. Способ выражения мысли, присущий греческим философам, постепенно освободился от эмоционально-образных и описательных построений; они все больше стремились к тому, чтобы в своих понятиях выражать мысль по возможности наиболее четко, точно и однозначно, создавая новые концептуальные структуры. Именно в русле греческой философии сложилось искусство аргументации, о котором мы имеем возможность теперь рассуждать с определенной

мерой рациональности, заданной европейской философской традицией, а первым великим создателем полностью дискурсивной системы по праву считается Аристотель.

Для убедительности проиллюстрирую способ выражения мысли, присущий Аристотелю, обращаясь к его трактату «Топика». Этот трактат создавался в духовной атмосфере платоновской Академии, что нашло подтверждение как в тематике обсуждаемых вопросов, так и в приемах аргументации. Аристотель использует в нем понятия, наиболее обсуждаемые греческими философами и наиболее понятные для восприятия. И при этом выдвигает такие концептуальные структуры, внутри которых эти «простые» философские понятия соотносятся так, что их смысл не теряется даже тогда, когда понятия создают ситуацию, известную нам как «игра слов». Например, выдвигая топы для выяснения вопроса о том, какие предметы более желательны и лучше (предпочтительнее), Аристотель пишет: *«...когда две вещи очень сходны между собой и мы не в состоянии разглядеть преимущество одной перед другой, надо выяснить, что из них следует. Ибо то, из чего следует более хорошее, предпочтительнее. Нечто, сопровождаемое удовольствием, лучше, чем то же самое без удовольствия. Равным образом нечто, не сопровождаемое печалью, лучше, чем то же самое, сопровождаемое печалью. И точно так же каждая вещь предпочтительнее в то время, в какое она более значима; например, жизнь без печалей в старости предпочтительнее, чем в молодости, ибо она более значима для человека в старости...*

Другой топ: более выдающееся предпочтительнее менее выдающегося, а также более трудное, ибо нам дороже то, что достается не легко. ...Далее, если одно лучше другого, то самое лучшее в первом случае лучше самого лучшего во втором; например, если человек лучше лошади, то самый лучший человек лучше самой лучшей лошади. И наоборот, если самое лучшее в одном лучше самого лучшего в другом, то и вообще первое лучше второго; например, если самый лучший человек лучше самой лучшей лошади, то и вообще человек лучше лошади...

И то, что от избытка, лучше, а иногда предпочтительнее, чем то, что по необходимости. В самом деле, лучше жить хорошо, чем просто жить, а хорошая жизнь — от избытка, сама же жизнь — необходимость. ...В самом деле, заниматься философией лучше, чем заниматься каким-то промыслом, но не предпочтительнее для того, кто нуждается в необходимом»¹.

Итак, как видно из приведенного фрагмента «Топики», одним из важных условий правильного выражения своих мыслей, понятий или суждений является их простота, недвусмысленность, однозначность или непротиворечивость. Это требование правиль-

но выражать свои мысли имеет непосредственное отношение к искусству аргументации. Зададимся теперь вопросом более общего плана, сформулированного в начале статьи: каково значение аргументации для философских систем?

Начнем с того, что мы подразумеваем под философской системой. Если говорить о понятии «философская система», которое фигурирует обычно во всех стандартных формулировках, то термин «система» (в совершенно традиционном смысле) означает просто множество (или даже совокупность) высказываний, взятых либо у какого-то конкретного автора, либо из определенной книги. Здесь понимание термина «философская система» может быть единообразным по смыслу, поскольку оно будет выражением мнения одного человека или же одной определенной группы людей, если система представляет собой коллективный труд признанной философской школы.

Изучение и анализ основных положений такой рассматриваемой философской школы всегда позволяет убедиться в том, что даже если содержательное единство системы в силу каких-то объективных причин утрачено, то личностное единство системы обеспечивает ее реконструкцию. Другими словами, та или иная философская система отличается особенностями использования доводов и форм аргументации.

Сопоставляя философские системы или выясняя вклад того или иного мыслителя в развитие философской школы, мы чаще всего поддаемся соблазну настолько естественному для исследователей, что почти ни у кого не вызывает сомнения в том, что этот прием аргументации может быть «порочным» или некорректным. Я говорю об усилении аргументации за счет так называемой «ссылки на авторитет». Действительно, характеризуя ту или иную философскую систему, мы склонны обращаться к мнению авторитета, что само по себе может иметь самые разные мотивы, в том числе, подспудно, нехватку доводов для построения собственной (единственной в своем роде) картины. С другой стороны, эта «порочная» практика ссылки на авторитет (что само по себе не подменяет доказательства) иногда тем не менее играет определенную положительную роль в аргументации, если только чью-то оценку мы выдвигаем в качестве ценностной, интеллектуально значимой. Наконец, известны оценки, только благодаря которым сохранились имя, личный вклад и роль конкретного мыслителя. Таково, например, высказывание Аристотеля о Сократе: «*Сократ, — пишет Аристотель, — исследовал нравственные добродетели и первый*

пытался дать их общие определения... Сократ с полным основанием искал суть вещи, так как он стремился делать умозаключения, а начало для умозаключения — это суть вещи: ведь тогда еще не было диалектического искусства... И в самом деле, две вещи можно по справедливости приписывать Сократу — доказательства через наведение и общие определения: и то и другое касается начала знания»².

По этим и многим другим дошедшим до нас упоминаниям, оценкам и описаниям жизни Сократа реконструируется и интерпретируется система его философских взглядов. Используемый в данном конкретном случае Аристотелем прием аргументации — оценка философской школы — это не просто «ссылка на авторитет» или обращение к авторитету в подкрепление значения собственного открытия, но максимально емкое описание полученных Сократом результатов в их сопоставлении с результатами, полученными самим Аристотелем. В тексте легко различимо и то, и другое. Более того, ссылаясь на авторитет Сократа, Аристотель как бы приближает его к себе как интеллектуально значимого, подчеркивая те положения (понятия), которые имели решающее значение для его собственной философской системы. Как можно заметить, такие слова и словосочетания, как: «*общие определения*», «*стремился делать умозаключения*», «*доказательства*», «*начала знания*», являются для Аристотеля концептуально значимыми понятиями. В дальнейшем, обращаясь к философскому наследию Аристотеля, можно выяснить, какова роль доказательства (силлогизма) в учении, развиваемом Аристотелем. Его центральным вопросом является вопрос о том, как строится дедуктивное рассуждение (силлогизм). К слову заметим, что Лейбниц, давая оценку открытию силлогистической формы доказательства, писал: «...в ней содержится искусство непогрешимости, если уметь правильно пользоваться ею»³.

Усиливая тезис Лейбница, можно сказать, что в идеале в искусстве аргументации должно стремиться к тому, чтобы достичь уровня «непогрешимости». Но это в идеале. Реально же уметь правильно пользоваться аргументами можно (и нужно) научиться.

Итак, рассматривая философскую систему с точки зрения содержащегося в ней материала, пытаясь постичь и понять эту систему, вынести о ней суждение, мы так или иначе занимаемся ее интерпретацией. Но в отличие от литературного произведения философская система, как правило, претендует на истину. Однако процедура интерпретации не сводится лишь к тому, чтобы вынести суждение об истинном значении интерпретируемых выс-

казываний, поскольку это будет критика, а не интерпретация. Поэтому правила интерпретации литературных текстов и правила интерпретации «философских систем» должны как-то отличаться. В этом последнем случае в центре внимания интерпретатора должна быть логическая структура рассматриваемой философской системы, а сама процедура интерпретации — логическая интерпретация, которая ответит на вопрос о том, что представляет собой рассматриваемая философская система, истинна ли она. Конечно, на этом пути встречается много трудностей, которые часто обусловлены спорными или слабо аргументированными доказательствами, содержащимися в данной системе, или, проще говоря, она может содержать провалы в аргументации.

Общепринятая точка зрения гласит, что провалы в аргументации известных философских систем, как правило, заключаются либо в *словесной двусмысленности*, либо в *энтимемических рассуждениях* (рассуждениях, в которых пропущены некоторые посылки)⁴. Выяснение природы этого феномена, несомненно, имело бы методологическое значение для философии, позволив устранить подобные дефекты в будущих построениях, при создании новых философских систем.

Однако при традиционном понимании философских систем как множества высказываний неумолимо возникающий вопрос связан с проблемой понимания. Действительно, все эти высказывания представляют собой некоторый текст, который определенным образом организован. Этот текст содержит в себе и в нем внутренне зафиксирована (явно или скрыто) философская аргументация, которую использует автор философской системы. А поскольку подобного рода тексты возникают и существуют лишь в рамках некоторой теории, то и понимание возникает только тогда, когда эта теория изложена (или позволяет себя реконструировать) связно и логически корректно. Иными словами, читатель (слушатель) или интерпретатор текста должен иметь ключ к аргументации автора изучаемой им философской системы. Ключ этот должен быть всегда под рукой читателя, служить основой его (читателя, исследователя) интерпретации (хотя бы потенциально). И здесь на помощь может прийти *логическая герменевтика*.

Согласно определению Б.Вольневича, логическая герменевтика представляет собой множество правил и критериев, управляющих логической интерпретацией философских систем⁵. Вольневич противопоставляет логическую герменевтику интуитивной герменевтике, понимая под последней простое угадывание того,

что автор имел в виду и пытался передать читателю. Конечно, подобное «угадывание», основанное на интуиции истолкователя, не может носить совершенно произвольный характер. Оно опирается, с одной стороны, на достижения предшественников, а с другой стороны, оно сопровождается более или менее подробным знанием личности самого автора либо его культурного фона.

В отличие от так называемой интуитивной герменевтики логическая герменевтика имеет свою конкретную цель. Направленность логической герменевтики состоит в выявлении логической структуры философской системы, представленной конкретным текстом, например таким, в котором изложены основные положения данной рассматриваемой философской системы. При этом, повторяю, речь не идет о вынесении суждения об истинности значений интерпретируемых высказываний, содержащихся в философской системе, т.к. это будет уже не интерпретация, а критика.

Конечно, сама по себе критика допустима и даже была бы крайне желательна, ибо знание истинности высказывания подразумевает правильное понимание его смысла, а следовательно, обеспечивает правильное истолкование. Однако на самом деле, на практике, подобная критика становится возможной лишь на основе уже полученной логической интерпретации и то только после того, как выявлена логическая структура рассматриваемой философской системы.

Процедура интерпретации, а по сути — сама интерпретация — может пониматься достаточно просто: интерпретируя данный текст, мы вырабатываем новый текст, в котором *смысл* предыдущего текста *делается более ясным* и при этом *остаётся неизменным*. Если в качестве «первого текста» понимается изложение философской системы, то в случае применения предлагаемой нами логической герменевтики «второй текст» должен представлять собой некую элементарную теорию, имеющую дело с тем же самым предметом (т.е. подразумевающую ту же самую область сущностей), что и первоначально рассматриваемая (исходная) философская система.

Помимо этого мы должны составить словарь перевода, включающий в себя также правила перевода и описывающий то, как мы сопоставляем высказываниям философской системы формулы языка теории. К слову заметим, что перевод высказываний в формулы теории уже позволяет в определенной степени элиминировать двусмысленность исходного текста. Множество правил перевода дается в форме фразеологического словаря, когда каж-

дому слову или фразе, появляющемуся в высказываниях философской системы, сопоставляется отдельное слово или фраза в языке теории (фразой теории является любое сложное выражение, которое само не является высказыванием).

Допуская гипотетическую возможность идеальной интерпретации, необходимо все же пояснить, в чем конкретно должна состоять такого рода интерпретация. Итак, *идеальная интерпретация системы предполагает, что философская система совершенно аксиоматизирована*, т.е. представляет собой систему, в которой все, за исключением самих аксиом, семантически определено и дедуктивно полно. В скобках заметим, что число аксиом при этом желательно свести к одной-единственной. Именно в этом случае применение логической техники позволяет оценить «пригодность» теории и «совершенство» словаря — такова, в частности, позиция Б.Вольневича.

Оставляя в стороне проблему существования идеальной логической интерпретации философских систем, повернем ход наших мыслей в иное русло и зададимся вопросом: только ли словесная (или фразеологическая) двусмысленность и энтимемические рассуждения являются пороками аргументации философских систем?

Сохраняя за собой право быть «возмутителем спокойствия» — а такова, по крайней мере, роль философа, восходящая еще к Сократу, дерзну привести цитату, которая первоначально не только покоробит, но, возможно, даже вызовет негодование читателя. И все же рискну в связи с обсуждаемыми здесь проблемами сослаться на мнение одного из крупнейших логиков двадцатого столетия Я.Лукасевича: *«Когда с мерой строгости, созданной при помощи математиков мы подходим к великим философским системам Платона или Аристотеля, Декарта и Спинозы, Канта или Гегеля, то эти системы распадаются в наших руках, как карточные домики. Их основные понятия туманны, главнейшие утверждения непонятны, рассуждения и доказательства нестроги; логические же теории, лежащие так часто в глубине этих систем, почти все ложны»⁶*.

Усиливая это убеждение Лукасевича, добавлю: хуже того, аргументация многих философских систем страдает противоречивостью (одна из причин нестрогости, о которой говорит Лукасевич), а это последнее обстоятельство гораздо более опасно с логической точки зрения, поскольку способно привести к невозможности не тривиальной логической интерпретации.

В логике существует древний принцип: *«ex contradictione quodlibet»* («из противоречия следует все что угодно»), который означает, что из истинности утверждения и его отрицания можно

вывести любое утверждение (даже самое бессмысленное, например: если $2+2=4$ и $2+2\neq 4$, то Луна состоит из зеленого сыра). Современные логики называют подобную ситуацию взрывом, поскольку она способна породить бесконечное количество утверждений. Со своей стороны, это порождение бесконечного количества утверждений приводит к *тривиальности* полученного результата, поскольку порождаются все мыслимые утверждения, и все они будут истинными. В связи с этим встает вопрос: что же остается на долю ложных утверждений? Ответ: их просто не будет, и поэтому смысл имеет любое сочетание знаков.

Таким образом, если философская система содержит противоречивые высказывания, и если наш словарь логической интерпретации не позволяет устранять противоречия при переводе на язык теории (а это устранение должно происходить еще на логическом уровне), то для подобных систем логическая интерпретация будет автоматически приводить к тривиальной теории. Необходим словарь, позволяющий каким-то образом переводить противоречивые высказывания в непротиворечивые. Возможный выход из сложившейся ситуации подсказывает конец приведенной цитаты из Лукасевича: *«Философию необходимо ... подкрепить ... новой логикой»* (там же).

Заметим, однако, что хотя противоречивость аргументации философских систем представляется несомненным их недостатком, тем не менее, как пишут Г.Прист и Р.Раутли, *«противоречивые, но предположительно нетривиальные теории в изобилии представлены в интеллектуальных усилиях [человечества]. Несомненно, что значительная часть интеллектуальной истории состоит из подобных теорий. Это, в частности, относится к нашему философскому наследию»*⁷.

По мнению этих авторов, достаточно правдоподобно выглядят следующие, абсурдные с классической точки зрения, утверждения:

1. Все достаточно сложные и интересные философии будут противоречивыми.

2. Большинство (если не все) главные философские позиции в истории философии являются противоречивыми.

3. Никто из философов не преуспел в избежании противоречий фундаментального рода, возникающих при достижении сложных целей в процессе выработки достаточно всесторонних точек зрения.

4. Некоторые главные нетривиальные философские точки зрения противоречивы⁸.

Образцом противоречивой нетривиальной философской теории может служить, например, теория идей Платона, проявляющая свою противоречивость в изложении проблемы самопредсказания (См.: Платон. *Парменид*, 132). К слову заметим, что все современные попытки устранить противоречие в этой теории потерпели неудачу.

Одним из наиболее очевидных примеров (и источников) противоречивости, которые можно обнаружить во многих философских теориях — от исторически далеко отстоящих друг от друга и вплоть до самых современных, является *самоопровержение*. В отношении философских построений, где обнаруживается та или иная форма самоопровержения, можно утверждать, что здесь противоречивость часто проявляет себя посредством следующего способа аргументации:

согласно теории *T*

(а) все философские (метафизические и т.д.) теории представляют собой теории некоторого рода. Но

(б) *T* сама является философской (метафизической и т.д.) теорией, и

(в) *T* не является теорией подобного рода.

Современные примеры подобного типа аргументации мы находим в логическом позитивизме, который, провозглашая, что все метафизические теории бессмысленны, сам может рассматриваться как метафизическая теория.

Другой аналогичный, но уже более древний случай представляет собой, например, *учение о пустоте* мадхьямиков, приводившее приверженцев этого образа мысли к утверждению, что все теории и логические утверждения — пусты, на что их оппоненты отвечали, что тогда пуста и аргументация мадхьямиков.

Точно так же поздний Витгенштейн утверждал, что все философские теории ошибочны или их даже вообще не существует.

Самоопровержение как определенный прием аргументации можно обнаружить, реконструируя и (или) интерпретируя древние тексты, изречения или даже пророчества, относящиеся к эпохам и культурам, далеко отстоящим от нашего времени. Отвлекаясь от тех приемов и правил интерпретации, которые выработаны герменевтикой как искусством интерпретации и (а также) теорией понимания⁹, попробуем понять смысл знаменитого изречения, которое принадлежит Протагору. Это изречение интересно также своим приемом аргументации. Протагор использует самооп-

ровержение, утверждая, что *«человек есть мера всем вещам — существованию существующих и несуществованию несуществующих»*¹⁰. Чтобы подтвердить свой тезис, Протагору надо было что-нибудь утверждать. Однако в других своих высказываниях он провозглашал идею, что никто никого ничему не может научить. Следовательно, любое утверждение, согласно Протагору, теряло смысл¹¹. Это одна точка видения. Между тем, как известно, труды Протагора не сохранились — за свой образ мысли о богах он подвергся преследованию, бежал из Афин, а сочинения его были публично сожжены. Однако мы можем реконструировать его философские взгляды по высказываниям о нем Диогена Лаэртского, Секста Эмпирика, Платона и Аристотеля.

Противоречия знания или противоречия мнения иногда возникают как следствия самоопровергающегося тезиса. Но это имеет место не всегда. Например, согласно некоторым источникам, китайскому философу Лао Цзы приписывают точку зрения, в соответствии с которой *разумно знать законы (природы) и неразумно знать что-нибудь вообще*¹².

У Дж.Локка также можно обнаружить противоречия: *«Идея, например, — пишет Локк, — есть что угодно, лежащее перед разумом, и однако мы не можем иметь перед нашим разумом способность идеи представлять то, что не является идеей»*¹³.

Крайне своеобразным и интересным образом относится к противоречиям, содержащимся в философских системах, Д.Юм. Он предстает тем редким мыслителем, который ясно видит недостатки и промахи собственной аргументации и признает, что его собственные философские построения не лишены противоречивости. Противоречия не только составляют содержательную сторону его философской системы, но наличие таковых деликатно предполагается автором как одна из сторон, внутренне присущая человеку, свойственная человеческому мышлению. Так, в «Трактате о человеческой природе» Юм признает, что он *«питал некоторую надежду на то, что, как бы ни была недостаточна наша теория интеллектуального мира, она окажется свободной от противоречий и абсурдов, неотделимых, по-видимому, от всякого объяснения, которое человеческий разум может дать миру материальному. Но после более тщательного просмотра главы, касающейся личного тождества, я вижу себя запутавшимся в таком лабиринте, что, должен признаться, не знаю ни как исправить свои прежние мнения, ни как согласовать их друг с другом. Если это и нельзя считать достаточным общим основанием скептицизма, то по крайней мере я лично могу признать его достаточным для того, чтобы быть нерешительным и скромным во всех своих заключениях»*¹⁴.

Наличие противоречий внутри собственных философских построений не только признается автором, но осознается им именно как недостаток или даже порок аргументации — противоречия его удручают и он охотно удалил бы их, если бы знал как.

Применяя к оценке рассматриваемой позиции Юма современные нам понятия, можно допустить, что все же его отношение к противоречиям философских систем носит явно выраженный неклассический характер. В классических (логических) рамках философская система Юма должна была бы, так сказать, «тривиализироваться», хотя, конечно, это и не повод для утверждения скептицизма, о котором пишет Юм. С другой стороны, если отбросить все те же требования классических рамок, то можно утверждать, что противоречия сами по себе не являются достаточным основанием или причиной скептицизма. Ибо если противоречивые утверждения (как и любые утверждения) ограничены в своих последствиях и если они не приводят к чему угодно, то они могут не приводить также и к скептическим заключениям, таким, например, как: «мы не знаем этого...» или «мы думали, что нам известно...». В общем случае скептические утверждения влекут дальнейшие допущения, чего не делают изолированные противоречивые послышки.

Противоречивость, присущая тем или иным философским системам, тем не менее не является уделом лишь некоторых философов семнадцатого и восемнадцатого столетий, подобных Юму (или Локку). Присутствие противоречивости при желании можно обнаружить также и в таких уже довольно рационалистских построениях, каковыми являются, например, философские построения Б.Спинозы.

Рассмотрим наиболее интересные с точки зрения рассматриваемых нами проблем положения (и аргументы) «Этики» Спинозы. Мы попробуем проанализировать на предмет наличия противоречий только ту часть его концепции, которая касается рассуждений о Боге и о любви и наиболее ярко отражает понимание этих трудных вопросов. Здесь стоит обратить внимание не только на наличие явно противоречащих друг другу утверждений, но также на то, как Спиноза выходит из ситуации — он придает своим высказываниям этический смысл. Причем такой, который доступен простому человеческому пониманию.

Итак, согласно Спинозе, *любовь есть удовольствие*, сопровождаемое идеей внешней причины. (Это определение.) *Бог любит самого себя бесконечной познавательной любовью*¹⁵, откуда (по оп-

ределению *любовь есть удовольствие...*) следует, что у Бога *есть эмоции*, и Бог *подвержен эмоции удовольствия*. С другой стороны, рассуждает Спиноза, *Бог свободен от страстей*, и *Он не подвержен эмоции удовольствия* от боли. Отсюда делается вывод, что Бог — уже совершенное существо, но даже это совершенное Существо испытывает как *возрастание*, так и (что гораздо хуже) *уменьшение* совершенства.

Как можно заметить, само по себе наличие противоречий в утверждениях Спинозы не является недостатком его теории. Напротив, противоречащие друг другу утверждения используются Спинозой преднамеренно; они служат для усиления идеи приближенности Бога к состояниям, свойственным непосредственно человеку (и наоборот), а значит, необходимы ему для всех последующих концептуальных построений «Этики».

Сложнее обстоит дело с обсуждением философских доводов Р.Декарта. Его самого так часто подвергали обвинениям в противоречивости, что, как это ни парадоксально звучит, но по вопросу противоречивости доводов и аргументов Декарта продолжает накапливаться все большее число спорных и противоречивых точек зрения. Например, по мнению Г.Приста и Р.Раутли, среди многих важных поводов считать Декарта противоречивым можно выделить следующие нетривиальные положения:¹⁶

— *ясность и отчетливость в восприятии должны обеспечиваться чем-то вне их самих*, например, Богом; но *ясные и отчетливые восприятия* не нуждаются в подобном обеспечении, поскольку они сами являются *самодостаточными в силу своей ясности и отчетливости*;

— *можно доверять своим чувствам и нельзя доверять своим чувствам*, как это показывает декартовская аргументация по поводу скептицизма.

Декарт использует доводы для непринятия очевидности чувств в качестве основания для истинных утверждений. Но его аргументация требует обращения к очевидности чувств, а также к допущению того, например, что он иногда был введен в заблуждение своими чувствами. Поэтому-то Декарт здесь не сталкивает противоречия друг с другом для того, чтобы прийти к какому-то новому выводу, нет, он использует *«сомнение» как особый мыслительный прием*, скрытый за внутренним содержанием всей совокупности его философских доводов. Собственно говоря, сомнение как прием философствования нигде прямо не формулируется; сомнение стоит здесь не только за конкретным «текстом», но и вне его «текста» вообще.

Декартовское сомнение предполагает дать чему-то определенному — в данном конкретном примере — чувствам — определенный смысл (доверять своим чувствам) лишь посредством признания результата их очевидности — очевидности, которую он сам же и отвергает. Как видим, Декарт и признает, и отрицает очевидность чувств. В этом смысле его аргументация и несовершенна, и противоречива.

Наконец, теория психофизического параллелизма (проблема тела и души) также приводит к трудностям и противоречиям. Достаточно рассмотреть природу отношения, связывающего ментальные и физические феномены. Оно должно быть включено либо в сферу материального, либо в сферу ментального, однако с точки зрения своих носителей оно не может принадлежать ни к одной, ни к другой области. То же самое происходит и в случае проблемы намеренно рационального и сознательного поведения. С одной стороны, эти вещи могут быть различимы от своих противоположностей, а с другой стороны — это сделать невозможно.

Рассмотренные примеры приводят к выводу, что достаточно большое количество (если не большинство) философских учений содержат противоречия. Можно продолжить это рассмотрение примеров, переходя к хронологически более поздним философам, находя противоречия у Лейбница, Канта, Милля и т.д. Заметим, что многие исследователи при обнаружении противоречий в философских теориях сразу же приступают к различного рода попыткам устранения этих противоречий. Не вступая в полемику по вопросу о законности и удачности подобной стратегии, оговоримся сразу, что нашей задачей на данный момент является не проблема противоречивости или непротиворечивости философских теорий, но проблема неклассической противоречивой философской аргументации, проблема выяснения ее возможностей и перспектив.

Как же работать с теориями, содержащими противоречия? Взрывающаяся теория тривиальна, поскольку к взрыву приводят свойства отношения нашей выводимости. Оно взрывается при наличии противоречия. Но если мы не хотим иметь дело со взрывающейся теорией, то не обязательно устранять противоречие — достаточно изменить свойства нашего отношения выводимости. Но это в свою очередь приводит к так называемой *паранепротиворечивости*, когда и утверждение, и его отрицание может быть истинным, но из этого не следует все что угодно, а лишь, например, утверждения некоторого сорта (образца). Если полученные подобным образом утверждения образуют некоторую теорию, то мы говорим, что наша *нетривиальная теория паранепротиворечива*.

Итак, существуют теории, в которых некоторая формула и ее отрицание являются теоремами этой теории, в то время как некоторая другая формула не будет теоремой. Иначе говоря, существуют противоречивые, но нетривиальные теории. Их-то и называем паранепротиворечивыми теориями.

Конечно, возможна и другая ситуация, когда и некоторая формула, и ее отрицание не являются теоремами этой теории (т.е. ложны). Про теории подобного рода говорим, что они «параполны».

Наконец, возможна иная ситуация, когда наша теория и паранепротиворечива, и параполна. Это случай так называемой паранормальной теории.

Каковы же условия построения подобных паранепротиворечивых теорий? Оказывается, их много. И в большинстве случаев они основываются на использовании неклассических логических систем с так называемым «невзрывным» выводом. Подобных систем в настоящее время создано уже достаточно, чтобы возникла проблема выбора такой паранепротиворечивой системы, которая могла бы быть пригодной для целей логической герменевтики.

Если следовать мнению Д.Фоллесдаля, то *герменевтика* вообще как метод является в точности *гипотетико-дедуктивным методом*, который используется для истолкования какого-то, допустим, философского значимого материала¹⁷. Стремясь истолковать что-либо все еще непонятое, мы сначала пытаемся сформулировать гипотезы, которые находятся в согласии с нашими представлениями и данными опыта. Эти гипотезы призваны прояснить то, что именно мы пытаемся понять, облегчая наше понимание. Истолкование подобно конструктивным теориям, поскольку в обоих случаях мы выдвигаем гипотезы о чем-то, что остается еще непонятым, намереваясь привести его в соответствие, в согласие с понятным и известным. На этом этапе перехода от непонятого к понятному встает вопрос: должна ли быть обязательно непротиворечивой вся совокупность гипотез, принимаемых нами в процессе истолкования.

На пути подхода к решению данной проблемы стоит подчеркнуть, что одна из первых паранепротиворечивых логических систем — система дискурсивной логики Станислава Яськовского — возникла как раз из отказа от подобного требования¹⁸.

Дискуссионные теории Станислава Яськовского, о которых заведомо нельзя сказать, что они включают тезисы, выражающие гипотезы, согласующиеся друг с другом. По мнению Яськовского, даже совокупности надписей, не имеющих никакого интуи-

тивного значения вообще, можно превратить в дедуктивную систему. Но даже отвлекаясь от такого крайнего, но теоретически допустимого и вполне возможного случая, следует иметь в виду, что профессиональные логики привыкли рассматривать лишь такие дедуктивные системы, которые являются символическими интерпретациями непротиворечивых теорий. Однако, если мы хотим включить в дискурс тезисы, выдвигаемые несколькими участниками дискуссии, и более того, если объединить их в единую систему, то следует быть реалистами и учесть, что скорее всего подобные тезисы не будут теоремами теории, сформулированной в едином символическом языке, свободном от терминов, чье значение неопределенно или как-то отличается от общепринятых. Для того, чтобы постичь природу утверждений в такой системе, лучше всего было бы предварить каждый тезис оговоркой: «*для некоторого допустимого значения используемого утверждения*». Соответственно интуитивный смысл тезиса *A* следует истолковывать как «*возможно, что A*».

Главный эпистемологический результат такой постановки проблемы заключается в том, что логика подобного дискурса истолкования оказывается дискурсивной логикой Яськовского, в которой вместо «*если..., то...*» мы имеем исключительно «*если возможно, что..., то...*» или «*если это понимается как (установлено)... то...*» (дискурсивная импликация), а вместо «*...и ...*» имеем «*возможно, что... и ...*» или «*это понимается как (установлено)... и ...*» (дискурсивная конъюнкция). Как следствие, принцип «из противоречия следует все что угодно» проваливается. Следовательно, даже если существуют противоречия в нашей предструктурной системе утверждений, передающей наше предпонимание, то это не приводит к произвольности наших дальнейших рассуждений. Истолкование, подразумевающее возникновение у нас понимания, в этом случае, возможно, будет не противоречивым, но паранепротиворечивым истолкованием.

Особенность истолкования при этом состоит в том, что многие умозаключения привычного вида оказываются не имеющими силы. Например, умозаключения типа «*если мы истолковываем это положение как A, то если мы истолковываем другое положение как B, то мы истолковываем все вместе как A и B*» не имеют силы и ошибочны в дискурсивной логике¹⁹. Отсюда следует, что в паранепротиворечивом дискурсе истолкования гипотетические положения не накапливаются механически, что само по себе способно повлиять на стратегию истолкования.

Возвращаясь теперь к концепции логической герменевтики, предложенной Б.Вольневичем, мы должны прийти к выводу, что проблема противоречивости **логической интерпретации** философской теории в значительной степени теряет свою остроту, если интерпретировать философские теории как элементарные теории, основанные на дискуссивной логике С.Яськовского.

Во-первых, в рамках подобной логической герменевтики противоречивые философские теории не будут интерпретироваться как тривиальные теории, то есть эти теории не будут иметь своими следствиями «все, что угодно».

Во-вторых, вся техника логической герменевтики, описанная Б.Вольневичем, сохраняется с соответствующими модификациями, вызванными особенностями логики С.Яськовского.

Наконец, в-третьих, ситуация с философскими системами, описанная Лукасевичем, перестает быть угрожающей. Иначе говоря, *нестрогость аргументации в подобных теориях может быть следствием их неклассического характера.*

Платой за подобную концепцию логической герменевтики служит отказ от аподиктического характера логической интерпретации и ее несколько критический характер. Теперь каждое высказывание будет интерпретироваться как гипотеза и предваряться оговоркой о его «возможности», в то время как импликация двух высказываний будет пониматься как гипотетическая, *дискуссивная*, отражающая некоторую точку зрения, принимаемую в данном случае истолкователем. К списку же возможных «провалов аргументации» философской теории, которые позволяет преодолеть логическая интерпретация, помимо *словесной двусмысленности* и *энтимемических рассуждений* добавляется еще и *противоречивость*.

Примечания

- ¹ *Аристотель*. Сочинения. Т. 2. С. 397–400.
- ² *Аристотель*. Метафизика. XIII 4, 1078 b 17–30.
- ³ *Лейбниц В.Г.* Новые опыты о человеческом разуме. 1936. С. 423.
- ⁴ См.: *Wolniewicz B.* Logic and Metaphysics. Studies in Wittgenstein's Ontology of Facts. Warszawa, 1999. P. 255.
- ⁵ Там же. P. 255.
- ⁶ *Лукаевич Я.* О детерминизме // *Философия и логика Львовско-Варшавской школы*. М., 1999. С. 181.
- ⁷ *Priest G., Routley R.* The Philosophical Significance and Inevitability of Paraconsistency // *Paraconsistent Logic. Essays on the Inconsistent*. Priest G., Routley R., Norman J. (eds.). München, 1989. P. 485.
- ⁸ Там же. P. 485–486.
- ⁹ *Шульга Е.Н.* Научное открытие: герменевтический подход // *Грани научного творчества*. М., 1999. С. 174–208.
- ¹⁰ *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 375.
- ¹¹ См.: *Passmore J.* Philosophical Reasoning. L., 1961. P. 64–70.
- ¹² См.: *Bose A.* History of Anarchism. Calcutta, 1967. P. 15.
- ¹³ Цит. по: *Priest G., Routley R.* The Philosophical Significance and Inevitability of Paraconsistency // *Paraconsistent Logic. Essays on the Inconsistent*. G.Priest, R.Routley, J.Norman (eds.). München, 1989. P. 490.
- ¹⁴ *Юм Д.* Соч. Т. 1. М., С. 396.
- ¹⁵ *Спиноза Б.* Этика, Теорема 35 // *Избр. произведения*. М., 1957. С. 611.
- ¹⁶ *Priest G., Routley R.* The Philosophical Significance and Inevitability of Paraconsistency // *Paraconsistent Logic. Essays on the Inconsistent*. G.Priest, R.Routley, J.Norman (eds.). München, 1989. P. 492.
- ¹⁷ *Follesdal D.* Understanding and Rationality // *Meaning and Understanding*, eds. H.Parret and J.Bouveresse. Berlin-N.Y., 1981. P. 154–168.
- ¹⁸ *Jaekowski S.* Propositional Calculus for Contradictory Deductive Systems // *Studia Logica*, XXIV (1969), P. 143–157.
- ¹⁹ См.: *Da Costa N.C.A. and Doria F.* On Jaekowski's Discussive Logic // *Studia Logica*. Vol. 54. № 1. 1995. P. 47.

Аргументация, абстракция и логика обоснования (заметки на полях)

Одна из важнейших проблем — это проблема обоснования нашего знания. Для меня она интереснее всех остальных.

А.С.Есенин-Вольпин
Свободный философский трактат

1. К понятию «обоснование»

Потребность в обосновании — важнейшая потребность научного мышления, которое, по словам Гегеля, знает лишь основания и выведенное из оснований. В устах этого философа выделительный оборот звучит, правда, иронией. Им намеренно подчеркивается известная ограниченность научного (по кантовскому определению «рассудочного») мышления. А между тем проблема обоснования родилась прежде всего как философская проблема. От этой проблемы, — начиная с античности, — ведет свое происхождение все множество философских гипотез и сопровождающих их философских аргументов об основах бытия и познания. Лишь много позднее пришла отдельная методология науки с ее требованием логических средств, дающих право на доказательство.

С тех пор обоснование и доказательство становятся главными составляющими аргументации — обоснование обязательной, а доказательство желательной. Нередко их даже не различают, объявляя доказательством систему рассуждений, родственных доказательству, но с более широким и более интуитивно значимым классом (набором) аргументов, законность которых является вопросом степени. Это особенно заметно в гуманитарной области знания с ее расплывчатым (объемно неопределенным) понятием доказательства. Но обоснование необходимо при любой значимой аргументации. А доказательство только достаточное (но не необходимое) условие этого акта мышления. Аргументация может быть более или менее сильна, но *«она никогда не является замкнутой: всегда можно добиться ее усиления, подбирая подходящие аргументы»*¹. Как утверждают интуиционисты, обоснование возможно *«до тех пределов, до которых ведет интуиция»*².

Иначе говоря, обоснование может быть (и обычно бывает) слабее доказательства. Все, что требуется от обоснования — это убедительность, а убедительность никогда не бывает абсолютной. Известный кризис оснований математики неразрешим не в силу недостатка аргументов, а именно в силу относительности и конвенциональности возможных здесь обоснований. Субъективный момент выбора аргументов при этом остается неустранимым.

Уже Платон отмечает разницу между понятиями «убеждать» с помощью разумного (скажем сегодня — логически верного) довода, обращенного к рассудку, и понятием «внушать» с помощью доводов, обращенных к сердцу, к чувству, к интуиции. У Декарта дедукция мыслится как вторичный момент познания, который предваряется рациональной интуицией, обеспечивающей обоснование начал (посылок дедукции). Позднее эту тему развивал и Блез Паскаль, полагая, что убеждать можно только посредством интуитивно очевидного.

В действительности имеется немало проблем, для разрешения которых недостаточно ни эксперимента, ни вычислений, ни самой логики. Не случайно Паскаль утверждал «резоны сердца», отличные от «резонов разума», оставляя на долю сердца — и *ultima ratio*, и все *последние* основания для доказательств, из которых разум должен исходить в своих логических рассуждениях.

Аристотель не идет так далеко в поисках интуитивных аргументов для пользы доказательств. Но оставаясь всецело в пределах «резонов разума», он делает различие между «техническими» и «нетехническими» средствами убеждения. К последним он относит свидетельские показания (в суде), признания, сделанные под пыткой, письменные договоры и пр. Техническими Аристотель называет такие способы убеждения, которые созданы наукой с помощью определенного метода или же такие, которые связаны исключительно с нашей речевой практикой, с дискурсом. Эти технические способы убеждения заключаются, по словам Аристотеля, в действительном или же кажущемся доказывании. Аристотеля можно назвать, пожалуй, первым представителем антипсихологизма в логике. Он настойчивей, чем другие философы его времени, склонялся к тому, чтобы элиминировать психологические аргументы как средства аргументации, полагая, что правильный способ убеждения совпадает с логическим доказательством, и предлагая аргументировать так, чтобы всё находящееся вне области доказательства было излишним.

Вводя в тему аргументации и обоснования психологическое измерение, естественно заключить, что обоснование как «интеллектуальная задача» — это оборотная сторона открытия, когда отчетливо осознается, что «принять» еще не означает «понять», причем понять так, чтобы стало очевидным «существо дела». Сначала чувствует сердце, а уж потом доказывает разум, как говорит Паскаль. К примеру, систему вещественных чисел принимали и до попытки арифметизации анализа, руководствуясь интуицией и не требуя формальных доказательств. И только диссонанс между «принять» и «понять» математическую идею непрерывности (континуума), особенно подчеркнутый логическими пробелами в наивных концепциях вещественного числа, породил потребность в логическом обосновании на базе интуитивно ясных арифметических представлений. Правда, это было только прелюдией к более общей интеллектуальной задаче, которая вначале переросла в задачу теоретико-множественного обоснования анализа, а с открытием парадоксов, когда вновь зазвучал диссонанс между «принять» и «понять» и речь пошла уже о самой теоретико-множественной концепции, приобрела чисто методологическую значимость — реформировать теорию множеств на приемлемой аксиоматической основе, избавляющей от парадоксов (позиция математического формализма) или, напротив, вовсе отказаться от этой теории в пользу эффективных методов мышления (интуиционизм и конструктивизм). Все это равным образом имело целью путем анализа и новых принципов обоснование логики и математики. Именно здесь и вступают в силу методологические (философские) установки, которые существенны особенно тогда, когда общая задача обоснования определилась и вопрос только в форме этого обоснования.

С позиции философской обоснование — это некий результат размышлений над сущностью чего-либо. При этом, когда мы намереваемся оправдать какое-либо мнение, развить (изложить) точку зрения, выработать решение или сделать выбор и т.п., наш разум начинает активно искать необходимые аргументы. Элементы убеждения, которые мы при этом используем, включаются в процесс более или менее интуитивный, выработанный привычкой. Но этот процесс можно анализировать под углом зрения его организации, связи между элементами мысли, которые создаются в целях формирования наиболее убедительных доводов.

Обычно мы требуем логической очевидности от наших рассуждений, хотя иногда стремимся убеждать, исходя из аргументов, применяемых без видимой тактики или стратегии или какой-

либо ясно обозначенной логики. Однако в любом случае обоснование — это приведение (разыскание) достаточных оснований для чего-либо: бытия, познания, мысли, деятельности и пр. В этом смысле обоснованием равно являются и указание причины, и индукция из факта, и логический вывод. Например, достаточным основанием для суждения «Солнце греет» служит непосредственный опыт независимо от какой-либо физической теории, хотя, конечно, оно может быть обосновано и теоретическим рассуждением, использующим физические данные (законы) и логику.

Вообще, необходимо различать эмпирические аргументы обоснования и теоретические. Смешение аргументов чревато потерей строгости в рассуждении или в теории. К примеру, в евклидовой геометрии утверждения о равенстве фигур (отрезков, треугольников и пр.) обосновывались ссылкой на опытный факт их наложения (совмещения при наложении). Но при этом свойства равенства утверждались аксиоматически. Ясно, что это немедленно порождало вопрос (хотя и не поставленный самим Евклидом) о согласовании евклидовой теории и опыта; вопрос, который так мучил не только философскую, но и математическую мысль. И Лобачевский, и Риман полагали, что со временем ответ на этот вопрос будет найден и при этом повлечет существенные изменения в экспериментальных и теоретических основах ньютоновской механики.

Согласно Герману Вейлю, если в качестве оснований берутся аргументы внелогические, например чувственные восприятия или эмпирические наглядные представления, то обоснование будет **абсолютным** в том смысле, что *«независимо от того, насколько туманным оно может быть, в этой туманности есть нечто, данное именно так, а не иначе»*³. Но в то же время в другом смысле такое обоснование будет и **относительным**, поскольку оценка, основанная на чувственном опыте, равносильна некоторому суждению восприятия, некоторой субъективной точке зрения на то, что нечто дано нам именно так, а не иначе. *«Лишь только нам изменяет наше восприятие, как нам изменяет также наше представление или интуиция. Только постепенно, после долгого размышления, мы можем расширить способность представления»*⁴. А в таком случае *«каждый может найти подтверждение для своей субъективной точки зрения, как бы она ни отличалась от других»*⁵.

Из сравнения этих двух ситуаций естественно возникает мысль о **глубине обоснования и аргументации**. В сфере дедукции последними по глубине основаниями являются постулаты и **логи-**

ка теории. В сфере опыта — эксперимент и *логика опыта*. Хотя логика теории и логика опыта служат одной цели познания, тем не менее это различные логики, лишь в некотором смысле согласованные между собой. Есть определенные основания считать, что именно в силу особой логики опыта теория, описывающая этот опыт, независима от него. Никакой эксперимент не может фальсифицировать утверждения, основанные на *чистой логике* теории. Он может лишь обозначить интервал применяемых при этом абстракций. Ведь не зря же, применяя абстракции, мы нередко отказываемся от критерия практической (интуитивной) очевидности и доверяемся только логике теории. Если же мы отказываемся от интуиции вовсе, то логика теории становится *абсолютным критерием* обоснования, даже если полученные с ее помощью результаты противоречат возможностям опытной проверки (пример: теорема Банаха — Тарского). И все же мы теперь понимаем, что выбор теоретических законов сам нуждается в обосновании, которое может и не принадлежать чистой логике.

Ниже (в полном согласии с подзаголовком этой статьи) я предлагаю краткие заметки к обсуждению тех вопросов, которые безусловно входят в поле аргументирующей мысли, образуют область ее монопольного права, но в составе учебного материала по теории аргументации обычно отсутствуют.

2. Аргумент от непротиворечивости

Это один из самых древних видов аргументации. Давид Гильберт не был первым, кто указал на особую роль аргумента от непротиворечивости в вопросах обоснования. В европейскую науку его ввели, по-видимому, элеаты. Во всяком случае, по свидетельству Филопона, отстаивая модель умпостигаемой реальности, именно Парменид и его сторонники ставили во главу угла непротиворечивость теории. Им же принадлежит и первый «штриховой портрет» аргументирующего рассуждения, использующего дедуктивные свойства противоречия. Я имею в виду «уличающие аргументы» Зенона Элейского, его апории, основанные на этом способе логической аргументации. Правда, логическая форма зеноновских аргументов {а именно: $((A \supset \neg A) \supset \neg A)$ } была эксплицирована много позднее в школе Платона. Еще позднее Аристотель не только явно сформулировал *закон противоречия*, но (по свидетельству Александра Афродизийского) дал симметричную

зеноновской формулировку косвенного аргумента, которым воспользовался Евклид {«Начала», кн. IX, теорема 12: $((\neg A \supset A) \supset A)$ } и который получил впоследствии (в позднем средневековье) название «тонкое следование» (*consequentia mirabilis*).

Современное развитие темы противоречия привело к разделению косвенной аргументации на различные степени косвенности и к размежеванию логики на классическую, допускающую свободное использование всех форм аргументации от противоречащего случая, и интуиционистскую (конструктивную), допускающую, вообще говоря, только одну ее форму — доказательство отрицательных суждений через построение, приводящее к противоречию гипотезы об истинности положительной посылки рассуждения.

Выше я упомянул об абсолютном характере логического обоснования. Но, вообще говоря, обоснование посредством логической дедукции *относительно* по меньшей мере вот в каком смысле: это обоснование одного суждения с помощью другого (или других) в границах замкнутой дедуктивной системы. Абсолютность выражается здесь только в приведении имплицативного отношения основания и следствия (посылки и заключения) к форме логического закона. Исключая посылки (гипотезы), мы *релятивизируем* факт аргументации. Введение закона противоречия в такую теорию, расширяя возможность обоснования «внутри нее» посредством опровержений, все же сохраняет *status quo*. Поэтому возникает проблема обоснования и оправдания самой теории. На смену проблемы «непротиворечия в выводах» приходит проблема непротиворечивости теории в целом в качестве критерия ее практической значимости, поскольку непротиворечивость абстрактной теории влечет возможность ее модельной выполнимости (теорема Левенгейма — Скулема), то есть создает условия для изучения модели (если такая будет указана) средствами логики этой теории. Одновременно в силу наличия модели непротиворечивость означает также логическую возможность считать такую теорию осмысленной.

Однако непротиворечивость теории, указывая на возможность модели для этой теории, одновременно указывает и на границы применимости ее основных абстракций, поскольку для большинства дедуктивных теорий с достаточно простым понятием выводимости их непротиворечивость влечет их неполноту, то есть указывает на факт существования суждений, формализуемых в языке данной теории, но недоказуемых в ней. Об этом говорит первая теорема Геделя. Почти все теоретически значимые де-

дуктивные теории (с известной оговоркой за исключением чистой логики) отличаются их неполнотой. В этом заключен *интервальный смысл* всякой достаточно богатой содержательной теории. Ведь совместная реализация непротиворечивости и полноты была бы свидетельством абсолютной самообоснованности их основных абстракций. На деле же непротиворечивость таких теорий может быть обоснована только средствами, которые не являются собственными средствами этих теорий — не формализуемы (не выразимы) в них. Об этом говорит вторая теорема Геделя.

3. Непротиворечивость и интервальность

Как бы ни было велико его значение, факт непротиворечивости не следует рассматривать как априорное условие научной ценности теории. Научную ценность могут представлять и противоречивые, но нетривиальные теории. Если в числе теорем (аксиом) теории отсутствует *ex falso sequitur quodlibet*, то противоречивость не обесценивает ни понятие теоремы теории, ни понятие доказательства в ней. В этом случае наличие противоречия становится всего лишь *посторонней посылкой*⁶, которая не влияет на законные выводы этой теории. Поэтому тот, для кого программа изучения доказательств противоречивых теорий может представлять научный или философский интерес, не исключает из общей теории дедуктивных систем и изучение противоречивых систем, мотивируя это тем, что такое изучение может содействовать изучению общих дедуктивных свойств непротиворечивости теорий или нахождению новых методов доказательства непротиворечивости.

Наиболее глубокая трактовка связывает вопрос о непротиворечивости с вопросом о допустимых способах рассуждений, а не только с принципиальной недопустимостью противоречий. Способов рассуждений, допустимых, так сказать, абсолютно, не существует. Обычно их допустимость определяется характером «логики вещей», о которых рассуждают (или хотят рассуждать). Чтобы судить о наличии противоречия, необходимо располагать средствами получения противоречий и более того — знанием о *достижимости противоречия* этими средствами. К примеру, непредикативные определения сам Рассел рассматривал как средства получения антиномий, а парадокс Рассела — как свидетельство достижимости антиномий этими средствами. Вопрос о допусти-

мости непредикативных определений долгое время был предметом острых дискуссий между Расселом, Цермело и Пеано, с одной стороны, и Пуанкаре — с другой.

Как известно, «критерий основания» Протагора связывал допустимость с мнением человека, однако не уточнял основания для этого мнения. Уже Платон на это заметил, что основание не должно быть произвольным или заключаться в субъективной воле человека, иначе придется признать законность противоречий. Эта мысль Платона была развита в аристотелевском логическом принципе противоречия и, — уже в современной логике (школой Гильберта), — в методологическом требовании доказательства «абсолютной непротиворечивости» математических теорий. Но вполне уместная в области «истин разума» идея непротиворечивости не всегда оправдана в области «фактических истин». Перенесенная из области логики, где непротиворечивость обосновывалась запасом теоретико-множественных средств, в другие области знания, основанные на других абстракциях, она породила особый «стиль мышления», игнорирующий диалектику *интервальных ситуаций*, в которых критерий Протагора, понятый, однако, более широко, как относительность истины к условиям и средствам ее познания, оказывается весьма существенным. Именно поэтому многие рассуждения, приводящие к парадоксам, но в остальном безупречные, по существу только демонстрируют интервальный характер связанных с ними гносеологических ситуаций. Таковы, в частности, известные апории Зенона Элейского или так называемый софизм «куча»: «Одно зерно — не куча. Если n зерен не куча, то $n + 1$ — тоже не куча. Следовательно, любое число зерен — не куча». Это лишь один из *парадоксов транзитивности*, возникающих в ситуациях *неразличимости* (или интервального равенства). Последняя служит типичным примером интервальной ситуации, в которой свойство транзитивности равенства при переходе от одного *интервала неразличимости* к другому, вообще говоря, не сохраняется. Поэтому принцип математической индукции в этой ситуации неприменим. Стремление усматривать в такого рода ситуациях свойственное опыту «нетерпимое противоречие» (А.Пуанкаре), которое теоретическая мысль преодолевает в абстрактном понятии математического континуума, не обосновано общим доказательством устранимости подобного рода ситуаций в сфере теоретического (в частности, математического) мышления и опыта. Достаточно сказать, что практика применения столь важных в этой сфере *законов тождества* так же, вообще говоря,

как и в сфере опыта, зависит от того, какой смысл вкладывают в выражение «один и тот же объект», какими средствами или критериями при этом пользуются. К примеру, далеко не всегда нам удастся *абстракцию неразличимости* заменить *абстракцией отождествления*. А только в этом случае и можно рассчитывать на «преодоление» противоречий типа парадокса транзитивности.

4. Непротиворечивость в ультраинтуиционизме

В связи с темой непротиворечивости и отождествлений нельзя обойти молчанием *ультраинтуиционистскую* программу обоснования математики⁷, тем более, что она является российским приоритетом.

Появлению этой программы предшествовали, и на мой взгляд способствовали, следующие важные обстоятельства:

1). Статья А.Н.Колмогорова «О принципе *tertium non datur*» (1925), в которой, проанализировав классическую аксиоматику Гильберта с точки зрения интуиционистских требований к интуитивной ясности суждений, Колмогоров выразил сомнение в интуитивной ясности принципа *ex falso sequitur quodlibet* и отказался от этого принципа в своей минимальной логике.

2). Сомнения Н.Н.Лузина в однозначности натурального ряда, высказанные им в письме к К.Куратовскому⁸.

3). Явное указание А.А.Марковым на роль абстракции отождествления (помимо абстракции потенциальной осуществимости) в конструктивном понимании математических суждений (1951).

4). Принятое в школе Гильберта априорное понимание тождества объектов формальной теории, независимое от того, идет ли речь о фактически осуществимых (построенных) объектах или о тех объектах, осуществимость (построение) которых лишь предполагается (считается) возможным на основе классических (традиционных) абстракций теории и независимо от тех предположений об отождествлениях и отождествимости, которыми фактически руководствуются при изучении формальных теорий.

Конечно, в принципе не так уж важно, действительно ли повлияли перечисленные выше обстоятельства на формирование ультраинтуиционистской концепции. Важно, что сама эта концепция привела к изменению классического взгляда на непротиворечивость. Она сделала существенным моментом каждого проводимого доказательства операцию отождествления объектов, вхо-

дящих в это доказательство, предложив по существу новую семантику для формул, в которой смысл каждой формулы связывается с ее входением в доказательство.

Согласно ультраинтуиционизму, осмысленность формулы $(A \ \& \ \neg A)$, выражающей противоречие, предполагает (неявно) отождествление A в обоих входениях. При этом не исключаются ситуации, когда суждение A *должно быть* отождествлено в обоих входениях в эту формулу по принципам тождества, принятым в этой теории, но оно не *может быть* отождествлено согласно *всем* требованиям рассматриваемой теории. Аналогичный пример дает применение *ex falso*, то есть формулы $\neg A \supset (A \supset B)$, которое предполагает, что отождествление A в обоих входениях выполнено. При этом возможны ситуации, когда формулы A и $\neg A$ обе доказаны (получены), но это не влечет доказуемости произвольной формулы, поскольку правила всей теории не допускают отождествления A в обоих входениях в формулу *ex falso*, хотя и допускают возможность такого отождествления в других случаях.

Следовательно, с точки зрения ультраинтуиционистских представлений, тот факт, что в теории имеются обе формулы, как A , так и $\neg A$, еще не означает, что в ней может быть доказана (или уже доказана) формула $(A \ \& \ \neg A)$ ⁹. В этом случае по вполне понятным основаниям теория не считается противоречивой. И такие ситуации, когда противоречивая формула недостижима, действительно предусматриваются в некоторых вариантах ультраинтуиционистских теорий. Ситуация подобного рода характеризуется в ультраинтуиционизме как «кажущееся противоречие». Считать кажущиеся противоречия нарушением непротиворечивости или нет — это, с точки зрения автора названной концепции, вопрос соглашения. Но, по-видимому, было бы опрометчиво его решать непременно отрицательно, отвергая теории с кажущимися противоречиями на том основании, на каком отвергаются обычно противоречивые теории в традиционной логике и математике¹⁰.

В контексте сказанного я обращаю особое внимание на роль операции отождествления в ультраинтуиционистской концепции. Многими из нас марковская *абстракция отождествления* воспринимается как едва ли не эмпирическая операция, применимая к конструктивным объектам различных видов¹¹. Между тем это отнюдь не самостоятельная абстракция; это способ образования абстрактных объектов в рамках абстракции потенциальной осуществимости, то есть далеко идущая операция, предполагающая в

определенном смысле трансцендентную реальность. Отождествить два объекта в наличной реальности (в наличном опыте) сравнительно легко. Но кто поручится за возможность отождествления в трансцендентной реальности? Этот вопрос в равной мере относится как к неопределенно длинным (фактически неосуществимым) доказательствам той или иной математической теории, так и к тождеству объектов в моделях этих теорий.

Ультраинтуиционистская критика указывает на это обстоятельство, замечая при этом, что если тождество двух объектов (например, двух слов в алфавите), данных воочию, является эмпирическим фактом и не вызывает сомнений, то тождество объектов (формул), участвующих в бесконечном процессе (например, в случае применения в доказательстве бесконечной индукции), является по существу гипотезой и вовсе не очевидно.

Таким образом, полный анализ доказательства требует явно-го указания на возможность отождествления (или различения) объектов, участвующих в доказательстве. При этом не может быть вопроса об отождествлении объектов пока они не представлены в наглядных шагах доказательства. И это столь же очевидно, как очевидна невозможность постройки дома, если отсутствует необходимый строительный материал.

И еще одно, не менее важное обстоятельство стоит отметить. Конструктивная абстракция отождествления служит способом построения абстрактных понятий. Это ее содержательный гносеологический аспект. Но у этой абстракции есть и формальный аспект, который, собственно, и оправдывает ее применение. Этот формальный аспект выражается в трех свойствах (аксиомах) равенства — рефлексивности, транзитивности и симметрии. Этот формальный аспект (известный со времен Евклида) роднит абстракцию отождествления с классическим (расселовским) *принципом абстракции*.

Замечательно, что ультраинтуиционистская критика не выставляет этих формальных свойств тождества в качестве обязательных свойств при отождествлениях. Ни транзитивность, ни симметрия, вообще говоря, не предполагаются, хотя потребность в соответствующем анализе не исключается. В частности, когда транзитивность тождества нарушается при попытках отождествления A в его вхождениях в формулу $A \ \& \ \neg A$, можно обоснованно говорить, что смысл A различный в обоих вхождениях.

Не моя задача выяснять, как это сказывается на ультраинтуиционистской теории доказательств. Для меня важна лишь очевидная в ней тенденция, с одной стороны, — к ослаблению общих

логических условий, налагаемых на отождествление объектов, а с другой, — к более жесткому требованию фактических условий на их отождествление. Думается, что при соответствующих разъяснениях ультраинтуиционистская программа вполне совместима с теми установками на практику отождествлений, которые сложились в рамках интервального анализа¹².

В частности, когда речь идет об отождествлениях объектов в тех или иных вхождениях в доказательство, абстракцию отождествления, которая, вообще говоря, в этом случае не исключается, все же естественно отделять от *абстракции неразличимости*. Последняя абстракция принята в рамках интервального анализа с целью уточнения понятий о *тождестве* и *различии* в ситуациях, когда отсутствует априорная информация об *индивидуации* объектов универсума (предметной области), а процессы их отождествления или различения определяются конечной информацией об их наблюдаемых состояниях. Обычно это означает зависимость суждений о тождестве и различии от информационных условий познания, в частности — от разрешающей способности актов восприятия, свойственных наблюдателю или какой-либо иной информационной системе. При этом, принимая во внимание неизбежную «энтропию опыта», тождество по неразличимости является естественным обобщением классической идеи о тождестве неразличимых (принципа тождества неразличимых) на эмпирические условия познания или, по крайней мере, на *субъективированные* акты отождествлений, чем и оправдывается необходимость введения специального термина «абстракция неразличимости»¹³.

С интервальной позиции претензии на (конструктивную) математику как дисциплину в конечном счете опытную (или теорию *ad hominem* в позитивном значении этого аргумента), стоящую на экспериментальном фундаменте, выглядят в этом смысле неубедительно. К примеру, эмпирический фактор наблюдаемости (соответственно эмпирический смысл процессов сравнения (измерения) и их результатов) в конструктивной математике принимается лишь формально, поскольку вовсе не учитываются особенности «пороговых свойств» этого фактора. Поэтому если конструктивную позицию еще можно как-то согласовать с абстракциями, принятыми в классической физике, то ее согласование с абстракциями, необходимыми, скажем, в квантовой физике, весьма проблематично¹⁴.

5. Непротиворечивость и «собственный универсум» логики

Теперь, в связи с проблемой непротиворечивости и практикой отождествлений, я хочу сделать несколько замечаний к понятию «предметная область» (или «универсум рассуждения») ¹⁵, поскольку эта тема является одной из важнейших в логике и логической семантике. Существуют различные концепции предметной области, различные точки зрения на это понятие, а их общая идеология тесно связана с техникой логического анализа. Но я затрону здесь лишь один вопрос, которого я однажды касался, но касался мимоходом, в связи с обсуждением проблемы тождества ¹⁶.

Прошло время, когда логика считалась наукой «обо всем», по крайней мере в том смысле, что это наука о законах мышления, а законы мышления непременно должны соблюдаться (быть значимы), о чем бы ни шла речь. Тяжба формальной логики и диалектики в данном случае несущественна, поскольку идеологией обеих был панлогизм. Естественно, что универсум речи чистой логики при этом представлялся любым, оставаясь *«полностью неопределенным, совершенно неограниченным или открытым»* ¹⁷.

С появлением математической логики такому подходу способствовал расселовский логицизм. Исключением единичных объектов (в пользу индивидуальных дескрипций) онтология по существу была элиминирована из логической теории. В ее логицистском варианте логика поглощала и математику, сводя ее к системе формальных импликаций, *«верных вообще во всех «возможных мирах», и потому ничего не говорящих нам о мире, в котором мы живем и действуем»* ¹⁸.

Точнее было бы сказать, что логицизм был не против онтологии самой по себе. Он ратовал лишь за невмешательство логики в онтологический статус в связи с его неопределенностью и туманностью. Логицизм жертвовал онтологией в пользу лингвистического анализа как вещи более надежной и более соответствующей точному характеру логической науки.

Понятно однако, что с потерей онтологии терялась проблема истинности в ее содержательном понимании, характерном, к примеру, для естествознания. Что это значило для логики легко понять, если согласиться с мнением Фреге, считавшего познание законов истинности основной проблемой логики. Вернуть эту проблему для логики на ранних этапах ее развития помог интуиционизм, для которого постановка этой проблемы необходимо

связана с существованием внешнего мира. Правда, определение истинности варьирует согласно философской точке зрения, но оно неизменно предполагает некоторую концепцию реальности; и здесь, замечает А.Гейтинг, мы приходим к тому, что логика для ее истолкования нуждается в онтологии¹⁹.

Похоже, что сегодня мы избавлены от прошлых «неопределенностей роста». Общие вопросы онтологии перешли в ведомство философской логики и, следовательно, остались предметом для философских дискуссий. А что касается универсума речи (или предметной области), то он, сделавшись неотъемлемой частью теории моделей, приобрел вполне определенные черты. Теперь он занимает почетное место в (предикатной) сигнатуре той или иной модели (реальности), о которой идет речь, и в этом смысле (характером заданных предикатов и аксиом) вполне избавлен от неопределенности, на которую указывал Шрёдер, даже если на природу универсума не накладывается никаких конструктивных ограничений.

Тем не менее существенно, что универсумы моделей, о которых идет речь в теории моделей и которые служат для определения истинности формул логического языка, сами-то, вообще говоря, лежат вне чистой логики. Это именно та внешняя реальность, которая подразумевалась в приведенном выше замечании Гейтинга. При этом естественно возникает вопрос: а есть ли у чистой логики «собственный универсум»? Является ли эта логика сама по себе онтологической теорией или же это чисто гносеологический (неонтологический) феномен?

Говоря о «чистой логике», я имею в виду элементарную логику (то есть чистую первопорядковую логику предикатов с равенством) не только потому, что она лежит в основе изучения всех основных математических теорий, которые формализуются в языках первой ступени, но прежде всего потому, что с непротиворечивостью именно узкого исчисления предикатов естественно связывается понятие о собственном универсуме.

Если иметь в виду понятие об универсуме (о предметной области) вообще, то необходимость в его точной характеристике возникает в связи с необходимостью введения понятия модели при семантической интерпретации первопорядкового языка. А до этого момента считается вполне достаточным (чтобы оправдать dictum de omni) постулат о непустоте универсума речи, который в этом случае мыслится совершенно неопределенным. Как замечает Дж.Шенфилд, это, в сущности, только соглашение, оно является чисто «техническим соглашением», которое «не исключает ни одного интересного случая»²⁰.

Вопрос об «интересных случаях» — это вопрос особый. Возможно, что логика с пустым универсумом тоже случай интересный²¹. И случай с одноэлементным универсумом для меня тоже случай интересный. Его-то я и собираюсь обсудить ниже.

Для начала замечу, что, ограничиваясь чистой логикой, мы должны признать очевидный факт — реальная онтология вносится в процедуру интерпретации извне, а не является частью самого первопорядкового языка, у которого по существу нет «внутренней семантики». Если же мы хотим иметь нетривиальную онтологию самой логики как проекцию логического языка, мы должны расширить язык таким образом, чтобы он содержал индивидуальные символы и индивидуальные предикаты, определяющие и различающие элементы универсума, то есть характеризующие самый этот универсум. Когда это делается, вместо чистой логики мы получаем прикладную.

Все проблемы философской онтологии и логической семантики, включая логические парадоксы и так называемые проблемы «существования» и «онтологической относительности», ставятся и решаются в прикладной логике. Это очень важное обстоятельство, о чем я еще скажу ниже.

Казалось бы, что и проблему непротиворечивости чистой первопорядковой логики тоже стоит отнести сюда, то есть поставить непротиворечивость в зависимость от числа и характера индивидов универсума. Мы знаем, однако, что проблема непротиворечивости чистой логики первого порядка решается, так сказать, на пропозициональном уровне.

Впрочем, как отмечают знаменитые авторы, значение этого доказательства непротиворечивости не следует переоценивать, поскольку оно *«содержательно сводится к допущению, что положенная в основу область индивидов состоит только из одного-единственного элемента»*²². А это означает, что редукция к семантическому варианту все же имеет место и здесь, и вопрос только в том, насколько общим можно считать такое доказательство.

Чтобы ответить на этот вопрос, как и на те, что были поставлены выше, полезно вспомнить способ рассуждения, который применил А.Эйнштейн, привлекая на помощь двух наблюдателей: одного в вагоне поезда, другого — рядом с полотном железной дороги²³. Тогда мы поймем, что как не существует траектории самой по себе, так равным образом не существует и универсума самого по себе, если мы хотим говорить об универсуме, создаваемом языком теории.

Все известные мне до сих пор разговоры о логической онтологии — это разговоры с позиции наблюдателя у полотна железной дороги, с позиции «извне». Я же предлагаю встать на позицию того, кто находится в вагоне поезда, на позицию «внутри». Применительно к нашему случаю такой наблюдатель располагает только тавтологиями логического языка. Эти формулы чистой логики сами по себе ничего не говорят о числе (а следовательно, и о различии) объектов универсума, они *безразличны* к какому-либо разнообразию. Но если их использовать как дискриминирующие признаки в актах отождествления (например, согласно обычному определению тождества), то при условии непустоты «на входе» они в любом случае дадут *одноэлементный* универсум «на выходе». Именно этот универсум, возникающий как результат абстракции отождествления по тавтологическим признакам, я и называю *собственным универсумом* чистой логики.

О том, что я не сегодня пришел к понятию о собственном универсуме чистой логики, говорит следующий текст: «...если условие *A* — тавтология, то в подразумеваемой предметной области все предметы тождественны в интервале *A*. Иначе говоря, тавтологии не могут служить критерием различимости объектов, они как бы проектируют универсум в точку, производя абстракцию отождествления элементов множества любой мощности, «превращая» разные элементы в «один и тот же» абстрактный объект»²⁴.

Хотя такая трактовка онтологического статуса чистой элементарной логики не совпадает с общепринятой, согласно которой «из общих логических аксиом ничего не вытекает относительно того, какие предметы и сколько их существует в том поле..., к которому относятся наши высказывания и предикаты»²⁵, я считаю, что понятие о собственном универсуме чистой элементарной логики полезно и сродни тем, что всегда появляются, когда необходимо завершить обобщение уже существующих понятий. Так мы говорим, что бесконечно большая величина x_n имеет пределом $+\infty$, хотя на самом деле она не имеет никакого предела. Но $+\infty$ не пустое понятие. У него, как равным образом и у понятия отрицательной бесконечности, есть ясный конечный геометрический образ на окружности фон Неймана. В результате введения этих двух «несобственных» символов реализуется «догма об окружности» — «крайности сходятся» и создается наглядный образ замкнутости (совершенства) множества вещественных чисел. Известно, что по понятиям древних окружность — самая совершенная фигура. И не случайно, ведь она имеет известную связь с теоремой Пифагора — основной теоремой евклидовой геометрии.

Конечно, тавтологии не пригодны в качестве «приборов анализаторов» предметных областей. Но они вполне могут служить в качестве «приборов преобразователей» предметных областей любой природы²⁶. И они это делают, ipso facto избавляя нас от противоречий в результате их применения. Вот почему непротиворечивость чистого исчисления предикатов, установленную на одноэлементной области, я считаю достаточной и *установленной абсолютно*. В качестве следствия я полагаю, что чистая логика не несет и не может нести ответственность за противоречия (парадоксы), возникающие при расширении ее лексики. При любом таком расширении мы видим гораздо больше, чем собственный универсум логики, поскольку используем для отождествлений и различий уже индивидуальные предикаты. Следовательно, мы находимся в условиях другого интервала абстракции отождествления, чем тот, который дают тавтологии.

Потому-то, кстати, и нельзя построить контрпример для тавтологии. Приступая к построению (поиску) контрпримера, мы становимся на позицию наблюдателя у полотна железной дороги, мы предполагаем заведомое существование источника, из которого в ходе оценки формул мы черпаем необходимые нам определенные и вполне различимые элементы. Мы испытываем формулу, чтобы выяснить, способна ли она различать предметы. И если обнаруживаем, что нет, то объявляем ее тавтологией.

Действительно, пусть формула A выполнима, но не является тавтологией. Тогда $\neg A$ тоже выполнима и выполнима как раз в универсуме контрпримера для A . Следовательно, выполнимость $\neg A$ эквивалентна высказыванию о минимальном числе «различимых» индивидов, необходимых для построения контрпримера для A . Отсюда получаем чисто гносеологическое следствие: суждение, которое дает информацию о различимости объектов, не может быть ни тождественной истиной, ни тождественной ложью.

Вместе с тем ясно, почему теоремы чистой логики обычно выводят из-под юрисдикции общего правила, согласно которому постулирование общезначимости (выполнимости) какой-либо логической формулы равносильно утверждению о числе элементов в универсуме речи. Если бы доказуемые формулы чистой логики были общезначимы лишь в собственном универсуме, чистая логика потеряла бы всякий теоретический интерес. То, что тавтологии могут добавляться в любую теорию в качестве общезначимых формул, не порождая противоречий, объясняется именно их

неспособностью различать индивидуальные объекты теорий. В одноэлементном мире, как это я уже заметил однажды, отношения тождества и различия сами неразличимы²⁷.

Конечно, если некоторую формулу A добавить просто как выполнимую, не постулируя ее общезначимость, то возможно, что «внутри» теории найдутся условия (при различных основаниях для отождествлений) для выполнимости как A , так и $\neg A$. Однако этот факт следует рассматривать не как противоречие, а только как *дополнительность* ситуаций, соответствующих этим формулам внутри данной теории. Это наглядно иллюстрируется примером формулы $\forall x \forall y (x = y)$, общезначимой только в одноэлементной области. Ее отрицание, напротив, k -общезначимо для $k \geq 2$. Но обе формулы могут иметь смысл, когда индивиды используются как абстрактные представители классов абстракции.

Вообще, если формула только k -общезначима, ее добавление в качестве $(n + k)$ -общезначимой к теоремам теории с областью $(n + k)$ индивидов при $n \geq 1$ чревато противоречием. Но добавление этой же формулы в тех же условиях в качестве только выполнимой (что логически вполне оправдано) отвечает ситуации дополнителности, то есть соответствует одновременной фактической истинности как A , так $\neg A$ в разных *интервалах абстракции*. Фиксирование таких интервалов здесь обязательно, поскольку использование формул, не являющихся тавтологиями, связано с иным применением абстракции отождествления индивидов, чем то, которое определяется языковыми средствами чистой логики.

Итак, просуммирую некоторые следствия из сказанного.

1. Собственный универсум элементарной логики существует как гносеологическое понятие — как результат абстракции неразличимости элементов любой наперед заданной онтологической области индивидов. Поэтому я и называю его *гносеологическим универсумом*, а чистую логику — *неонтологической теорией*.

2. Все теоремы элементарной логики общезначимы в ее «собственном универсуме» (тривиальное следствие метатеоремы о полноте).

3. Не каждая формула, общезначимая в собственном универсуме чистой элементарной логики, выводима из аксиом этой логики (неполнота в узком смысле).

4. Каждое расширение чистой первопорядковой логики присоединением формул, общезначимых в собственной области, непротиворечиво (следствие доказательства непротиворечивости).

5. Противоречивость теорий (появление парадоксов), основанных на элементарной логике, возможна, в частности, при игнорировании интервалов абстракции отождествления (или неразличимости) за счет формул, необщезначимых в собственной области.

Обычно, говоря о тождестве или различии, для суждения о различии индивидов мы руководствуемся скрытой посылкой о наличии различающих предикатов. Контрапозиция этой посылки говорит о том, что мы «слепнем» без таких предикатов, и подобной слепотой отличаются все тавтологии чистой логики. Выразительные возможности логической теории тождества заметно богаче тех, что предлагает нам семантика общезначимых истин, а ценность этой теории — в ее приложимости к миру фактических истин, где суждения о тождестве и различии индивидов не являются тавтологичными.

Все сказанное может показаться тривиальным. И все же замечу, что интервальная аргументация, использующая представления «внутри» и «снаружи», позволяет яснее понять отношение чистой формальной логики к онтологии, отделить лингвистические аспекты этого отношения от собственно модельных и гносеологических и нередко избежать явных недоразумений там, где возникают противоречивые ситуации при совершении тех или иных актов отождествлений. А этим, в частности, решается и философская задача — показать, что «онтология гносеологична», и сделать «онтологические предпосылки... как можно более осмысленными»²⁸.

Примечания

- ¹ *Blanché R.* Le raisonnement. Paris, 1973. P. 223.
- ² *Клини С.К.* Математическая логика. М., 1973. С. 234.
- ³ См.: Эйнштейновский сборник 1978–1979. М., 1983. С. 105.
- ⁴ Слова в кавычках принадлежат Л.Больцману. См.: Новые идеи в математике. Сб. 8. Математика и философия 1. СПб., 1914. С. 125–126. Далее Больцман говорит о невозможности непосредственного восприятия очень больших чисел. Подобную же мысль до него высказывал Г.Фреге.
- ⁵ *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет. Т. 2. М., 1971. С. 14.
- ⁶ О понятии «посторонняя посылка» см.: *Новосёлов М.М.* Посылка // БСЭ. 3-е изд. М., 1975. Т. 20. С. 424.
- ⁷ Представленную в работах А.С.Есенина-Вольпина до и независимо от исследований по паранепротиворечивым и релевантным теориям. См.: *Есенин-Вольпин А.С.* Избранное. М., 1999. Раздел «Логика».
- ⁸ *Лужин Н.Н.* Собрание соч. Т. 2. М., 1958. С. 708.
- ⁹ Разумеется, если речь идет о непротиворечивой теории в традиционном смысле, то такой ситуации, как отождествление *A* в указанной выше формуле, фактически быть не может, поскольку в непротиворечивой теории эта формула не может существовать вообще.
- ¹⁰ Подробно со всеми этими интересными идеями и заложенной в них глубокой философией анализа можно ознакомиться по: *Yesenin-Volpin A.S.* The Ultra-intuitionistic Criticism and the Antitraditional Program for Foundations of Mathematics // Intuitionism and Proof Theory: Proceedings of the Conference of Buffalo. North-Holland, 1968. Некоторые сведения об ультраинтуиционизме можно почерпнуть из статей «Математическая индукция», «Непротиворечивость» и «Парадокс», представленных в 3 (1964), 4 (1967) и 5-ом (1970) томах Философской Энциклопедии.
- ¹¹ *Марков А.А.* О логике конструктивной математики. М., 1972.
- ¹² См.: *Новосёлов М.М.* Тожество // БСЭ. Т. 26. М., 1977 (a translation: *Novosyolov M.M.*, Identity // Great Soviet Encyclopedia, N.Y.-L., 1981. Vol. 26); *Новосёлов М.М.* Категория тождества и ее модели // Кибернетика и диалектика. М., 1978; *Novosyolov M.M.* Identity with a measure of transitivity // LIMPS 87. Abstracts. Vol. 4. Part 2. Moscow, 1987. P. 57–59.
- ¹³ Об абстракции неразличимости подробнее см.: *Новосёлов М.М.* Об абстракциях неразличимости, индивидуации и постоянства // Творческая природа научного познания. М., 1984; *он же.* О логике эмпирических неразличимостей // Синтаксические и семантические исследования неэкстенциональных логик. М., 1989.
- ¹⁴ Хотя попытки такого рода имеются. См.: *Destouches J.L.* Sur la mécanique classique et l'intuitionnisme // Koninklijke nederlandse akademie van wetenschappen, Series A. Vol. LIV. № 1. 1951; *Novosyolov M.M.* Sur les indiscernabilités comme structures algébriques // Логические исследования. Вып. 7. М., 2000.
- ¹⁵ Из отечественных мне знакомы только две работы, посвященные этой теме специально: *Бирюков Б.В.* Крушение метафизической концепции универсальности предметной области в логике. М., 1964; *Бессонов А.В.* Предметная область в логической семантике. Новосибирск, 1985.

- ¹⁶ См.: *Философская Энциклопедия*. Т. 5. М., 1970. С. 239.
- ¹⁷ Эти слова Э.Шрёдера цит. по кн.: *Бирюков Б.В.* Крушение... М., 1963. С. 39.
- ¹⁸ *Яновская С.А.* Логицизм // *Философская Энциклопедия*. Т. 3. М., 1964. С. 228.
- ¹⁹ *Heuting A.* La conception intuitionniste de la Logique // *Les Etudes philosophiques*. № 2. 1956. P. 226.
- ²⁰ *Шенфилд Д.* Математическая логика. М., 1975. С. 25.
- ²¹ Я изучал логику неразличимостей именно как (бескванторную) логику с отношениями неразличимости, заданными «ни на чем». А вопрос о правилах для кванторов при пустом универсуме тоже интересный вопрос, который обсуждался неоднократно.
- ²² *Гильберт Д., Аккерман В.* Основы теоретической логики. М., 1947. С. 118.
- ²³ *Эйнштейн А.* Физика и реальность. М., 1965. С. 71–72.
- ²⁴ *Новосёлов М.М.* Тожество // *Философская Энциклопедия*. Т. 5. М., 1970. С. 239.
- ²⁵ *Новиков П.С.* Элементы математической логики. М., 1959. С. 215.
- ²⁶ По терминологии статьи: *Лазарев Ф.В., Трифонова М.К.* Роль приборов в познании и их классификация // *Философские науки* (ВДВШ). 1970. № 6.
- ²⁷ *Новосёлов М.М.* О некоторых понятиях теории отношений // *Кибернетика и современное научное познание*. М., 1976. С. 260.
- ²⁸ *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 101.

О не-фрегевской аргументации

1. Логика и аргументация

Включение раздела «теория аргументации» в стандартные учебники логики наводит на мысль, что многие (если не все) часто встречающиеся недостатки аргументации можно преодолеть с помощью логических методов. При этом молчаливо предполагается, что выявление нарушений законов логики вполне достаточно для исправления и уточнения аргументации. Более того, подразумевается, что речь идет о традиционной логике и ее дедуктивных методах. Постулируется достаточность этих методов для выявления логических тупиков и ловушек даже достаточно нетрадиционной аргументации.

Новые современные теории аргументации предпочитают говорить не о связи логики и аргументации, а о проблеме функции логики в аргументации и рассуждении (выводе), замечая, что традиционный взгляд просто отождествлял логику с теорией вывода. Яакко Хинтикка утверждает, что эта точка зрения, помимо того, что она все еще эхом отдается в учебниках по формальной логике, в замаскированном виде проявляет себя в процессе обычного употребления таких слов, как «логика», «дедукция», «вывод» и т.д.¹. Он даже вводит термин «Концепция логики и дедукции Шерлока Холмса», отражающий сотни «синонимичных» употреблений этих слов в описании подвигов мнимых и реальных детективов. Парадокс заключается в том, как показывает Я.Хинтикка, что знаменитый Шерлок Холмс, каким он предстает в произведениях А.Конан Дойля, использовал отнюдь не дедуктивный метод в своих рассуждениях, но скорее интеррогативный метод или абдукцию.

По сути дела, говорит Хинтикка, одним из способов решения проблемы роли логики в аргументации было бы обсуждение и переоценка традиционного взгляда на природу логики. Если мы принимаем, как это обычно делается, что истины формальной логики представляют собой аналитические истины или просто тавтологии, не обладающие никаким информативным содержанием, то трудно понять, каким образом удалось прийти к какому-либо новым результатам в процессе рассуждения, описывающего совершение открытия в науке. Однако даже И.Ньютон описывает свой экспериментальный метод как анализ или вывод, заявляя, что он «дедуцировал» из опытных данных или феноменов по меньшей мере некоторые из своих знаменитых законов. Впрочем, современные историки и философы науки единодушно ниспровергают эти заявления, считая их просто приукрашиванием, никак не связанным с ньютоновской научной практикой и действительным положением вещей.

Становится понятным, почему некоторые исследователи в поисках инструментов аргументации обращаются прежде всего к традиционным теориям риторики, а не к логике. Но оправдано ли это бегство от использования логических методов, особенно сегодня, после столетнего бурного развития неклассической логики и ввиду маячащей на горизонте новой революции в логике, предрекаемой тем же Я.Хинтиккой?

Кажется несколько странным, что развитие неклассической логики, приведшее к возникновению многочисленных логических исчислений, совершенно не отразилось на нашей способности рассуждения и аргументаций. Коль скоро природа логики изменилась, то не стоит ли поискать изменений в природе аргументации, обратившись к «неклассической» аргументации, опирающейся на неклассическую логику?

2. Типология неклассической аргументации

Современная неклассическая логика представляет собой сложный конгломерат разнообразных исчислений, основанных на многочисленных логических принципах, порою сильно отклоняющихся от традиционных классических положений. Однако при этом многие из неклассических принципов возникли как следствие критики тех или иных особенностей классической логики, зачастую приводящих к парадоксам. Так релевантная логика

возникла как реакция на парадоксы материальной импликации, интуиционистская логика подвергла сомнению закон исключенного третьего и двойного отрицания, многозначная логика (в версии Яна Лукасевича) была создана для преодоления принципа логического детерминизма и принципа бивалентности, паранепротиворечивая логика опровергла универсальность закона противоречия и т.д.

С другой стороны, некоторые системы неклассической логики были разработаны для расширения диапазона логических исчислений, для включения в орбиту логических исчислений новых типов рассуждений и выводов, ранее не поддававшихся логическому анализу либо считавшихся слишком частными и специальными. Модальные логики, например, позволили освоить и «навести порядок» в мире рассуждений, касавшихся алетической, деонтической, эпистемической модальностей. Временные логики внесли некоторую ясность в аргументацию философских исследований проблемы времени, указав на логические следствия принятия той или иной концепции времени. Многозначные и вероятностные логики позволили учитывать неоднозначность наших суждений и выводов. Не-фрегевская логика прояснила способы рассуждений, касающихся непрозрачных и интенциональных контекстов.

В то же время в рамках одних и тех же неклассических логик возможны рассуждения и выводы, сочетающие функции и «сужающей», и «расширяющей» аргументации. Введение в модальных исчислениях высказываний со «строгой» импликацией (исторически предшествовавшее рассмотрению высказываний с операторами возможности и необходимости) в ряде случаев позволило устранить или исправить аргументацию, ведущую к парадоксам материальной импликации. Следование законам релевантных логик, многозначных и паранепротиворечивых логик препятствует появлению произвольных утверждений, являющихся следствием включения в рассуждение противоречивого высказывания.

Неклассическая аргументация может выполнять и вспомогательную функцию, когда после использования методов неклассической аргументации результирующее рассуждение может быть перестроено по законам классической (традиционной) аргументации. В так называемых адаптивных паранепротиворечивых логиках² вначале производится вывод по правилам, исходящим из одновременной истинности высказывания и его отрицания, а затем структура вывода перестраивается с помощью специальных методов таким образом, что противоречивые выводы элиминируются.

Сетка, набрасываемая на рассуждения и выводы вследствие явного или неявного принятия некоторой совокупности неклассических логик вместо классической, порою может выглядеть весьма причудливо. Тем не менее, если до некоторой степени уточнить особенности аргументации, основывающейся на той или иной неклассической логической системе, то картина получается примерно следующая.

Интуиционистская аргументация в значительной степени носит конструктивный характер (мы не будем вдаваться в особенности понятия «конструктивности», принимаемого сторонниками различных направлений в интуиционизме). Это сказывается в том, что в подобного рода аргументации не поощряется использование рассуждений, основывающихся на доказательстве от противного или сведении к абсурду. Если вы выдвигаете предположение, что справедливо утверждение, противоположное защищаемому вами, то вывод, демонстрирующий абсурдность или ложность вашей гипотезы, не может считаться подтверждением вашей точки зрения. Доказательством может служить только предъявление некоторого механизма (конструкции, примера), реализующего ваше утверждение или отрицание вашего утверждения. Таким образом, интуиционистская аргументация может основываться только на конструктивных утверждениях позитивного или негативного характера. Возможно сведение интуиционистской аргументации к алетической и каноническая иллюстрация на примере роста и накопления знаний (кумулятивная модель).

Релевантная аргументация не позволяет использовать в рассуждениях и выводах переход от утверждений к утверждениям, если первые не содержат общих «параметров», т.е. каких-то одних и тех же положений, высказываний, утверждений. Речь как бы должна идти строго об одних и тех же связанных между собой вещах или положениях дел, не допускается произвольное обобщение. При этом закон противоречия не является универсальным. Это означает, что возможно появление в рассуждениях утверждения и его отрицания. Возможно применение модальной аргументации в рамках релевантной.

Модальная *алетическая* аргументация позволяет вводить в рассмотрение необходимые и возможные высказывания, при этом мы от истинных утверждений аргументируем к необходимым, т.е. считаем наши доказанные утверждения необходимыми, принимаем их в качестве законов. В специальных случаях (в зависимости от вида модальной системы) позволено переходить от необходимости утверждения к необходимости его составляющих.

Справедливость модальных утверждений может аргументироваться апелляцией к возможным мирам (положениям дел). Возможно сведение алогической аргументации к интуиционистской.

Деонтическая аргументация имеет дело с утверждениями, включающими выражения типа «обязательно», «позволено», «запрещено». Эти выражения могут вводиться на основании перехода от истинных утверждений к обязательным и дозволенным. Кажущуюся парадоксальность возникающих утверждений следует проверять обращением к конкретно принимаемым логическим законам. Например, утверждение «если обязательно заботиться о ближних, то эту обязанность мы налагаем на себя тем, что курим» не представляется истинным. Однако подобного рода утверждения справедливы в рамках некоторых деонтических модальных исчислений³. Справедливость утверждений может быть аргументирована обращением к возможным (моральным) мирам, которые характеризуются наличием или отсутствием определенных норм.

Возможна редукция *деонтической* аргументации к *алетической*, если ввести некоторое понятие штрафа или санкции (в этой роли может выступать конъюнкция моральных законов или юридических норм) и предположить, что аргументацию к обязательности некоторого утверждения можно заменить на аргументацию к тому, что необязательность этого утверждения влечет штраф.

Эпистемическая аргументация использует выражения «знаю», «верю», «сомневаюсь», «опровергаю». Утверждения с этими выражениями принимаются на основе аргументации к истинности исходного утверждения. С другой стороны, знание о чем-то может являться условием его истинности (но лишь при принятии соответствующего эпистемического исчисления, а не в общем случае). Следует принимать во внимание ограниченность субъективного знания, т.е. невозможность аргументации к знанию субъектом всех логических следствий известного утверждения (парадокс всеведения).

Темпоральная аргументация имеет дело с утверждениями, истинность которых зависит от течения времени. При этом разрешается переход от нетемпоральных утверждений к темпоральным, т.е. темпоральная аргументация основывается на нетемпоральной. В большинстве случаев аргументация темпорально дуальна, т.е. утверждения о прошлом и будущем взаимозаменяемы. Аргументация сильно зависит от принимаемой модели времени (однородного, симметричного, транзитивного, конечного, бесконечного, плотного, непрерывного, дискретного, линейного, ветвящегося и т.д.). Следует учитывать, что существует лишь пятнадцать грамматических времен (теорема Прайора). Возможно сведение к модальной аргументации (диадорovy определения).

Многозначная аргументация позволяет ослабить аподиктический характер аргументации; она допускает возможность «нечеткой» и тем не менее строгой аргументации, приближая ее к более обыденному способу рассуждений. Использование многозначной аргументации позволяет устранить логическую детерминированность (логический фатализм) утверждений⁴. В рамках многозначной аргументации закон противоречия теряет свою универсальность, т.е. возможны рассуждения, включающие некоторое утверждение и его отрицание. В некоторых случаях (принятие трехзначных и четырехзначных логик) возможно сведение многозначной аргументации к модальной.

Паранепротиворечивая аргументация позволяет рассуждать в противоречивых ситуациях, когда классическая аргументация приводит к логической тривиальности, т.е. ситуации, когда каждое утверждение истинно (следствие универсальности закона противоречия). Стратегия аргументации сильно зависит от принимаемой паранепротиворечивой логической системы. Например, в случае адаптивной паранепротиворечивой логики противоречивые выводы перестраиваются в непротиворечивые, в случае логики С.Яськовского рассуждения преобразуются в выводы с модальными утверждениями, в случае логики А.Арруды различается аргументация на уровне атомарных утверждений и сложных утверждений. В силлогистических системах Н.Васильева аргументация основывается на законах исключенного четвертого, исключенного пятого и т.д.

Не-фрегевская аргументация позволяет различать логическую эквивалентность и тождественность утверждений. Тождественность влечет эквивалентность, но не наоборот; тождественность основывается на совпадении ситуаций, описываемых утверждениями, что позволяет разумно аргументировать даже в случае непрозрачных и интенциональных контекстов.

3. «Рогатка» Черча и не-фрегевская аргументация

Проиллюстрируем особенности применения неклассической аргументации на примере аргумента Алонзо Черча — так называемой «рогатки» Черча. Это имя ввиду простоты приводимой Черчем аргументации было дано Дж.Барвайсом и Дж.Перри, которые критически ее рассмотрели в книге «Ситуации и установки»⁵.

Черч формулирует свой аргумент в книге «Введение в математическую логику»⁶ следующим образом. Вначале он принимает следующий постулат:

(1). *Денотат составного имени не меняется, если одно из входящих в него составляющих имен заменить другим с тем же, что у заменяемого, денотатом (хотя смысл может и измениться)*⁷.

Как следствие из принципа (1), пишет Черч, мы «легко получаем примеры предложений, которые хотя и отличаются в каком-то смысле друг от друга по содержанию, но должны, очевидно, иметь один и тот же денотат. Так предложения «сэр Вальтер Скотт есть автор *Вэверлея*» и «сэр Вальтер Скотт есть сэр Вальтер Скотт» должны иметь один и тот же денотат, так как имя «автор *Вэверлея*» заменено другим с тем же денотатом. Точно так же должны иметь один и тот же денотат предложения «сэр Вальтер Скотт есть автор *Вэверлея*» и «сэр Вальтер Скотт есть человек, который написал все двадцать девять Вэверлеевских новелл», так как имя «автор *Вэверлея*» заменено именем того же лица. Естественно предположить, что если это последнее предложение и не является синонимом предложения «число, равное числу всех написанных сэром Вальтером Скоттом новелл, есть двадцать девять», то во всяком случае эти предложения настолько близки друг к другу, что убедительным становится предположение о тождественности их денотатов. Наконец, из этого последнего предложения мы получаем заменой субъекта на другое имя того же числа уже такое предложение, по-прежнему с тем же денотатом: «число, равное числу графств в штате Юта, есть двадцать девять»⁸.

Замечая, что данная цепочка рассуждений приводит к тому, что предложение «сэр Вальтер Скотт есть автор *Вэверлея*» и предложение «число, равное числу графств в штате Юта, есть двадцать девять», по-видимому, имеют один и тот же денотат, Черч указывает, что «они, как будто, имеют в действительности очень мало общего»⁹. Единственное все же, по его мнению, общее между ними — это их логическая истинность, если следовать теории Г.Фреге. Это положение теории Фреге можно сформулировать в виде следующего постулата:

(FA) *все истинные (соответственно все ложные) предложения описывают одно и то же, то есть имеют общий денотат.*

Но как раз положение о логической истинности и ложности в качестве единственных денотатов всех предложений и отвергает не-фрегевская логика. Польский логик Р.Сушко, основатель не-фрегевской логики, как раз исходил из того, что отбросил (FA). Он опирался при этом на Л.Витгенштейна, считая, что денотатом предложения является то, о чем оно говорит: некоторая ситуация. Семантические постулаты не-фрегевской логики, согласно Р.Сушко, выглядят следующим образом:

S1. Каждое предложение имеет денотат.

S2. Истинные предложения обозначают позитивные факты, в то время как ложные предложения обозначают негативные факты.

S3. Имеют место классические условия истинности, в частности истинностное значение предложения, построенного с использованием истинностных связок, определяется истинностными значениями его компонент обычным (т.е. принятым в классической логике) образом.

Следствием принятия подобных постулатов в системе не-фрегевской логики является введение бинарной связки тождества (корреферентности) $\equiv$ которая читается как «ситуация, что ... та же самая, что и ...» или «ситуация, что ... тождественна с ситуацией, что...». Семантика не-фрегевской логики очевидным образом представляет собой ситуационную семантику, в которой каждому высказыванию приписывается определенная ситуация.

Если теперь рассмотреть аргумент Черча с точки зрения не-фрегевской логики, то в этом случае аргументация, основанная на ситуационной семантике как альтернативе фрегевскому понятию истинностных значений, служащих денотатом предложений, на первый взгляд представляется неприемлемой. Ясно, что всякий, кто желает защитить аргументацию, апеллирующую к ситуационной семантике, должен что-то противопоставить критике Черча. Не-фрегевская аргументация, по мнению Р.Вуйцицкого, в этом случае выглядит следующим образом¹⁰.

Запишем основные моменты аргумента Черча в виде следующих предложений:

(1) сэр Вальтер Скотт есть автор *Вэверлея*;

(2) сэр Вальтер Скотт есть человек, который написал все двадцать девять Вэверлеевских новелл;

(3) число, равное числу всех написанных сэром Вальтером Скоттом новелл, есть двадцать девять;

(4) число, равное числу графств в штате Юта, есть двадцать девять.

Черч демонстрирует, что (1) и (2) корреферентальны, так как имя «автор *Вэверлея*» заменяемо другим именем того же лица. То же самое относится и к (4), которое можно получить из (3) путем замены другим именем того же самого объекта. Далее замечаем, что если свести (1) и (2) к предложениям вида

(1') $a = b$,

(2') $a = c$,

соответственно, тогда в силу условия

$$(5) b = c,$$

описывающего совпадение денотатов по Черчу, мы получаем (1) $\equiv$ (2), что можно переписать как

$$(6) (a = b) \equiv (a = c),$$

в силу того, что в не-фрегевской логике совпадение денотатов свидетельствует о кореферентности предложений. Очевидным образом эти рассуждения можно повторить и для случаев (3) и (4).

С другой стороны, если мы сведем (1) и (2) к предложениям (1'') $\varphi(a, \text{Вэверлей})$

(2'') $\psi(a, 29, \text{Вэверлеевские новеллы})$ и (существует единственный n , такой, что $\psi(a, n, \text{Вэверлеевские новеллы})$),

где φ, ψ представляют собой два предикатных символа, то мы попадаем в несколько другое положение. В этом случае, замечает Вуйцицкий, не-фрегевская логика не дает никакой возможности доказать, что (1) $\equiv$ (2).

Оставляя на время это последнее наблюдение, вернемся опять к аргументации Черча. Мы получили, что

$$(1) \equiv (2) \text{ и } (3) \equiv (4).$$

Черч далее показывает, что (2) и (3) тоже должны быть кореференциальны, поскольку если даже (3) не синонимично (2), то они все же настолько близки друг к другу, что предположение о тождественности их денотатов выглядит вполне убедительным.

Используя нашу предыдущую форму записи, можно переписать (3) следующим образом:

(3'') (тот самый n , что $\psi(a, n, \text{Вэверлеевские новеллы}) = 29$, получая тем самым предложение, логически эквивалентное (2). Однако, пишет Вуйцицкий, мы должны ответить на вопрос: действительно ли тот факт, что два предложения логически эквивалентны друг другу, служит достаточным основанием для утверждения об их кореференциальности?

Аргументация Черча позволяет его квалифицировать как сторонника подобной точки зрения. В не-фрегевской же логике принцип кореференциальности логически эквивалентных предложений, гласящий, что

(СЕ) Если из A выводимо B и из B выводимо A , то A кореферентно B ,

не принимается. Таким образом, если принять точку зрения Черча, то получаем, что (1) кореферентно (2) кореферентно (3) кореферентно (4), и в этом случае (1) обозначает ту же ситуацию, что и

(4). Но если мы считаем, отвергая при этом (СЕ), что ситуации не сводятся к истинностным значениям и истинностные значения не проявляют ситуаций, как это имеет место в не-фрегевской логике, то вывод Черча представляется совершенно абсурдным.

В литературе известны два способа защиты от аргументации Черча, первый принадлежит Барвайзу-Перри, второй — Д.Фоллесдалю. Барвайз и Перри склонны подвергнуть сомнению (СЕ)-принцип, совпадая в этом с не-фрегевской логикой. Что касается Фоллесдаля, то он ставит под сомнение общепринятую точку зрения на сингулярные термины. Он предлагает различать по-настоящему сингулярные термины (те, которые с необходимостью приложимы к объекту) и те, которые лишь случайно истинны в точности для одного объекта (особая разновидность общих терминов). Настоящие сингулярные термины приложимы к одному и тому же объекту во всех возможных мирах¹¹.

Если следовать Фоллесдалю, принимая, например, что автор *Вэверлея* не есть настоящий сингулярный термин, а всего лишь общий термин, случайно истинный в точности для одного объекта, то в этом случае остается лишь сводить (1) к (1''), а это уже ставит под сомнение кореферентность (1) и (2).

Однако, по мнению Вуйцицкого, программа Фоллесдаля по отделению настоящих сингулярных терминов на основании критерия необходимости приложимости к обозначаемому, кажется безнадежной. Нет никакой необходимости в том, что Цезарь назван «Цезарем», как и совершенно случайным является тот факт, что Москва названа «Москвою». Вполне возможен такой мир, в котором Цезарь назывался бы Брутом, а Москва — Вашингтоном.

Таким образом остается лишь точка зрения не-фрегевской логики, основывающаяся на непринятии (СЕ)-принципа. Согласно этой точке зрения предложения (1) и (4) не будут кореферентными. Напомним, что при сведении (1) и (2) к (1'') и (2'') соответственно, кореферентность (1'') и (2'') недоказуема. Единственной проблемой является запрещение интерпретации с помощью (1') и (2').

4. От не-фрегевской аргументации к не-не-фрегевской

Все же в рамках не-фрегевской аргументации трудность решения задачи запрещения интерпретации с помощью (1') и (2') кажется преодолимой, если воспользоваться подсказкой самого

Черча. Обратим внимание на следующее место ранее приведенной цитаты из Черча: мы «...легко получаем примеры предложений, которые хотя и отличаются в каком-то смысле друг от друга по содержанию, но должны, очевидно, иметь один и тот же денотат». Если бы наша логика могла бы принимать во внимание не только денотаты, но и смыслы, то тогда запрещение интерпретации с помощью (1') и (2') можно было бы аргументировать в рамках подобной логики как основывающееся на отличии по смыслу при одинаковом денотате.

Система подобной логики, так называемой не-не-фрегевской (метафорической) логики, была предложена автором в статье «Ситуации и смысл: не-не-фрегевская (метафорическая) логика. I»¹². Следует отметить, что еще сам создатель не-фрегевской логики Р.Сушко развивал в ранних работах теорию *экстенсий* и *интенсий*, которую можно было бы квалифицировать как некоторое различие смысла и денотата в рамках одной логической системы. Термин «не-не-фрегевская логика» вызван тем обстоятельством, что если Сушко отменил фрегевскую аксиому, провозглашающую единственность денотата для всех истинных (соответственно всех ложных) высказываний, то в не-не-фрегевской логике приходится отменять (расширять) принцип Сушко, гласящий, что кореферентность (совпадение ситуаций) влечет логическую эквивалентность (совпадение истинностных значений).

Главной особенностью системы не-не-фрегевской логики является введение в не-фрегевскую логику еще одной связки тождества — связки подобия по смыслу. Взаимоотношение связки кореферентности и связки подобия денотатов по смыслу можно было бы охарактеризовать следующим образом: кореферентность двух утверждений означает подобие их денотатов во всех смыслах. Мы как бы различаем максимальную кореферентность (во всех смыслах) и минимальную (кореферентность в некотором одном смысле).

Беспокойство вызывает отсутствие транзитивности связки подобия смыслов. Однако природа этой нетранзитивности очевидна с точки зрения ситуационной семантики: если мы возьмем два кореферентных в некотором смысле предложения, то кореферентность в некотором смысле второго из них с третьим не означает кореферентность в некотором смысле первого и третьего предложения, ибо у нас нет возможности ни точно указать на эти смыслы, ни сконструировать из двух смыслов некий третий, обеспечивающий транзитивность кореферентности по смыслу.

Еще один трудный момент связан с наложением ограничений на аксиому, говорящую о том, что подобие сложных денотатов по смыслу влечет подобие по смыслу их составляющих (кореферентность в некотором смысле сложных выражений определяет кореферентность в некотором смысле их составляющих). При этом приходится запрещать вывод из кореферентности в некотором смысле сложного выражения, если в роли этого сложного выражения фигурирует противоречивая формула или атомарное утверждение. Но оправдание подобного ограничения можно найти у Л. Витгенштейна, на теорию которого опирается ситуационная семантика не-фрегевской логики. По мнению Витгенштейна, из противоречия не может следовать ничего ввиду его бессмысленности, отсюда тем более нельзя говорить о каком-то тождестве смыслов выражений, входящих в состав противоречивого утверждения. Что касается атомарности утверждения, то в этом случае нельзя аргументировать к совпадению денотатов по смыслу, поскольку атомарное утверждение не имеет составляющих.

Существенным моментом является отмена в не-не-фрегевской логике (СЕ)-принципа. На смену ему приходит иной принцип, принцип подобия по смыслу логически эквивалентных выражений, гласящий следующее:

(SF) *Если из A выводимо B и из B выводимо A , то A кореферентно в некотором смысле B ,*

и этот принцип принимается, в отличие от (СЕ)-принципа в не-фрегевской логике. При этом в не-не-фрегевской логике от кореферентности по смыслу двух выражений мы не можем переходить к просто кореферентности этих выражений, что сохраняет отмену (СЕ) для связки кореферентности.

Если мы теперь вернемся к «рогатке» Черча, то трудность решения задачи запрещения интерпретации с помощью (1') и (2'), о которой пишет Р. Вуйцицкий, представляется преодолимой как раз с помощью (SF)-принципа.

Напомним, что если принять точку зрения Черча, то получаем, что (1) кореферентно (2) кореферентно (3) кореферентно (4), и в этом случае (1) обозначает ту же ситуацию, что и (4). Но в рамках аргументации, основывающейся на не-не-фрегевской логике, если мы считаем, отвергая при этом (СЕ), что ситуации не сводятся к истинностным значениям и истинностные значения не проявляют ситуаций, как это имеет место в не-фрегевской логике, то вывод Черча не представляется совершенно абсурдным.

Теперь мы на основании (SF)-принципа получаем, что аргументация Черча сводится не к кореферентности (1)-(4), но всего лишь к кореферентности в некотором смысле, т.е. (1) кореферентно в некотором смысле (2), (2) кореферентно в некотором смысле (3), (3) кореферентно в некотором смысле (4). При этом от совпадения ситуаций в некотором смысле мы не можем аргументировать к полному совпадению ситуаций (во всех смыслах). Помимо этого кореферентность в некотором смысле (подобие денотатов) нетразитивна, поэтому мы не получаем, например, кореферентность в том же некотором смысле (2) и (3), что и кореферентность (1) и (2).

Наконец, сведение (1) и (2) к (1') и (2') запрещено в рамках не-не-фрегевской логики, но не в том абсолютном смысле, что эти пары предложений не указывают на один и тот же денотат, но потому, что они указывают на один и тот же денотат различным образом, подразумевая различие смыслов этого указания. Это позволяет утверждать, что подправленная не-не-фрегевским способом аргументация Черча не требует, с одной стороны, принятия истинности выражений в качестве их единственного денотата, а с другой стороны, не представляется абсурдной и губительной для ситуационной семантики.

Примечания

- ¹ См.: *Hintikka J.* Inquiry as Inquiry: a Logic of Scientific Discovery. Dordrecht, 1999. P. 25.
- ² См., напр.: *Batens D.* Dynamic semantics applied to inconsistency-adapted logic / // Логические исследования. Вып. 5. М., 1998. С. 74–85.
- ³ См.: *Костюк В.Н.* Элементы модальной логики. Киев, 1978. С. 88.
- ⁴ См.: *Лукасевич Я.* О детерминизме // Философия и логика Львовско-варшавской школы. М., 1999.
- ⁵ *Barwise J., Perry J.* Situations and Attitudes. J., 1983.
- ⁶ *Черч А.* Введение в математическую логику. М., 1960.
- ⁷ Там же. С. 20.
- ⁸ Там же. С. 31.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Вуйцицкий Р.* Формальное построение ситуационной семантики // Синтаксические и семантические исследования неэкстенциональных логик. М., 1989. С. 18.
- ¹¹ См.: *Follesdal D.* Situation semantics and «slingshot» argument // Erkenntnis. Vol. 19. 1983.
- ¹² *Васюков В.Л.* Ситуации и смысл: не-не-фрегевская (метафорическая) логика. 1 // Логические исследования. Вып. 6. М., 1999. С. 138–152.

Когнитивные предпосылки возникновения искусства аргументации*

Эффективность поведения живых существ зависит от их способностей распознавать объекты окружающей среды и происходящие в ней события. Тип извлекаемой когнитивной информации и ее сложность весьма существенно различаются и зависят от специфики органов чувств различных организмов, которые могут реагировать на температуру, электрический ток, свет, давление, силу тяжести, химические вещества и т.д. (Например, глаз пчел воспринимает поляризованный свет и ультрафиолетовые лучи, но не реагирует на красный свет.) Для того чтобы выжить, они должны соответствующим образом интерпретировать и перерабатывать извлекаемую с помощью органов чувств информацию. Информационный контроль окружающей среды позволяет живым организмам управлять своим поведением, он обеспечивает их адаптацию и выживание. В силу этого *информационный контроль окружающей среды является важнейшей функцией когнитивной системы организмов.*

Эволюция когнитивной системы живых существ стала возможной благодаря появлению на Земле около 700 млн. лет назад многоклеточных организмов, которые могут состоять из миллионов, а иногда и миллиардов отдельных клеток различных типов (число таких типов может достигать 200). Многоклеточное строение обеспечило организмам ряд неоспоримых адаптивных преимуществ. Поскольку клеточные механизмы многократно дуб-

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 00-06-80120.

лируются, а клетки могут замещать друг друга, увеличилась продолжительность жизни и появилась возможность оставить больше потомков, увеличить разнообразие в строении тела и иметь более крупные размеры. Кроме того, многоклеточное строение открыло эволюционные перспективы для запуска механизмов дифференцировки, увеличения типов клеток, а соответственно и их специализации на выполнение определенных адаптивно ценных функций, в том числе и когнитивных — например, обусловило появление нервных клеток и клеток головного мозга. Увеличение типов клеток и их специализация позволили животным иметь более высокую физиологическую стабильность внутренней среды организма, повлекло за собой повышение функциональной эффективности, а следовательно, и эффективности их адаптивного поведения.

Поведение живых существ регулируются главным образом двумя физиологическими системами — нервной и гормональной. Поэтому резонно предположить, что изменения на молекулярно-генетическом уровне приводят к соответствующим клеточным изменениям в тканях мозга — к образованию и делению клеток, к миграции нейронов, образованию нейронных зон, дифференциации нейронов, синаптогенезу и т.д., — а также к изменениям в количестве и структуре гормонов. Эти изменения, в свою очередь, влекут за собой изменения на уровне когнитивной системы отдельных особей в целом, т.е. в выполняемых этой системой функциях, обеспечивающих извлечение, переработку и хранение когнитивной информации, которые, как и любые фенотипические признаки, испытывают давление со стороны окружающей среды благодаря механизмам естественного отбора. *Поэтому биологическую эволюцию можно рассматривать и как эволюцию способов извлечения и переработки когнитивной информации, которая ведет к усложнению когнитивной системы организмов и к появлению у них высших когнитивных функций.* Таким образом, когнитивная эволюция — это один из аспектов биологической эволюции, тесно связанный с другим ее аспектом — с эволюцией поведения. Разумеется, факторы и закономерности когнитивной эволюции ничем принципиально не отличаются от соответствующих механизмов биологической эволюции.

Конечно, не всякие эволюционные изменения в когнитивной системе, как и любые эволюционные изменения вообще, можно интерпретировать с точки зрения их адаптивного значения. Иногда под действием естественного отбора возникают изменения, которые не носят адаптивного характера и могут в конечном ито-

ге привести к селективно невыгодному результату¹. С другой стороны, возможны и такие изменения, которые скорее всего не имеют явно выраженного адаптивного значения, поскольку не представляют собой некую сепаратно эволюционирующую «единицу»². Хотя когнитивная эволюция в целом увеличивает способности организмов к более свободному, открытому поведению, а тем самым и их адаптивные преимущества в получении информации, относящейся к способам добывания пищи, самозащиты, привлечении брачных партнеров и т.д., вычленение «когнитивных единиц» или, другими словами, каких-то конкретных когнитивных способностей, подлежащих эволюционным изменениям, в силу их тесного взаимодействия на уровне когнитивной системы в целом, как правило, невозможно. Далеко не все функции когнитивной системы организмов четко локализованы, в особенности, если речь идет о высших когнитивных функциях — например, способность к запоминанию, память, видимо, диффузно распределена по многим зонам больших полушарий, а не локализована в каком-то отдельном участке. Многие эволюционные изменения возникают косвенным путем в результате неравномерного, т.е. дифференциального, роста (аллометрии). Эта аллометрия проявляется как между разными видами, так и между особями одного вида. Например, соотношение между размером тела и объемом головного мозга у мелких и крупных человекообразных обезьян различное — у мелких обезьян головной мозг пропорционально больше. Поэтому адаптацией вряд ли можно объяснить тот факт, что у гориллы головной мозг относительно меньше, чем у шимпанзе, и в силу этого шимпанзе — более «умное» животное. Кроме того, на эволюционные изменения в когнитивной системе могут оказывать влияние плейотропные эффекты, сопутствующие изменениям одного гена, которые никак не связаны с адаптивным признаком. И наконец, нельзя не учитывать возможность чисто случайных эволюционных изменений, поскольку, например, значительная часть аминокислотных замещений, ведущих к изменениям ферментов, как теперь выяснилось, была результатом случайного закрепления мутаций в небольших популяциях. Такие закрепления могут достигать высокой частоты в популяциях, если они генетически сцеплены с геном, на который действует естественный отбор.

Важнейшим событием когнитивной эволюции оказалось возникновение мышления — высшей когнитивной функции, в основе которой лежит способность живых существ оперировать

внутренними ментальными репрезентациями и «проигрывать» предстоящие действия в своем воображении. Мышление возникает у животных, когда интенция к действию дифференцируется от ее непосредственного, автоматического перевода в моторные акты и освобождает в когнитивной системе пространственно-образную модель окружающей среды. Это позволило живым существам осуществлять мысленные операции в наглядном представлении и открыло путь дальнейшей эволюции способности их когнитивных систем внутренне репрезентировать адаптивно ценную информацию в перцептивных кодах. Животные получили возможность *перцептивно мыслить*, прежде чем действовать. И это их весьма ощутимое адаптивное преимущество получило генетическое закрепление благодаря естественному отбору.

В ходе дальнейшей биологической и когнитивной эволюции у живых существ наряду со способностями к *перцептивному* мышлению возникают также зачатки мышления *знаково-символического*. Ведь от наличия эффективных средств коммуникации зависит выживание отдельных особей, видов и групп общественных животных. Поэтому естественный отбор способствовал наследованию также и тех генетических признаков, которые определяют способности особей к извлечению и обработке необходимой для выживания когнитивной информации, получаемой от представителей своего вида. Речь прежде всего идет о способности многих животных к ритуализации поведения. В процессе эволюции первоначальная функция какой-либо формы поведения животных (сценария) модифицируется и, превращаясь в *знак*, становится средством коммуникации. При этом обычно происходит упрощение поведенческого сценария и одновременно его усиление как сигнала. Ритуализация поведения позволяет животным получать самую разнообразную информацию — например, ритуал ухаживания сигнализирует о биологическом виде особей, указывает на их пол и готовность к спариванию, а ритуализированное агрессивное поведение информирует о том, вступит ли соперник в бой или обратится в бегство. Танец пчелы передает информацию о местоположении медоносного поля, о направлении полета, которого следует придерживаться и т.д. Дельфины обмениваются между собой информацией на языке свиста. Антропоиды, в особенности шимпанзе, обладают хорошо выраженной коммуникативной системой, которая использует мимику, жесты и звуки. К тому же у них были обнаружены удивительные способности к знаково-символическому мышлению. Об этом свидетельствуют попытки общения

приматологов с шимпанзе с помощью специально сконструированного для этих целей языка жестов. Как показали, в частности, эксперименты, проведенные в 1970 г. супругами Гарднер, они в состоянии овладеть словарем из приблизительно 200 слов и простейшими грамматическими конструкциями. Правда, в естественных условиях способность шимпанзе к невербальной коммуникации остается не востребуемой — они используют язык жестов главным образом лишь для выражения своих эмоций, желаний и обозначения действий.

Напротив, символическая коммуникационная система, видимо, давала древним гоминидам, освоившим новый для себя способ пропитания — охоту на крупных животных, — большие адаптивные преимущества. Поэтому естественный отбор способствовал совершенствованию языковых способностей индивидов, развитию вербальной коммуникации и мышления *логико-вербального* — специфической, присущей только людям формы знаково-символического мышления. Биологически этому соответствовало смещение локализованного центра управления звуками у гоминид из лимбической системы в неокортекс. Однако человечеству для реализации потенциальных возможностей ускорения эволюции познания, мышления и культуры, возникших в связи с появлением речи, потребовались многие тысячелетия. Ведь по историческим меркам естественный язык возник очень давно, какими-то рудиментами человеческой речи, видимо, владел уже *Homo erectus* (возраст наиболее древних ископаемых останков этого вида — приблизительно 1,5 млн. лет). Но вплоть до начала неолитической революции темпы когнитивного и культурного прогресса оставались удивительно медленными. Не исключено, что весьма длительный исторический период речь оставалась функционально избыточной по отношению к довербальным формам коммуникации и доречевым когнитивным способностям гоминид. Лишь постепенно довербальные средства дополнялись и вытеснялись все более артикулированным словесным языком, а его функции получали свое естественное развитие. Поэтому неудивительно, что архаическое, преимущественно образное мышление все еще в широких масштабах использовало невербальные (довербальные) средства передачи социально значимой информации, где смысл мысленных репрезентаций (образов, сценариев и т.д.) «овеществлялся» и транслировался с помощью символов, изображений, жестовых языков и языка действий — ритуалов, танцев и т.д. Относительно высокий удельный вес такого рода

невербальных способов социальной коммуникации, по-видимому, был характерен не только для древних первобытных популяций, но и для более развитых в экономическом и культурном отношении древневосточных цивилизаций.

* * *

Сохранившиеся тексты папирусов и иные археологические источники достаточно убедительно свидетельствуют о том, что древневосточная («жреческая») математика никогда не апеллировала к логико-вербальным методам доказательства, ограничиваясь главным образом лишь разработкой правил вычислений, инструкций, предписаний и образцов решения конкретных задач³. Конечно, сами по себе символические преобразования не требуют каких-либо дополнительных логико-вербальных методов доказательства и аргументации: они осуществляются по своим собственным правилам манипулирования символами, смысл которых может раскрываться (интерпретироваться) с помощью рисунков, чертежей и т.д. Однако упор на манипулирование только невербальной символической информацией резко сужал «горизонт» древневосточной науки и по сути дела исключал появление здесь научных теорий. Ведь для того, чтобы получить научные универсалии и сформулировать теоретические обобщения (гипотезы), необходимо подключение достаточно развитых вербальных познавательных средств. А это предполагает наличие когнитивных способностей, которые позволили бы выявить и объединить сходные конкретные образцы, паттерны, экстрагировать их общие элементы (части) и образовывать на их основе пропозициональные сущности — понятия и категории. (Можно, например, постоянно накапливать информацию о площади конкретных, перцептивно фиксируемых треугольников, как это делали древнеегипетские математики, но тогда неизбежно возникнут проблемы с ее хранением и эффективным использованием. В то же время если бы им удалось доказать теорему о площади *любого* треугольника, то все эти знания стали бы совершенно излишними — категоризация и концептуализация информации дают огромную *когнитивную экономию*.) К тому же должны были быть запущены когнитивные процессы, лежащие в основе лингвистических механизмов формирования новых понятий (категорий) как комбинаций уже имеющихся понятий, которые сопровождалась бы воз-

никновением соответствующего целостного вербального понимания. Как известно, даже в простейших случаях значение любого комбинированного понятия (например, «любимая рыба» или «полосатое яблоко») — это не просто «сумма» значений его составляющих, а новая сущность, с которой ассоциируются соответствующее множество экстраполяций и ожиданий. Таким образом, формирование теоретической науки предполагало существенный прогресс в когнитивной эволюции отдельных популяций людей, связанный с конституированием более автономного, более артикулированного логико-вербального мышления, с существенным изменением его конкретного соотношения с мышлением пространственно-образным и соответствующим перераспределением ролей между процессами «восходящей» и «нисходящей» переработки когнитивной информации в пользу последних.

Конечно, сам переход от преимущественно образного мышления, обладавшего, судя по имеющимся данным, значительными когнитивными возможностями манипулирования символической информацией, к мышлению преимущественно логико-вербальному нельзя представлять чрезмерно упрощенно — как, например, своего рода акт переключения с одной интерпретативной модели на другую, более всеобъемлющую, в результате которого возникает некий разрыв между неречевыми и речевыми способами познания. Дети, когда они учатся говорить, иногда действительно испытывают серьезные трудности с вербализацией, с поиском нужных словесных репрезентаций, описывающих уже ранее усвоенные ими сценарии, которые фиксируют последовательность практических действий. Однако аналогия с процессами формирования речевого мышления у детей в данном случае вряд ли правомерна. Ощущения интеллектуального дискомфорта и даже состояния фрустрации, появляющиеся в результате несогласованности смыслов перцептивных и вербальных репрезентаций, образного и речевого понимания, периодически могут возникать не только у детей, но и у взрослых — эти ощущения, в частности, нередко выступают побудительными мотивами творческих поисков ученых, поэтов и писателей. Но это, конечно, не означает, что смена доминирующего когнитивного типа мышления обязательно должна повлечь за собой появление какого-то фатального по своим последствиям разрыва между неречевыми и речевыми способами познания, а следовательно, и нарушение межполушарной кооперации, взаимосвязи и взаимодополнительности систем обработки когнитивной информации левого и правого полушарий.

Несмотря на то, что эти системы полностью непереводимы друг в друга, на всех этапах когнитивной эволюции межполушарная кооперация всегда обеспечивала адаптивно эффективные механизмы взаимодействия образных и вербальных средств мышления (и запоминания). По-видимому, эти механизмы предполагают многократное перекодирование когнитивной информации, а также наличие в качестве посредствующего звена абстрактных пропозициональных кодов — языка мысли. Скорее всего слова и их сочетания первоначально выступали в качестве необходимых для коммуникации звуковых средств символизации смыслов (концептов) образов и сценариев. Однако в структуре архаического мышления перцептивный образ органически сливался с оригиналом и был его полноправным заместителем — знать что-либо для древнего человека означало прежде всего быть очевидцем событий, иметь непосредственный сенсорный контакт с познаваемым. Но отсюда, в частности, напрашивается вывод, что в силу своих когнитивных особенностей это мышление вполне могло полностью переносить абсолютное доверие к показаниям органов чувств, к содержанию перцептивных образов на слова и тем самым наряду с магией образа и магией неречевого символа порождать *магию слова*, т.е. отождествление слов как упорядоченных звуковых символов и того, что они репрезентируют — соответствующих вещей и событий. В этом случае смыслы образов (и сценариев), содержащаяся в них пропозициональная информация должны были обретать здесь абсолютно достоверную и эмоционально значимую для людей вербально-символическую форму репрезентации, а их инстинктивное стремление к информационному контролю окружающей среды получало бы принципиально новое интеллектуальное орудие, обладающее огромными когнитивными потенциями. Таким образом, *только благодаря первобытной магии слова вербальные средства коммуникации между людьми могли быть использованы и как инструменты информационного контроля окружающей среды.*

Есть основания полагать, что магическое «овладение» объектами и событиями с помощью слов (заклинаний и т.д.) постепенно становилось все более важным элементом сакральных ритуалов, который первоначально лишь дополняет, а в дальнейшем начинает частично вытеснять более архаичные невербально-символические формы информационного контроля окружающей среды — ритуальные действия и танцы, рисунки, изображения знаков и т.д. Так, например, судя по имеющимся археологическим

данным, по мере развития вербальной коммуникации в ритуалах посвящения первобытных людей «позднего» каменного века особое значение приобрела церемония присвоения *имен*, позволявшая установить связь посвящаемого со своими тотемическими предками. Конечно, уже само включение этого акта в сакральный ритуал свидетельствует об осознании первобытными людьми силы слова как инструмента информационного контроля окружающей среды, об их когнитивной уверенности в том, что слова (а затем и понятия) являются заместителями объектов и событий и схватывают какие-то их важные аспекты. Не исключено, что формирование этой уверенности было как-то связано с осознанием важной функции словесных команд, запускающих бессознательные правополушарные механизмы гипнотического внушения. Секрет гипноза скорее всего был известен колдунам и шаманам с незапамятных времен — он давал им неограниченную власть над психическими состояниями людей, позволял контролировать социальную среду, управлять поведением первобытных коллективов. Но если слова действительно позволяют информационно контролировать социум, то почему бы это их магическое свойство не использовать для того, чтобы овладеть природной средой, Космосом? Как бы то ни было, но без наличия когнитивной уверенности в магической силе слов вряд ли древнее человечество позволило бы им (а соответственно и понятиям) направлять ход своих мыслей и тем самым инициировать совершенно новый комплекс ожиданий и экстраполяций.

Однако формирование полноценных естественных языков, способных описывать факты повседневного опыта, не только открыло перед древним человечеством принципиально новые возможности углубления и распространения информационного контроля, но и повлекло за собой появление новых проблем. Ведь такие языки обязательно содержат дескриптивные термины, которые имплицитно предполагают константность, воспроизводимость и обобщенный характер обозначаемых ими свойств (отношений) объектов универсума, т.е. некоторую модель понимания реальности. Правила грамматики позволяют еще в большей степени расширить эту модель, включив в нее сущности и утверждения, появляющиеся благодаря лингвистическим комбинациям терминов (имен существительных и прилагательных, глаголов и наречий) в осмысленные предложения. В силу этого «магические» акты лингвистического обозначения смыслов образов, прототипов, сценариев и т.д., первоначально лишь дополнявшие не-

вербальные модели окружающей среды, по мере развития речевого общения и становления полноценного естественного языка могли послужить отправным пунктом формирования простейших концептуальных структур — рассказа, повествования, мифа и т.д. Но таким структурам (как и любым вербальным моделям понимания событий) в силу их информационной избыточности присущ гораздо больший потенциальный риск появления систематических ошибок.

Что же представляет собой рассказ (повествование, миф) как модель понимания событий и каковы характерные особенности такого рода простейших концептуальных структур? Во-первых, рассказ (в той или иной степени) всегда последователен, логичен, его элементы определенным образом связаны между собой (т.е. имеет место когерентность) и образуют более или менее систематическую структуру. Во-вторых, используемые в рассказе имена и другие характеристики предполагают определенный класс референтов, т.е. объектов, событий и т.д., на которые ссылается коммуникант (что, однако, в общем случае не означает, что эти объекты и события действительно имели место или реально существовали). И, наконец, любой рассказ следует рассматривать как идеализацию либо как абстракцию реального хода событий, поскольку в нем выделяются лишь те аспекты, изложение которых составляет цель рассказа. Критическому анализу в принципе могут быть подвергнуты любые структурные характеристики рассказа, если они по каким-либо причинам вызывают сомнения: класс соответствующих референтов, логическая связанность и внутренняя последовательность рассказа, его правдоподобность и правомерность допускаемых им абстракций, идеализации и т.д. Но для этого, конечно, нет необходимости прибегать к помощи каких-то эксплицитно сформулированных метамоделей, где бы канонизировались приемы аргументации и процедуры логического доказательства, и соответственно нет оснований для выдвижения малообоснованных догадок и предположений относительно наличия такого рода моделей в структуре архаического мировосприятия — например, в ранний период древнегреческой истории.

Архаическое, преимущественно образное мышление потенциально располагало (и располагает, если речь идет о современных первобытных популяциях) достаточными когнитивными ресурсами, позволяющими успешно овладеть элементарными приемами аргументации и доказательства (и иными интеллектуальными инструментами познания), хотя оно и неспособно выявить и пред-

ставить в эксплицитной форме предпосылочные знания, составляющие основу этих приемов. В силу доминирования холистической стратегии обработки когнитивной информации по крайней мере некоторые из этих предпосылок здесь могут неосознанно усваиваться в самом процессе обучения навыкам речи и искусству вербального общения как органические, внутренне недифференцированные части их целостной структуры. Аналогичным образом дело, видимо, обстоит и с каузальными следствиями, вытекающими из сугубо инструментального применения приемов аргументации и доказательства. Таким образом, приобретение интеллектуальных приемов как неартикулированный психический процесс, предполагающий отождествление инструмента с одним из образов «Я» и превращение его в часть оперирующей личности, может ничем принципиально не отличаться от обучения естественному языку и практическим навыкам — плаванию, верховой езде или стрельбе из лука, — которое также не требует фокально осознанного, артикулированного знания о своих предпосылках⁴. Именно поэтому применительно к раннему периоду древнегреческой истории скорее всего правомерно ставить вопрос лишь о *зарождении искусства аргументации* как своего рода «безошибочного» навыка, мастерства, которое осваивалось сугубо инструментально в процессе практического применения как часть (инструмент) словесно-магического овладения окружающей средой⁵.

Конечно, все более широкое распространение вербальной формы информационного контроля при определенных условиях действительно могло привести к формированию у соответствующих популяций преимущественно устной (опирающейся на произносимую речь) культуры. Наиболее убедительным примером здесь, пожалуй, может служить культура Древней Греции, где предпочтение устной речи приобрело столь масштабный характер, что даже свои философско-теологические учения греки стремились излагать в форме диалога. Логично также предположить, что закрепленная в древнегреческой культуре когнитивная установка, ориентировавшая на распространение вербального контроля, потенциально содержала в себе предпосылки дальнейшего развития искусства аргументации, поскольку (как и любой другой навык, известный людям на инструментальном уровне) оно в принципе оставалось доступным для последующего фокального осознания и артикуляции. Разумеется, сугубо инструментальное применение этого искусства не было застраховано от ошибок (в том числе и систематического характера), которые, видимо, ста-

новились предметом особенно пристального внимания и тщательного изучения в силу своего несоответствия доминирующему в древнегреческом мировосприятии прототипу — ведь в архаическом понимании искусство аргументации могло быть только *безошибочным!* Однако иного способа восстановить это соответствие, кроме как попытаться обнаружить условия и пути, ведущие к гарантированному успеху, не было. Поэтому «десакрализация» архаического представления об искусстве аргументации, его аналитическое расчленение и постепенное выявление артикулированных знаний, касающихся скрытых предпосылок его успешного применения как интеллектуального инструмента, и т.д. — все это оказалось лишь вопросом времени. Диалоги Платона и особенно текст «Топики» Аристотеля, по-видимому, можно рассматривать в качестве достаточно надежных исторических источников, убедительно воссоздающих ход рассуждений и аналитические процедуры, которые были инициированы главным образом проблемами применения техники устной аргументации, уловками и хитростями устной речи.

Таким образом, относительно быстрое развитие искусства аргументации оказывается одним из следствий когнитивной эволюции, результатом радикальных изменений в доминирующем когнитивном типе мышления популяций и этнических групп, населявших древнегреческие города-полисы. Как и во всех подобных случаях, эти изменения скорее всего были обусловлены взаимодействием генетических факторов и факторов окружающей среды, давлением естественного отбора, который привел к селекции адаптивно ценных когнитивных признаков и формированию соответствующих преадаптивных структур левого полушария, обеспечивших интенсивное развитие и распространение вербальной формы информационного контроля. Конечно, если речь идет о популяциях древних греков, то у нас нет и не может быть прямых исторических свидетельств, которые подтверждали бы сам факт такого рода изменений. Но, к счастью, есть довольно убедительные косвенные свидетельства. Если принять во внимание полученные к настоящему времени археологические данные, а также результаты работ лингвистов по дешифровке древних писмен Эллады, то напрашивается вывод, что уже первичная культура переселившихся с севера в начале II тысячелетия до Р.Х. эллинских завоевателей — греков-ахейцев, — по-видимому, носила преимущественно устный характер и выражала явное предпочтение звучащему слову, речи.

Еще сравнительно недавно большинство исследователей были убеждены в том, что в древней Элладе письменность появилась только в VII–IX вв. до Р.Х. (т.е. после ее захвата греками-дорийцами), когда эллины переняли слоговые знаки финикийцев и преобразовали их в алфавитное (буквенное) письмо. Однако благодаря раскопкам развалин резиденции древних правителей Пилоса были получены неопровержимые доказательства того, что по крайней мере в XVI в. до Р.Х. население Греции пользовалось линейным слоговым письмом⁶. Это письмо греки-ахейцы скорее всего заимствовали у древних жителей Крита — подданных царя Миноса, обладавших удивительно высокой культурой. Поскольку между знаками линейного слогового письма минойцев и их еще более древним иероглифическим письмом (а его возраст — более 4 тыс. лет) было обнаружено большое сходство, то это означает, что слоговое письмо возникло на Крите естественным путем и что именно менойцы и были первыми творцами слогового письма. Ведь слоговое письмо развилось из иероглифического, а последнее (как, например, лувийская иероглифика, древнейшее письмо Индостана и т.д.) — из языка рисунков, из пиктографии. Однако, как показали исследования лингвистов, в отличие от языка греков-ахейцев структура минойского языка неиндоевропейская — *«он очень отличается от индоевропейского своей системой звуков, теми способами, какими эти звуки складываются в слова, и самими этими словами»*⁷.

Покорив Крит в середине II тысячелетия до Р.Х., который ранее благодаря могуществу своего флота был полновластным хозяином Средиземного моря, ахейцы наряду с религиозными культурами и т.п. переняли также и линейное слоговое письмо минойцев. Но при этом они *«не позаботились об усовершенствовании графики, созданной для записи минойских, но не подходящей для записи греческих слов»*⁸. Хотя заимствованная графика серьезно искажала их язык, она все же позволила сохранить древний облик слов разговорного языка греков-ахейцев. Сопоставление языка пилосских табличек с классическим литературным языком греков-дорийцев, с языком поэм Гомера (а их текст был записан в I тысячелетии до Р.Х. уже алфавитным письмом), в частности, показало, что поэтический язык «Илиады» и «Одиссеи», насыщенный архаизмами, восходит к древнему языку ахейцев, и поэтому разговорный язык ахейцев следует рассматривать как прототип «гомеровского диалекта»⁹. Как оказалось, гомеровские тексты не

только повествуют о героическом эпосе микенских греков, о предметах их быта, оружии, украшениях и т.д., но и воспроизводят черты характерной для ахейцев устной культуры, их избыливающий магическими словесными формулами стиль речи.

Конечно, по сравнению с позднейшим алфавитным письмом линейное слоговое письмо греков-ахейцев было чрезмерно сложным и весьма несовершенным. Его, пожалуй, можно сравнить с современной стенографией — лишь тот, кто делает записи, может без особого труда их расшифровать и понять. Поэтому рядом с некоторыми словами, записанными слоговыми символами, ставились идеограммы, передающие смысл слов с помощью изобразительного знака. Это иероглифическое дублирование позволяло писцам Крита и древней Греции выбирать правильный вариант чтения (и понимания) текста. Видимо, грамотность в древней Элладе не оставалась достоянием лишь весьма узкого круга посвященных — читать умели не только писцы, но и купцы, бухгалтеры и торговцы. Чудом сохранились и дошли до нас несколько тысяч надписей, сделанных микенским слоговым письмом, которые были написаны различными почерками (сорок почерков было выявлено только при исследовании «книг» пиловского дворца). Но *«среди них нет ни одной таблички, в которой содержалась бы дипломатическая переписка, законодательный акт, религиозный текст и т.п. Названия храмов, имена богов или жрецов упоминаются в табличках лишь в связи с учетом материальных ценностей, имущества, рабов и т.п. И нет никаких намеков на то, что греки-ахейцы записывали на своих глиняных табличках какие-либо литературные тексты»*¹⁰. Действительно, микенское слоговое письмо, по-видимому, было слишком примитивным для того, чтобы записывать сложные литературные или религиозные тексты. Это письмо естественным образом возникло из иероглифического письма, а это означает, что оно позволяло передать устную речь, выступая в роли своего рода мнемонического средства для ее фиксации и запоминания. Но в отличие от рисуночного или иероглифического письма слоговое письмо предполагает гораздо более развитый естественный язык, язык с артикулированной грамматической структурой (где, например, имеется словарь, состоящий из имен существительных и прилагательных, глаголов, наречий и т.д.), а соответственно и более высокий уровень архаического мышления.

Как свидетельствуют данные археологии и иные дошедшие до нас исторические источники, ахейская культура достигла своего расцвета в XV–XIII вв., приблизительно за столетие до втор-

жения в Элладу греков-дорийцев. Ее материальной основой первоначально выступала довольно примитивная система богарного земледелия, где использовался индивидуальный труд крестьян — владельцев небольших наделов (парцелл). Лишь в некоторых регионах выращивание зерновых культур дополнялось виноградарством и рыболовством. Однако преимущественно горный ландшафт Греции, ее географическая среда, видимо, исключали сугубо экстенсивный путь развития аграрного производства. Здесь довольно быстро стал ощущаться недостаток плодородной земли, к тому же ее дефицит обострялся стремительным ростом народонаселения. Наличие значительного количества избыточного населения, вынужденного искать какие-то альтернативные источники существования, привело к интенсивному развитию ремесленничества, к росту внутренней и внешней торговли, к появлению густой сети деревень и небольших городков, к возникновению величественных городов-полисов (наиболее крупными из них были Микены, Тиринф, Пилос и Фивы) и, наконец, к массовой эмиграции и образованию колоний по всему Средиземному морю (в Малой Азии, в Италии и Сицилии), а также по берегу Черного моря. Крупные города становятся центрами торговли, ремесел и административного управления. Согласно позднейшим историческим источникам только благодаря экспорту гончарных изделий, оливкового масла и серебра могли, например, осуществляться систематические закупки импортного продовольствия для города Афин, население которого в середине I тысячелетия до Р.Х. временами достигало 300 тысяч.

В силу вышеуказанных причин особое значение в жизни древнегреческих городов-полисов постепенно приобретают торговые сделки, требующие хотя бы элементарного правового оформления, а также публичные судебные разбирательства, где каждый свободный гражданин первоначально являлся своим собственным адвокатом, а судьи избирались жеребьевкой. Интерпретация и толкование правовых норм, выбор различных смысловых значений, использование простейших логических методов доказательства, включая неформальную дедукцию и индукцию (когда дело, например, касалось подведения конкретных случаев под установленную норму или, наоборот, выведения из нормы, предназначенной для решения конкретного случая, некоторого общего правового принципа) и, наконец, способ рассуждения от противоположного, когда утверждается одно и тем самым отрицается прямо противоположное, — все эти методы аргументации обрели фор-

му артикулированных знаний только благодаря их широкому применению прежде всего в древнегреческой судебно-правовой системе. Характерно, что уже к VI в. до Р.Х. в основных чертах завершилось формирование общего афинского народного права, которое наряду с правовыми обычаями отдельных эллинских племен и родов служило важным регулятором социально-экономической жизни древнегреческих городов-полисов. Кроме того, следует также учитывать особенности античной демократии, которая сводила политическую борьбу за власть к открытому состязанию ораторов, стремившихся повлиять на мнение свободных граждан и «завладеть» голосами избирателей. Здесь, по словам Г.Гегеля, существовала *«особая потребность в том, чтобы говорить перед народом, разъяснять ему что-нибудь, и для этого нужно, чтобы та точка зрения, которую он должен считать существенной, была бы наглядно ему изложена»*¹¹. Эти и ряд других факторов социокультурной среды благодаря своему обратному воздействию на когнитивную эволюцию, на развитие когнитивных способностей индивидов, безусловно, способствовали все более широкому распространению и расцвету в древнегреческих полисах искусства аргументации, постепенному превращению его в артикулированное специализированное знание.

Ясно, однако, что успешное применение простейших приемов аргументации и логического доказательства в судебно-правовой и политической системах открывало возможность их широкого использования в качестве универсального средства извлечения новой культурной информации и создания на этой основе соответствующих моделей понимания природы и структуры мира. В результате стремление к распространению вербальной формы информационного контроля постепенно приобретает всеобъемлющий и, что немаловажно, все более осознанный характер и в конечном итоге приводит к формированию у древних греков соответствующих мировоззренческих представлений, отражавших их глубокую убежденность в том, что слово, разум, логос управляют миром, человеческим мышлением и всеми природными и социальными процессами. Пожалуй, впервые эти идеи в четкой форме были сформулированы Гераклитом Эфесским: его «логос» — это одновременно и «истинное слово», и «разум», и «закон», а кроме того, и принцип мира, тождественный с вечным мировым процессом и в то же время неотделимый от основной стихии, космического первоогня. Согласно Гераклиту, овладеть мировым процессом и «законом» природы можно только в процессе разговора благодаря «чудотворной» силе «истинного слова»¹².

Несмотря на наличие благоприятных условий, способствовавших интенсивным контактам греков со странами Ближнего Востока (прежде всего в Малой Азии), их преимущественно устная, речевая культура, опиравшаяся на когнитивную уверенность в чудодейственной силе слова¹³, все же служила значительным препятствием для полного и всестороннего освоения богатого наследия древневосточных цивилизаций и не позволяла перенять многие элементы их знаково-символических культур. К тому же греки просто не видели в этом особой необходимости — лишённые сакрального смысла, мифы, ритуалы, многочисленные образцы, правила манипулирования символической информацией и т.д. не представляли для них никакой культурной ценности. В области математики их в основном, видимо, отталкивала непомерная громоздкость и сложность вычислений. Тем не менее у древних египтян они скорее всего все же заимствовали приемы оперирования с основными дробями и правила вычислений объемов и поверхностей. Знаменитая теорема Пифагора о площади прямоугольного треугольника, как это стало ясно из текстов папирусов, была хорошо известна древним египтянам, которые использовали ее в качестве «образцового» правила для практических вычислений. Есть также убедительные данные, свидетельствующие о том, что вавилоняне составляли длинные и громоздкие таблицы «пифагорейских» треугольников. По всей вероятности, многие достижения вавилонских математиков в области элементарной теории чисел были заимствованы ранними пифагорейцами. Но заслуга греков состояла вовсе не в том, что они скрупулезно собирали и суммировали математические достижения древневосточных цивилизаций. Там, где математики Древнего Востока видели лишь задачу на вычисление, решаемую путем применения сакральных образцов, правил и предписаний, греки усмотрели проблему совершенно иного порядка, которая становится у них центральной, — как доказать то или иное математическое утверждение или правило, расчлняя задачу на ряд предварительных этапов. И именно этот путь открыл перед ними горизонты теоретической науки.

Весьма показательно, что именно Фалес из Милета, города в Малой Азии, где в наибольшей степени ощущалось влияние культур древневосточных цивилизаций, был, видимо, не только первым из известных нам древнегреческих натурфилософов, но и пионером зарождающейся теоретической математики. По свидетельству неоплатоника Прокла, известного комментатора евклидовых «Начал», ссылавшегося на такой авторитетный, но, к сожа-

лению, не дошедший до нас источник, как «История математики» Евдема, Фалес доказал ряд кажущихся теперь тривиальными положений геометрии: о равенстве вертикальных углов и углов при основании равнобедренных треугольников, о том, что диаметр делит круг пополам, а кроме того, теорему о равенстве двух треугольников, у которых равны два угла и сторона и т.д. Конечно, в ходе своих доказательств Фалес скорее всего не прибегал к помощи силлогистических методов, а ограничивался сугубо практическими приемами — наложением геометрических фигур друг на друга, перегибанием чертежей и т.д., — которые позволяли визуально убедиться в конгруэнтности сторон, углов, треугольников и полукружностей¹⁴. Однако полученные таким путем теоремы уже могли выступать в качестве посылок доказательств силлогистического типа и служить источником для получения новых теорем и аксиом. (При том, разумеется, непременном условии, что наглядные символические репрезентации абстрактных сущностей, построения геометрических фигур с помощью линейки и циркуля и их преобразования должны были обрести новую для себя функцию контроля за формальной правильностью логических выводов в математике и истинностью доказанных с их помощью теорем.) Таким образом, Фалес фактически положил начало систематическому изложению простейших элементов теоретической математики, конструктивизации ее идеализированных объектов. В зародышевой форме, но уже достаточно отчетливо здесь проявилась совершенно новая, присущая только древнегреческой математике, особенность, заключающаяся в наличии математического или логического вывода одного утверждения из другого. Именно эта особенность по сути дела предопределила последующее выдвижение на передний план в античной эпистемологии проблемы доказательства исходных предпосылок (гипотез) научно-теоретического знания, а в дальнейшем и постановку вопроса о том, при каких условиях одни утверждения *безошибочно, т.е. логически*, следуют из других, который впоследствии стал центральным при создании логики как науки. Но когнитивной основой ее последующих успехов тем не менее оставалась наивная вера древних греков в сверхъестественные возможности слова, в его чудодейственную силу.

Примечания

- ¹ Биологическая эволюция дает немало примеров, когда яркая окраска самца (у птиц или насекомых), способствуя привлечению брачных партнеров, одновременно увеличивает шансы его потомков погибнуть от хищника. Вопрос о том, возможна ли сепаратная эволюция фенотипических признаков, которые дают адаптивные преимущества главным образом для нахождения брачных партнеров, до сих пор остается открытым. Однако ясно, что половой отбор — это только один из элементов общей приспособленности. Поэтому эволюция полового диморфизма не может продолжаться, коль скоро он оказывается губельным для потомков особи.
- ² Примером здесь может служить подбородок у человека, который, как оказалось, нельзя рассматривать как приспособительный признак, появившийся в результате действия естественного отбора. *«Можно ли считать ногу единицей, подверженной эволюции, а следовательно, пытаться выяснить ее адаптивную функцию? И если да, то можно ли считать такой единицей часть ноги, скажем стопу, или большой палец, или одну из его фаланг? ... Морфологическую эволюцию человека можно описать в целом как «неотенический прогресс». Иными словами, младенцы и взрослые люди больше похожи на зародышей и детенышей человекообразных обезьян, чем на взрослых обезьян, как будто бы человеческие существа рождаются на свет, находясь на более ранней стадии физического развития, характерному для обезьян. Например, размеры черепа относительно длины тела примерно одинаковы у новорожденных обезьян и у человека, тогда как у взрослых обезьян размеры тела по отношению к размерам головы гораздо больше, чем у человека; фактически их тела в своем развитии «заходят дальше» (Левонтин Р. Адаптация // Эволюция. М., 1981. С. 252).*
- ³ Примером здесь может служить довольно сложная арифметическая задача, взятая из берлинского папируса, где для решения необходимо прибегать к квадратным корням: *«Квадрат и другой квадрат, сторона которого есть $3/4$ стороны первого квадрата, имеют вместе площадь 100. Вычисли мне это».* (Ван дер Варден. Пробуждающаяся наука. М., 1959. С. 38). Вот другой типичный пример древнеегипетской геометрической задачи из папируса Ринда: *«Образец для вычисления пирамиды. 360 — сторона ее основания. 250 — высота. Дай мне узнать ее скат»* (Там же. С. 42). Нетрудно заметить, что решения такого рода задач всегда сводились к вычислениям, а не к доказательствам или построениям.
- ⁴ Более подробно см.: Полани М. Личностное знание. М., 1985. С. 88—98.
- ⁵ Архаичное представление об орудии или инструменте, обеспечивающем безошибочное достижение цели, позднее получило философскую интерпретацию в концептуальных моделях целенаправленной деятельности Парменида и Платона. Характерно, что Платон относил к орудиям также и интеллектуальные инструменты познания и рассматривал знание (epistema) и любое мастерство как безошибочное искусство: *«Думаю, мы только в просторечье так выражаемся: «ошибся врач», «ошибся мастер счета» или «учитель грамматики»; если же он действительно то, чем мы его называем, он, я думаю, никогда не совершает ошибок. По точному смыслу слова, раз уж ты так любишь точность, никто из мастеров своего дела в этом деле не ошибается. Ведь ошиба-*

ются от нехватки знания, то есть от недостатка мастерства. Так что, будь он художник, или мудрец, или правитель, никто не ошибается, когда владеет своим мастерством...» (Государство. 1.340 d-e).

- ⁶ См.: Кондратов А.М., Шеворошкии В.В. Когда молчат письмена. М., 1970. С. 37.
- ⁷ Там же. С. 64.
- ⁸ Там же. С. 25.
- ⁹ Там же. С. 38–40.
- ¹⁰ Там же. С. 42.
- ¹¹ Гегель Г.Ф. Соч. М.:Л., 1935. Т. 3. С. 252.
- ¹² По его словам, «мудрость заключается только в одном: признать разум как то, что управляет всем при помощи всего», и «мудрость состоит в том, чтобы говорить истинное» (Цит. по: Материалисты Древней Греции. М., 1955. Фрагменты 112, 114).
- ¹³ Этот культ слова софист Горгий в своей «Похвале Елене» описывает следующим образом: «Слово есть великий властелин, который, обладая весьма малым и совершенно незаметным телом, совершает чудеснейшие дела. Ибо оно может и страх изгнать, и печаль уничтожить, и радость вселить, и сострадание побудить... Сила убеждения, которая присуща слову, и душу формирует, как хочет...» (Маковельский А. Софисты. Баку, 1940–1941. Вып. 1–2. В II.)
- ¹⁴ См.: Розенфельд Б.А. История неевклидовой геометрии М., 1976. С. 106.

Девиантные формы аргументации

То, как человек рассуждает, многое может рассказать о его психическом складе, мыслительных способностях и даже состоянии здоровья. Недаром говорят: «Кто ясно мыслит, тот ясно выражает».

Однако *что* считать ясной формой выражения собственных мыслей? Если мы задумаемся над этим, то поймем, что ясными, логичными, последовательными мы называем те рассуждения, которые в понятной для окружающих форме фиксируют этапы движения мысли, *приемлемые для большинства представителей сообщества*.

В каком смысле «приемлемые»? В том, что, если бы наш собеседник основывался на тех же предпосылках, что и мы, он, скорее всего, пришел бы к тем же выводам. Иначе говоря, аргументированным мы считаем такое изложение чьих-либо (в том числе и своих собственных) мыслей, которое склонно было бы использовать большинство представителей той же культуры, что и мы сами. А это означает, что принципы аргументации существенным образом *культурно обусловлены*. Что имеется в виду?

Когда я говорю о культурных факторах, то подразумеваю не только принадлежность данного конкретного индивида к сообществу, находящемуся на определенном этапе исторического развития (например, технократическая цивилизация и примитивные племена), не только немного расплывчатую культурную дихотомию «Восток — Запад», но и устоявшиеся в сообществе фундаментальные стереотипы мировосприятия и репрезентации информации. Например, чрезвычайно трепетное отношение к собствен-

ному и чужому времени, которое демонстрируют американцы, совершенно нетипично и нехарактерно для арабов. Для американца опоздание на пять минут — это серьезное проявление неуважения к тому, с кем назначено свидание. Во многих арабских странах и 45 минут — не повод для того, чтобы начать беспокоиться о ранее достигнутых договоренностях. Понятно, что и в коммуникативных взаимодействиях эти различия получают проявление.

Так, для американца совершенно нормально условиться о том, что некая встреча состоится через неделю. В арабской стране он вполне может сделать то же самое, и даже получит от своего собеседника заверение, что тот согласен с этим планом. Однако это вовсе не означает, что «назначенная» встреча состоится, просто потому, что в арабской культуре то, что отстоит во времени так далеко, вовсе может не приниматься в расчет.

Понятно, что хотя аргументация в обоих случаях может выглядеть одинаково¹, для собеседника-американца она будет вполне определенно понимаемой договоренностью, для собеседника-араба, скорее, неким «протоколом о намерениях», не более того. Нет ничего удивительного в том, что в таких условиях возникают серьезные межличностные проблемы и недоразумения, обусловленные не злой волей или необязательностью участников коммуникации, но иными стереотипами мировосприятия, связанными с отношением ко времени в данной культурной традиции. Учитывая это, было бы разумнее ориентировать аргументацию не на среднестатистического представителя твоей собственной культуры, который неосознанно находится под влиянием тех же фундаментальных стереотипов, что и ты сам, и поэтому не нуждается в их проговаривании и контроле, а на стереотипы той культуры, к которой принадлежит твой собеседник.

Однако это нелегкая задача. Для ее реализации необходимо, как минимум, иметь представление о том, что такие расхождения *существуют* и требуют специального внимания. Для решения подобного рода задач даже созданы специальные дипломатические службы, которые готовят выезжающих за границу, знакомя их с теми особенностями менталитета и традиций, с которыми вновь прибывший неизбежно столкнется в своей повседневной работе. И это — свидетельство того, насколько существенно взаимопонимание обусловлено культурными (в широком смысле) стереотипами.

Таким образом, мы видим, что даже если не брать в расчет какие-то крайние варианты далеко отстоящих друг от друга традиций, мы все равно обнаруживаем, что оценка аргументации как

достаточной, логичной, обоснованной зависит от стереотипов восприятия и мышления *большинства* представителей *данного сообщества*. Иначе говоря, то, какого типа аргументы мы будем склонны оценить как нормальные, стандартные, приемлемые, в значительной степени обусловлено теми особенностями восприятия, осмысления и изложения своих соображений, которые присущи большинству членов нашей культуры. Но это означает, что понятие «нормы» в аргументации если и может применяться, то весьма осторожно. Не всегда нарушение тех принципов, которых придерживается *большинство* членов сообщества в выстраивании и изложении своих соображений, свидетельствует о нелогичности или мыслительной неполноценности того, кто — в силу тех или иных причин — прибегает к каким-то непривычным формам аргументации.

Вот эти «непривычные», нестандартные формы обоснования собственных поступков, решений, намерений я и называю девиантными, т.е. отклоняющимися. Я склонна согласиться с К.Левин-Строссом, утверждавшим, что не существует плохого и хорошего мышления, есть разные типы осмысливаемой реальности. Точно так же и применительно к теории аргументации: нет правомерной или неправомерной аргументации², есть разные типы *внутренней реальности*, с осмыслением и изложением которой имеет дело каждый конкретный человек. Просто эволюционно сложилось так, что большинству представителей одного и того же сообщества присущи сходные формы восприятия и репрезентации информации, а это означает, что они имеют дело с близкими (не по содержанию, а по основным формам упорядочения) вариантами *внутренней реальности*. В этих условиях аргументы, которыми они будут склонны воспользоваться для изложения своих соображений, тоже будут достаточно близкими по структуре.

Но всегда ли мы можем сказать, что человек неразумен, что его аргументация неправильная, если она отклоняется от неких достаточно расплывчатых стандартов привычных способов аргументирования, к которым скорее всего были бы склонны прибегнуть и мы сами?³

В плане ответа на этот вопрос мне кажется очень привлекательной позиция основоположников теории нейролингвистического программирования Р.Бендлера и Дж.Гриндера⁴, полагавших, что человек может быть максимально рационален в своих действиях, даже если окружающим они кажутся глупыми, непонятными или бессмысленными. Просто дело в том, что другие люди могут

видеть иной набор вариантов поведения в проблемной ситуации, чем это *доступно* данному конкретному человеку. Он, в силу тех или иных причин (неосознаваемые установки, искажения личности, особенности ведущей репрезентативной системы), основывается на одном спектре значений, а окружающие — на другом. Но это не значит, что, совершая, с нашей точки зрения, нелепые поступки, человек не рационален. Это всего лишь означает, что в его внутренней реальности отсутствуют те варианты репрезентации ситуации, которые в принципе возможны и которые есть *в нашей* внутренней картине мира. Таким образом, его поступок, хотя и выглядит нелепо в глазах других людей, может быть рациональным, если судить о нем в соотнесенности с жизненным миром данного индивида. Более того, он может оказаться *наилучшим выбором* в той ситуации, которая *доступна* его внутреннему пониманию, внутреннему взору. Точнее было бы сказать, наилучшим из *альтернатив, существующих в его внутренней картине мира*.

То же, на мой взгляд, относится и к аргументированию. Не всегда, когда чьи-то аргументы кажутся нам глупыми, нелепыми или бессмысленными, они на самом деле таковы. Зачастую причина такого отклонения от наиболее вероятного (для представителей определенного сообщества) хода мысли и его изложения — в том, что внутренняя картина мира, внутренняя реальность, с которой имеет дело данный конкретный человек, такова, что именно *такой* ход мысли и *такой* способ его изложения и обоснования ощущается им как наиболее точно выражающий ситуацию. И причина этого — не в нелогичности, иррациональности или противоразумности субъекта, а в особенностях той внутренней реальности, в рамках которой он вынужден существовать.

Попытаюсь проиллюстрировать зависимость аргументации, которая может быть названа девиантной по отношению к нашему складу мышления, от особенностей восприятия, мышления, состояния сознания некоторого конкретного индивида.

Интересный пример девиантной аргументации — рассуждения женщины, перенесшей острую форму тяжелого заболевания (шизофрении), самостоятельно излечившейся, а потом увлекательно, с мягкой самоиронией изложившей то, что когда-то переживалось ею как реальность. В данном случае мы имеем дело не просто с *особенностями восприятия*, отличающими человека от большинства членов современного ему сообщества той же культуры, а с *изменением состояния сознания, когда оно оказывается не способным выполнять интегрирующую функцию*. В результате суб-

личности, которые живут в психике любого человека, захватывают власть над личностью в целом. Их голоса становятся не просто слышными, но доминирующими. Сами эти персонажи обретают устойчивую внешность, а также специфические манеры и повадки, отличающие каждую данную субличность от всех других. Таким образом, расщепленному сознанию они представляются совершенно реальными, живыми персонажами из плоти и крови, со своими характерами и особым отношением к своей хозяйке — Барбаре О'Брайен, которую они между собой именуют «Вещью».

Здесь надо отметить, что длительный период (полгода) ей удалось прожить, скрывая от окружающих свое безумие, косясь без всякой цели по стране, пересаживаясь с автобуса на автобус, лишь подчиняясь тем внутренним командам, которые давали ей ее голоса (в бреду Барбары — Операторы). И это при том, что она не могла дать ответа на простейшие вопросы: какой сейчас год, кто президент Соединенных Штатов и т.п. Иначе говоря, степень ее дезадаптации была достаточно велика. Тем не менее, ей благополучно удалось избежать лечения в психиатрической клинике, убедив врача в своей нормальности.

В целом можно сказать, что, несмотря на огромные внутренние страдания и неспособность здраво рассуждать (в нашем понимании), Барбара О'Брайен совершила многие полезные (а иногда и единственно верные в критических ситуациях) поступки, лишь руководствуясь теми подсказками (а иногда и приказами), которые давали ей ее Операторы.

Для нас же в данном случае интересно следующее: как возможно, что человек, в привычном смысле, не способный здраво рассуждать, тем не менее не только действовал с большой выгодой для себя, но и в отдельных случаях демонстрировал удивительно стройную аргументацию, хотя за секунду до критической ситуации и двух слов связать не мог?

Чтобы проанализировать эти вопросы, посмотрим, *что* бессознательное Барбары (в лице ее Операторов) говорит об особенностях мышления человека: «Внутри изображающего голову круга он нарисовал кружок поменьше, зазор составлял сантиметра два-три.

— Вот это и есть решетка⁵. Иногда она бывает и пошире, в зависимости от необходимых Вещи навыков. У тебя они соскоблили часть решетки по бокам. Как правило, с помощью навыков, большинство Вещей вполне справляются с повседневными делами, если Оператору нужно отлучиться. Знала бы ты, как на удив-

ление мало думают Вещи. Большинство из них просто слепо выполняют программы, тщательно разработанные для них Операторами. Когда соскабливают решетку, Вещь замечает, что ей становится труднее думать. На самом деле мыслительные способности ни в коей мере не страдают. Просто Вещь привыкла больше полагаться на свои навыки, чем на разум... Вещью управляют ее навыки, а когда у нее остается только мыслительная способность, из нее может вить веревки даже самый слабенький Оператор. Самостоятельное мышление у Вещи весьма ограничено»⁶.

Как видим, весьма нелестное мнение о мыслительных возможностях человека, но вполне вероятно, достаточно верное. Что бессознательное Барбары в данном случае сообщает о мышлении и поведении человека? Во-первых, что большинство «Вещей» в своей жизни руководствуются навыками, составляющими «решетку мышления», и слепо выполняют указания Операторов. Если учесть, что Операторы — это субличности, конstellлированные в бессознательном, то получается, что люди очень мало думают самостоятельно, пользуясь возможностями сознания. Основная же часть их поведения направляется осколками их личностей, оказавшимися в бессознательном, и диктующими стратегии поведения, которые отвечают природе каждой данной субличности. Поэтому можно сказать, что люди очень несамостоятельны в принятии решений, хотя внешне кажется, что они свободны в выборе.

Во-вторых, если разрушить эти привычные стратегии поведения («выскоблить решетку»), то человек, несмотря на полное сохранение мыслительных способностей, чувствует себя беспомощным, ему кажется, что стало труднее думать. Хотя на самом деле способность мышления не пострадала.

Похоже, так и происходит: любой кризис личностного роста, сопровождающийся разрушением навыков и пересмотром стереотипов, переживается как изменение мыслительных возможностей, хотя они-то как раз непосредственным объектом изменения не являются. Просто, очевидно, за мышление мы часто принимаем процесс, в котором сами играем довольно пассивную роль. Наиболее же активны те наши субличности, которые существуют в бессознательном и настойчиво подталкивают к желательному для них решению. Но поскольку мы не осознаем факт наличия этих сублинностей (в их основе — вытесненные нами боли, обиды, проблемы, те способы реагирования и поведения, за которые мы были когда-то наказаны и т.п.), мы, естественно, не можем осознать и

вынужденного характера принимаемых нами решений, полагая их свободными, принятыми по нашему собственному желанию и в результате наших собственных размышлений и оценок.

Это очень важный момент: *то, что мы считаем нашим рассуждением и анализом, зачастую совсем другой процесс*. Чтобы разобраться с этим получше, посмотрим, каковы были особенности рассуждений и принятия решений Барбарой в острый период и тогда, когда болезнь уже отступила, но сознание еще не включилось (Барбара называла его «иссохшим берегом»).

Анализируя рассказ Барбары о том, как она действовала, на каких основаниях принимала решения, можно сказать, что посылки умозаключений ею иногда вообще не осознавались. Вывода, как *процесса* нахождения решения, зачастую, тоже не было. Результирующее суждение нередко возникало как бы ниоткуда и «ни с чего». Но поскольку результаты, которых ей удавалось добиваться, действуя на основе таких свернутых форм умозаключений, были весьма впечатляющими, вероятно, какой-то анализ ситуаций все же происходил. Что-то лежало в его основе. Что же? Иногда это была совершенно абсурдная аргументация, которую никогда бы не приняло сознание, будь оно по-прежнему хозяином положения. Например: «Ложись в постель и вызови врача, — посоветовала миссис Доррейн. — Да не мешкай. Эта долбежка — дело опасное⁷».

В телефонной книге я нашла номер первого попавшегося врача, вызвала его и забралась в постель. Доктор приехал быстро, обследовал меня и велел немедленно собираться в больницу.

— Я отвезу вас в своей машине.

— А что у меня с головой?

— С головой? — он как-то странно глянул на меня. — У вас воспаление легких⁸.

Итак, фактически, «Ложись в постель и немедленно вызови врача» — это и было то суждение, которое было принято сознанием Барбары и послужило основанием для ее последующих действий. Выводом из какого умозаключения оно явилось? Из того «обстоятельства», что муж миссис Доррейн «выдолбил Барбаре голову на полсантиметра», и информации самой миссис Доррейн, что «долбежка — дело опасное».

Совершенно очевидно, что, будь Барбара в твердом уме, такое рассуждение никак не могло бы подвинуть к принятию вывода «Лечь в постель и немедленно вызвать врача».

Впоследствии сама она так описывает особенности отношения сознания и бессознательного: несмотря на утрату сознанием руководящей роли, оно не лишилось всех своих привилегий, и

бессознательное может диктовать свою волю, только *убеждая* сознание поступить так, как ему выгодно. Хотя аргументация, как видим, может быть совершенно бредовой. Тем не менее вывод, который бессознательное убеждает сознание принять, очень полезен для Барбары и совершенно верен: ей действительно нужна срочная медицинская помощь и промедление опасно.

Итак, *аргументация бредовая, вывод верный*. Как такое возможно? Как отмечала Барбара, подсознание в безумии берет на себя роль режиссера, разыгрывающего пьесу по своему собственному сценарию. Сознанию в этом действе отведена роль пассивного наблюдателя, который сидит в зрительном зале и не имеет права покинуть место действия.

Иначе говоря, сознание, не справившееся с руководством, отстранено от управления. И отныне принятие решений в более явственной форме (можно сказать, в неприкрытой форме) осуществляется на основании подсказок бессознательного. Но миры бессознательного и сознания различаются. То, что возможно в мире бессознательного, с ужасом отвергло бы сознание. Сознание же проделявает с человеком такие вещи, которые пугают бессознательное.

Поскольку это разные миры, возможные положения вещей в них различаются. Иными оказываются и законы, действующие в них. Например, в мире бессознательного можно выдалбливать решетку навыков, делая из Вещи болвана⁹, и при этом Вещь, хоть и чувствует, что болит голова, тем не менее вполне дееспособна (в том смысле, что не лежит под общим наркозом, а едет в автобусе по стране).

Т.е. миры бессознательного — это миры человеческой психики¹⁰. Происходящее в них представлено человеку в той форме, которая делает это доступным его осознанию — *в событиях*, которые *возможны* в физическом мире, но *сочетание* которых в физическом мире *невозможно*¹¹. Для *нормального сознания язык бессознательного — это язык символов*. Для *больного* — это *буквальный язык образов обыденной физической реальности*. Например, если бы один человек пожаловался другому: «Целый день долбят голову, я совершенно измучился», уверена, что первый понял бы его не буквально, а символически, — как образное выражение переживаемых ощущений. Больное же, ослабленное, сознание не возражает против совершенно буквального восприятия языка символов. И тогда образом больной головы становится злобный мистер Доррейн, который, пользуясь клещами и молотком, долбит голову жертвы, чтобы «разрушить клетки головного мозга, которыми Барбара мыслит».

Фактически, посылки вывода о том, что необходимо лечь в постель и вызвать врача, таковы: «Я себя чувствую настолько плохо, что у меня от головной боли раскалывается голова» и «Такая головная боль свидетельствует о том, что у меня какие-то серьезные проблемы со здоровьем». Поэтому «Необходимо лечь в постель и немедленно вызвать врача». Но сознание Барбары отключено от происходящего, ею управляет бессознательное, а у него свои образы и свои выразительные возможности.

Еще один интересный пример. «Не мешкай, — приказал Пронрыра. — Достань скорее документы, удостоверяющие личность, и уничтожь их. На объяснения нет времени. Нам угрожает большая опасность.

Страховка, визитка. Я разорвала их на мелкие клочки, бросила в урну и стала ждать, что будет дальше. Вдруг пол автовокзала как-то странно поплыл мне навстречу»¹². Барбара потеряла сознание и попала в больницу.

Что мы здесь видим? Она получает непосредственно приказ уничтожить все документы. На сей раз приказ *ничем не аргументируется*, но бессознательное все же находит нужным проинформировать сознание, что аргументации нет, т.к. ситуация экстраординарная, решение надо принимать немедленно. Что же на самом деле лежит в основе такого вывода? В книге многократно повторяется утверждение, что одной из своих главных удач Барбара считает то, что о ее болезни не узнали родные, друзья, коллеги по работе. Это позволило ей, выздоровев, без всяких объяснений вернуться в мир никогда не болевших.

Что произошло бы, если бы она не уничтожила документы до приступа? Ее доставили бы в больницу, установили, что она психически не вполне адекватна, по документам нашли бы ее родственников и поставили их в известность. А это, как мы помним, и было тем, чего Барбара боялась больше всего.

Как же в такой ситуации осуществляется вывод и принимается решение? Прежде всего, бессознательное заранее знает, что сейчас она упадет в обморок. Откуда такое знание — понятно. Это обычное телесное чувство, которое чаще всего заглушается сознанием. Здесь оно ничем не заглушено. Далее, бессознательное быстро находит вариант оптимального поведения в такой сложной ситуации, который позволит и событиям произойти, и инкогнито соблюсти. Отсюда рекомендация-приказ: «Достань скорее документы, удостоверяющие твою личность, и уничтожь их».

Как видим, в данном случае не используется никакой язык символов для убеждения сознания в необходимости принять некоторый вывод и на его основе предпринять действия. Посылки, фактически, таковы: «Сейчас случится обморок, и ты попадешь в больницу. По документам установят личность. Если ты не хочешь, чтобы установили твою личность, немедленно уничтожь документы».

Это пример того, как в сознании вывод возникает *как бы ни откуда*: ведь соответствующее указание Барбара получила, когда еще ничего не произошло, и из ее рассказа видно, что она не осознавала приближения приступа.

Еще один интересный вариант умозаключения и поведения в ситуации безумия. Итак, Барбара попала в больницу, на вопросы врача она ответить не смогла: ни кто она, ни какой идет год, ни кто является президентом страны. Далее произошло следующее: «Не умом, а глазами я осознала, что приблизившаяся ко мне медсестра держит в руках шприц.

— Не давайся, — прошипел Проныра. — Тебе угрожает страшная опасность.

Я стала возражать против укола. Медсестра посмотрела на меня ничего не выражающими глазами и вышла из палаты. Через минуту она возвратилась с другой медсестрой, мускулистой бабищей.

Я снова запротестовала. Глаза бабищи полыхнули лютым огнем. Это была такая нескрываемая ненависть, что ее никак нельзя было спутать с раздражением или возмущением.

Тут заработал мой язык. Как и глаза, он, казалось, действовал совершенно самостоятельно. Я слушала свою мягкую, спокойную и разумную речь. По состоянию здоровья, сообщила я, мне не рекомендовано принимать успокоительное. Мой лечащий врач неоднократно напоминал мне об этом. Если это успокоительное, то у меня может быть аллергический шок. Поэтому лучше посоветоваться с врачом, прежде чем делать укол.

Тупо посмотрев на меня, первая сестра пожалала плечами. Поражение ее не раздосадовало. Зато бабища свирепо уставилась на меня, плотно сжав губы. Позволить уложить себя на ковер — ни за что. Первая сестра отступила. Бабища никак не могла оторвать от меня лютых глаз. Наконец ушла и она.

Зачем я все это наговорила, мелькнула у меня мысль. Насколько я помню, у меня никогда не было противопоказаний в отношении успокоительных лекарств»¹³.

Этот пример, мне кажется, интересен тем, что умозаключение, безусловно, наличествует. Барбара пришла, как минимум, к трем выводам: а) что ей хотят сделать укол именно в связи с тем,

что она не смогла ответить ни на один из простых вопросов, т.е. каким-то образом относящийся к лечению душевнобольных; б) это опасно, потому что человек утрачивает волю и способность к сопротивлению; в) при наличии «бабищи» избежать укола можно, только заставив поверить в свою абсолютную адекватность и разумность.

Примечательно, что в данном случае посылки не представлены вообще ни в какой форме: ни в форме пусть и ложных (или бессмысленных в мире здоровых людей), но все-таки аргументов, ни в форме прямого приказа бессознательного. Здесь вроде бы вообще отсутствует какое-либо рассуждение: Барбара «понимает» глазами, что ей хотят сделать укол, язык начинает работать «совершенно самостоятельно». Т.е. здесь мы имеем какую-то удивительную разновидность, если так можно выразиться, «телесного осознания», «телесной аргументации».

Тем не менее очевидно, что упоминавшиеся выше выводы все-таки были сделаны. Об этом однозначно свидетельствует поведение Барбары. (Вспомним, что аргументировать нежелательность укола начинает человек, который только что не мог сказать, какой идет год, кто она и откуда.) Как такое возможно? И зачем нужно сознание с его явно сформулированными аргументами, если бессознательное так блистательно справляется даже со сложными конфликтными ситуациями?

Труднее всего, мне кажется, ответить на первый вопрос. Ведь если мыслительная деятельность дезорганизована, то как она могла восстановиться чуть ли не сразу? Варианты ответа: а) стресс привел к мгновенной мобилизации ресурсов сознания; б) сознание не было дезорганизовано, оно лишь было «отстранено» от руководства из-за продолжительной губительной для личности в целом стратегии поведения. Какой из них верен, я не знаю, может быть, оба, может быть, ни один. Понятно лишь, что с сознанием больного человека не все так просто и однозначно, как иногда кажется.

Какую роль играет сознание в процессе нахождения решения в ситуации, подобной вышеописанной? Вывод был осуществлен, решение, возможно, единственно верное, найдено. И при этом сознание в явной форме не участвовало в анализе складывающегося положения.

Что вообще делает сознание, кроме того, что позволяет собирать информацию, проверять выводы, явно формулировать посылки и заключения? Неужели мы и в самом деле настолько несамостоятельны в своей мыслительной деятельности, насколько это следует из высказываний «Операторов»?

Этот вопрос фактически означает: какова роль сознания в принятии решения? Оставим в стороне очевидные вещи: обеспечивает сохранение последовательности в рассуждении, дает возможность выявить скрытые шаги в умозаключении, позволяет проследить возможные следствия, оценить правильность вывода и т.п. Подумаем, *зачем* нужно озвучивать сознанием аргументы, которые подбрасывает бессознательное? Для того, чтобы управлять поведением человека? Этого не может быть, потому что множество вещей отлично направляются бессознательными решениями. (Взять хотя бы случай Барбары, когда ее язык «самостоятельно» отстаивает ее право на отношение, как к нормальному, здоровому человеку.) Для того, чтобы упорядочить аргументацию? А зачем это нужно, если и без упорядочения и вообще без информирования сознания человек может действовать более эффективно, чем с включенным сознанием? Скорее всего и это не причина.

Я вижу здесь такой вариант ответа: для сохранения психического здоровья. Нынешний уровень организации человека и всего мира людей в целом таков, что он ориентирован на мир сознания. Вся наша культура, наш язык, мышление, даже чувствование адаптированы к миру, где доминантным является сознание. В этом мире возможны только такие положения вещей, которые допускаются сознанием, только такие цепочки событий, которые готово принять сознание, только такие способы рассуждения, с которыми соглашается сознание.

Когда в ситуации болезни сознание умолкает (или, по крайней мере, его голос сильно ослабевает), и руководство на себя берет бессознательное, оно продолжает действовать в интересах человека, хотя, на первый взгляд, это не всегда выглядит так. Возможно, бессознательное знает, что человека опасно полностью убирать из мира сознания. Тогда он уже туда никогда не вернется. Поэтому, хотя бессознательное и берет на себя труд анализа ситуации и выработки оптимальных решений, тем не менее оно предпочитает знакомить сознание человека с результатами своей деятельности, чтобы сохранить возможность будущего возвращения в мир здоровых, построенный именно на ведущей роли сознания. Как мы видели, бессознательное прибегло к диктату только в ситуации крайней опасности. В других случаях оно предпочитало либо информировать сознание, либо даже убеждать его доступными бессознательному средствами.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство: предпринимаемые Барбарой на основе советов бессознательного шаги вели к положительным для нее результатам. Конечно, так бывает дале-

ко не всегда, но важно, что так бывает *хотя бы иногда*. Т.е. важно, что *возможно*, что сознание отключено, а поведение человека, направляемого бессознательным, в сложнейших, конфликтных ситуациях оказывается чрезвычайно эффективным. Ведь именно это обстоятельство служит основанием для того, чтобы задаться вопросом о том, зачем нужно сознательное озвучивание аргументов.

Итак, возможно, что бессознательное стремится минимизировать отрыв больного человека от мира здоровых людей, который целиком ориентирован на сознание (по крайней мере, в западной культуре).

Давайте задумаемся над тем, что из всего того, что Барбара рассказывает о себе, о своих действиях в период болезни, свидетельствует о ее безумии (разумеется, кроме марсиан, Операторов, ее неспособности отвечать на простейшие вопросы и предпринимать простейшие действия). Иначе говоря, что в поведении Барбары, принимавшей решения по подсказкам бессознательного, было безумным? Как ни смешно, *ее безоговорочное доверие голосам бессознательного*. Потому что сами-то ее действия были для нее достаточно успешными: сумасшедшая, она колесила по стране полгода без того, чтобы ее кто-то заподозрил в безумии; смогла выйти из психиатрической клиники, избежав лечения; выздоровела. Для человека европейской культуры именно склонность слепо доверять подсказкам бессознательного без их осмысления на уровне сознания кажется наиболее странной.

Иначе говоря, в практике аргументации Барбары в период болезни примечательным является то обстоятельство, что *она готова принять выводы бессознательного даже в том случае, если они основаны на ложных, бессмысленных или нелепых посылках, и даже в том случае, если они не подкрепляются вообще никакими осознаваемыми аргументами*. (Причем последующее развитие событий показывает, что предлагавшиеся бессознательным решения были верными.) Т.е. получается, что сознание в практике аргументации больного человека играет какую-то не вполне понятную роль определенного избыточного механизма, бездействие которого достаточно эффективно компенсируется активностью бессознательного.

Особенно интересный пример такого необычного взаимодействия больного человека со своим бессознательным мы обнаруживаем, когда встречаем в повествовании Барбары персонаж по имени Нечто. Нечто появляется в тот момент, когда измученное сознание полностью умолкает, превращаясь в «иссохший берег», голоса отдельных субличностей тоже стихают, и Барбара оказы-

вается предоставленной самой себе. Вот в этот момент руководство ее жизнью берет на себя новый персонаж, именуемый ею «Нечто». Его активность продолжается около трех месяцев. И когда оживает сознание, этот голос умолкает навсегда.

Вот как оценивает Нечто аналитик Барбары: «В Нечто нет ничего ненормального, это просто крайне выраженная и достаточно распространенная форма предчувствия, и мне (Барбаре, а не ее аналитику — *И.Б.*) встречалось подобное явление, но в более слабой форме. Подсознание всегда отвечало за мыслительный процесс, только до болезни делало это в скрытой форме, а сейчас открыто. Нечто обдумывает вставшую передо мной проблему, принимает решение и вместо того, чтобы послать в мозг мысль, посылает настойчивые импульсы предпринять необходимое действие. Если бы я полностью выздоровела, то назвала бы Нечто наитием»¹⁴.

Идея наитий особенно заинтересовала Барбару: «До болезни я ничего такого за собой не замечала, а вот в те три месяца, что последовали за спонтанным исцелением, наития сыграли важную роль в моей жизни. Если бы не они, я, наверное, превратилась бы в душевную развалину. При моем осторожном характере, прежде чем действовать, я всегда должна осмыслить, чем мотивирован поступок, и всегда предпочитаю трезвый сознательный расчет неизвестно откуда взявшемуся наитию, которое еще неизменно куда меня заведет. Таких людей, как я, много, и их иногда озаряет. Зачем подсознанию «метать бисер перед свиньями»? Все равно не поймут. Всю свою жизнь я полагала, что мыслю. Возможно, потому что, работая с таким характером, моему подсознанию приходилось искать более хитроумные подходы, вот оно и посылало свои мысли и откровения в виде ласковых волн, пока убаюканное сознание не уловит их смысл, ни на йоту не сомневаясь в собственном авторстве. В те три месяца подсознание работало по обычной схеме, только это стало заметно потому, что мое состояние было необычным»¹⁵.

Что же делало это Нечто?

«На следующий день, когда я шла из кухни в спальню, Нечто опять наслало на меня озарение, и я почувствовала, что сейчас в дверь постучит горничная и попросит разрешения войти. В изумлении я приросла к полу. Прошло минуты две, и в холле послышались шаги, затем раздался стук в дверь, и горничная попросила разрешения войти.

С нарастающим беспокойством я все больше убеждалась в том, что заранее знаю, когда появится из-за угла знакомый человек и что произнесет. Это смущало меня, раскачивало якорь моего спокойствия. Когда

Нечто стало подбивать меня на поездку в Лас-Вегас, я поддавалась неохотно. С опаской, но в какой-то надежде избавиться от этого назойливого Нечто, через неделю я все же прибыла в Лас-Вегас. Зажав в кулаке пять долларов, я бродила по игорным заведениям, опасаясь проиграть их. Внезапно Нечто остановило меня у одного стола с рулеткой и стало настойчиво называть номер. Я поставила доллар и выиграла. Не в силах оторвать ноги от пола, я ждала, пока не подоспела новая подсказка. Снова выигрыш. Шесть раз я делала ставку и шесть раз выиграла. Когда Нечто перестало подсказывать номера, я прекратила игру и вернулась домой с полной сумкой денег.

У этого Нечто необыкновенные таланты. Деньги были как нельзя кстати¹⁶, я была благодарна моему Нечто, но мой якорь едва держался. Также нежданно Нечто... прекратило чудеса»¹⁷.

Рассказанное Барбарой напоминает информацию о возможности предзнания будущих событий, которая появляется у левшей при некоторых патологиях мозга, а также сведения об особенностях восприятия представителей традиционных культур (например, бушменов), способных заранее знать о наступлении некоторых событий, которые (в соответствии с современной картиной мира) еще не произошли. Бушмены воспринимают такую свою способность совершенно спокойно: их предки так жили, и они так живут. Это нормально, в этом нет ничего особенного.

Совсем иное отношение у представителей европейской культуры. Так, известные исследовательницы феномена левшества, в том числе мозговых патологий левшей, Т.А.Доброхотова и Н.Н.Брагина, хотя и знают о существовании подобного феномена не из рассказов других, а из собственной практики, тем не менее сообщают о феномене предзнания, демонстрируемого левшами, с большой осторожностью¹⁸. Чувствуется, что они не хотят быть обвиненными в том, что протаскивают паранормальные феномены в научное исследование. Заслуживает высочайшей благодарности то, что они открыто сообщают об этих необычных для современной картины мира явлениях.

В рассказе Барбары О'Брайен обращает на себя внимание настороженность, с которой она повествует об особенностях поведения Нечто. В ситуации, когда ее сознание бездействовало, у нее просто не было другого выхода, кроме подчинения этому голосу (хотя для нее такое доверие к неаргументированным подсказкам и не типично в нормальном состоянии). Но, записывая свою историю в здравом уме, она сообщает, что Нечто пугало ее гораздо больше, чем голоса, потому что про них хотя бы можно было ска-

зять, что они такое — проявление ее безумия. А вот что такое Нечто? Как может происходить то, что в принципе невозможно? Но ведь происходит. Так что же это значит? Как с этим быть? Таково типичное отношение человека европейской технократической культуры к феномену предзнания.

В плане анализируемой нами проблемы девиантной аргументации особенно интересно вот что: голос Нечто становится слышимым в критических ситуациях во время болезни и *постоянно направляет* ее поведение в период, когда болезнь осталась позади, но *сознание еще не способно было взять управление жизнедеятельностью на себя*. И вот тут обнаружилось, что человек в состоянии знать, что произойдет не только в ситуациях опасности, но и во вполне будничных ситуациях (встретился кто-то знакомый, вошла горничная и т.п.). Иначе говоря, когда молчат и сознание, и парциальные личности бессознательного, начинает звучать голос, направляющий поведение человека в ситуациях, о которых, в соответствии с современной картиной мира, мы не можем иметь никакой информации. И этот голос умолкает, когда включается сознание. Кроме того, он, практически, не слышен, когда говорят отдельные голоса бессознательного. Что же это за голос? Барбара сама так и не смогла ответить на этот вопрос. Сначала она полагала, что это осколок сознания, уцелевший в ее безумии и начинающий звучать в критических ситуациях. Потом поняла, что это не так. Позже думала, что это некий голос из бессознательного. Но его возможности уж очень сильно отличались от всего того, что демонстрировали ее Операторы.

Возможно, не так уж важно точно определить, какая именно часть человеческой природы говорит, когда звучит Нечто. Гораздо более важным мне кажется понять следующее: а) знание о событиях, еще не происшедших (в соответствии с современными представлениями), имеется у человека; б) это знание при определенных условиях ему доступно; в) оно оказывается совершенно точным и очень полезным для человека.

Все это, хоть и звучит странно, тем не менее вполне согласуется со многими авторитетными источниками. Например, в самых разных духовных традициях учат *слушать себя*, т.к. считается, что человек уже имеет все знание, которое ему необходимо. Вся мудрость мира в человеке. Отсюда требование «познай себя»¹⁹.

Итак, анализируя особенности аргументации Барбары О'Брайен, имеет смысл обратить внимание на следующие моменты: а) до болезни она была чрезвычайно рассудочным человеком;

б) в острый период, когда сознание умолкло, анализ информации и принятие решения осуществлялись по подсказкам субличностей бессознательного; в) когда и они умолкают, а сознание еще не начало работать, управление берет на себя особенно загадочная структура («Нечто»), которая знает и с пользой для Барбары сообщает то, чего, по идее, знать нельзя.

В некоторых из этих случаев мы имеем явные варианты умозаключений, хотя, возможно, и странноватые для обычного состояния сознания. В других — умозаключение осуществляется в какой-то стертой форме, когда налицо результат в форме решения осуществить некое действие, послышки же не осознаются вовсе, умозаключение не отслеживается, его правильность не анализируется. Тем не менее во многих случаях приходится признать, что аналитическая работа, если она вообще имела место, была достаточно эффективной.

Какой же вывод мы должны сделать? Девиантные (отклоняющиеся от привычных для членов данного сообщества) формы умозаключений встречаются не так уж редко. Они могут быть связаны с особенностями мировосприятия и репрезентации информации, с особыми состояниями сознания. Сам факт их «странности», «неприемлемости» для обычного восприятия и сознания еще не означает их иррациональности. В ряде случаев результаты, которых достигают индивиды, демонстрирующие такие формы рассуждения, не только оказываются вполне удовлетворительными, но и превосходят результаты, получаемые на основе стандартных мыслительных процедур. (Часто бывает, что тщательное продумывание ситуации, сопровождаемое взвешиванием возможных альтернатив, дает совершенно неудовлетворительные результаты, т.к. существуют факторы, которые принципиально не могут быть проконтролированы, а вариативность реализующегося иной раз превышает аналитические ресурсы сознания.)

Таким образом, девиантные формы аргументации тесно связаны с теми сферами психического, которые находятся на границах человеческих возможностей и, скорее всего поэтому, не являются широко распространенными. Тем не менее, они также попадают в сферу рационального мышления, как и всем нам привычные типы рассуждений. Но именно в силу своей специфичности, связи с пограничными возможностями человека, они представляют для исследователей значительный интерес, поскольку расширяют наше понимание нормы и приоткрывают за-

весу над теми формами мыслительных процессов, за счет изучения которых может быть достигнут существенный прирост нашего знания о природе человеческого сознания, его связи с бессознательным, о природе интуиции и т.п.

Примечания

- ¹ Допустим, «Мне важно обсудить с вами эту проблему. Вы в этом заинтересованы не меньше, чем я. Но в ближайшее время у меня еще не будет всех данных по данному вопросу. Поэтому давайте встретимся с вами через неделю, в это же время, здесь же».
- ² Я не имею в виду нарушение законов классической логики, когда вывод осуществляется, допустим, по следующей схеме: «Если А, то В. Имеет место не-А. Следовательно, не-В». Речь идет о «неправильности» другого рода, которую скорее стоило бы назвать непривычностью, необычностью, странностью.
- ³ Еще раз хочу обратить внимание: речь не идет о соблюдении или нарушении законов логики при изложении своих соображений. Эти вопросы хорошо изучены и не являются в данной статье предметом рассмотрения. Речь идет об отклонении некоторых типов рассуждений от общепринятых в плане их отличия от наиболее распространенных вариантов восприятия и оценки жизненных ситуаций, иных способов мировосприятия в целом или же иных состояний сознания.
- ⁴ Бендлер Р., Гриндер Дж. Структура магии. СПб., 1993.
- ⁵ Так в бреде Барбары именуется устойчивые навыки поведения и реагирования человека в жизненных ситуациях.
- ⁶ О'Брайен Б. Необыкновенное путешествие в безумие и обратно. М., 1996. С. 69.
- ⁷ Речь идет о том, что муж миссис Доррейн «выдолбил» Барбаре на полсантиметра «всю левую сторону головы», чтобы «разрушить те клетки головного мозга, которыми вы мыслите». О'Брайен Б. С. 50–51.
- ⁸ Там же. С. 51.
- ⁹ Специальный термин из бреда Барбары, характеризующий особое состояние неспособности самостоятельно решать даже простейшие задачи.
- ¹⁰ Если такая характеристика кажется несколько расплывчатой, ее можно конкретизировать, указав более точные функциональные параметры психологических механизмов. Например, так: «Психологические механизмы — это процессы внутри организма, которые, в качестве исходной, имеют дело с информацией, либо внутренней, либо внешней по отношению к индивиду, и трансформируют ее на выходе в такую информацию, которая либо регулирует физиологическую активность, либо служит источником для других психологических механизмов, либо продуцирует внешнее поведение». Hass R.G., Chaudhary N., Kleyman E., Nussbaum A., Pulizzi A., Tison J. The Relationship Between the Theory of Evolution and the Social Sciences, Particularly Psychology // *Evolutionary Perspectives on Human Reproductive Behavior*. N.Y., 2000. P. 12.
- ¹¹ Конечно, многие события в мирах человеческой психики совершенно точно соответствует происходящему в реальности. Но я сейчас говорю не об этих ситуациях. Для меня в данном случае интересно то, что в иносказательной, символической форме репрезентирует происходящее в реальности, т.к. в силу определенных обстоятельств буквальное и точное их восприятие невозможно.
- ¹² Там же. С. 38.
- ¹³ Там же. С. 39–40.
- ¹⁴ О'Брайен Б. Необыкновенное путешествие в безумие и обратно. С. 85.
- ¹⁵ Там же. С. 119.

- ¹⁶ Вспомним, что Барбара не работала полгода, колеся по стране, и у нее были большие финансовые проблемы: ей приходилось буквально во всем себе отказывать.
- ¹⁷ Там же. С. 84.
- ¹⁸ «Крайне трудны описание и анализ излагаемых далее явлений. Их названия условны. Эти термины описательны. Взятые нами в кавычки из-за исключительности и кажущейся невозможности того состояния, которое ими обозначается... В них (в явлениях, описываемых ниже — *И.Б.*) некоторыми (видимо, очень редкими) из левшей как бы иллюстрируются неведомые правшам способы взаимодействия с материальным миром». См.: *Доброхотова Т.А., Брагина Н.Н.* Левши. М., 1994. С. 129.
- ¹⁹ А вовсе не всегда из постулата, что человек — модель Вселенной.

Содержание

Предисловие	3
<i>Л.А.Котельникова, Г.И.Рузавин</i>	
Системный подход к процессу убеждения и аргументации	7
<i>Г.И.Рузавин</i>	
Абдукция как метод поиска и обоснования объяснительных гипотез	28
<i>И.А.Герасимова</i>	
Понятие, понимание и культура	49
<i>Г.В.Сорина</i>	
Вопросно-ответная процедура в аргументационной деятельности	71
<i>Е.Н.Шульга</i>	
Логическая герменевтика и философская аргументация	90
<i>М.М.Новосёлов</i>	
Аргументация, абстракция и логика обоснования (заметки на полях)	109
<i>В.Л.Васюков</i>	
О не-фрегевской аргументации	130
<i>И.П.Меркулов</i>	
Когнитивные предпосылки возникновения искусства аргументации	144
<i>И.А.Бескова</i>	
Девиантные формы аргументации	164

Научное издание

Теория и практика аргументации

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции

Художник: *В.К.Кузнецов*

Технический редактор: *Ю.А.Аношина*

Корректоры: *А.А.Смирнова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 29.03.2001.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл.печ.л. 11,5. Уч.-изд.л. 10,08. Тираж 500 экз. Заказ № 010.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерная верстка: *Ю.А.Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119842, Москва, Волхонка, 14